

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

Регионология

Том 31, № 1, 2023 (январь – март)

Сквозной номер выпуска – 122

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издаётся с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 31, no. 1, 2023 (January – March)

Continuous issue 122

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2023

Регионовология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)
Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)
International Relations (Political Sciences)
Economic Sociology (Social Sciences)
Demography (Social Sciences)
Demography (Economic Sciences)
Political Sociology (Social Sciences)
Political Sociology (Political Sciences)
Sociology of Culture (Social Sciences)
Sociology of Management (Social Sciences)
Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножка Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталья Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор, и. о. заведующего кафедрой социологии и политологии Волгоградского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, vzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Pedagogics), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghrian, Libya)

Natalya L. Antonova – Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, Acting Head of Department, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Sergey A. Kizima – Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Anatoly E. Lapin – Dr. Sci. (Economics), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr. Sci. (Sociology), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Serghei L. Sprincean – Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fnn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, vzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

- В. А. Аватков, Я. В. Агафонова.** Республика Корея и Турецкая Республика: сопоставительный анализ братства «по духу» 10
- Е. В. Крыжко, П. И. Пашковский.** Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение 30

Экономика и управление народным хозяйством

- Т. Ю. Кудрявцева, А. Е. Схведиани, М. А. Родионова, В. В. Яковлева.** Идентификация кластеров на территории России на основе синтеза функционального и пространственного подходов 46
- С. В. Арженовский, Т. Г. Синявская, В. М. Никогосян.** Оценка влияния климата на экономические показатели монетарной политики: региональный подход 70
- С. А. Кожевников.** «Мягкие» факторы обеспечения пространственной интеграции северных регионов России 87

Экономическая социология и демография

- Л. Н. Липатова.** Пандемия COVID-19 в России: статистическая оценка прямых и косвенных демографических потерь 107
- А. В. Нешатаев.** Человеческий капитал на территориях с разным уровнем благополучия: измерение и влияние 123
- К. Ю. Волошенко, А. В. Лялина, Ю. Ю. Фарафонова, А. А. Новикова.** Профессиональные факторы и механизмы привлечения в Калининградскую область мигрантов из регионов России 143

Социальная структура, социальные институты и процессы

- В. П. Бабинцев, Д. В. Хрипкова, К. А. Хрипков, П. К. Великих.** Формирование социального капитала городских сообществ в условиях цифровизации урбанизированной среды 166
- А. В. Дождиков.** Образовательная миграция в Республике Мордовия 182
- Информация для авторов и читателей (на рус. яз.)** 199
- Информация для авторов и читателей (на англ. яз.)** 201

CONTENTS**Political Institutions, Processes and Technologies**

- V. A. Avatkov, Ya. V. Agafonova.** The Republic of Korea and the Republic of Türkiye:
A Comparative Analysis of the “Brotherhood in Spirit” 10
- E. V. Kryzhko, P. I. Pashkovsky.** Genesis and Features of Anglo-Saxon Russophobia:
Geopolitical Dimension 30

Economics and Management of National Economy

- T. Yu. Kudryavtseva, A. E. Skhvediani, M. A. Rodionova, V. V. Iakovleva.**
Identification of Russian Clusters Based on the Synthesis of Functional and Spatial
Approaches 46
- S. V. Arzhenovskiy, T. G. Sinyavskaya, V. M. Nikoghosyan.** Assessment of the Climate
Impact on the Economic Variables of Monetary Policy: Regional Approach 70
- S. A. Kozhevnikov.** “Soft” Factors for Ensuring Spatial Integration of Russia’s Northern
Regions 87

Economic Sociology and Demography

- L. N. Lipatova.** COVID-19 Pandemic in Russia: Statistical Assessment of Direct
and Indirect Demographic Losses 107
- A. V. Neshataev.** Human Capital in Territories with Different Level of Socio-Economic
Well-Being: Assessment and Influence 123
- K. Yu. Voloshenko, A. V. Lialina, Yu. Yu. Farafonova, A. A. Novikova.**
Work-Related Pull Factors and Mechanisms for Attracting Internal Migrants
to the Kaliningrad Region 143

Social Structure, Social Institutions and Processes

- V. P. Babintsev, D. V. Khripkova, K. A. Khripkov, P. K. Velikh.** Formation
of the Social Capital of Urban Communities in the Context of Digitalization
of the Urban Environment 166
- A. V. Dozhikov.** Educational Migration in the Republic of Mordovia 182
- Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian)** 199
- Information for Authors and Readers of the Journal (in English)** 201

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

УДК 001.8(519-560)

doi: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.010-029

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Республика Корея и Турецкая Республика: сопоставительный анализ «братства по духу»

В. А. Аватков

Я. В. Агафонова ✉

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)
✉ agafonova.iana2017@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Выбор Кореи и Турции для проведения анализа модели поведения в рамках модифицирующегося международного порядка объясняется в первую очередь тем, что обе республики с момента их образования поддерживают тесные связи с Вашингтоном и на официальном уровне именуют друг друга «братьями по крови». Однако в исторической парадигме выстраивания внешнеполитического курса двух государств отмечаются некоторые общие направления – «братство по духу». Приведенная в статье компаративистика определяет современную модель поведения Кореи и Турции на фоне изменения геополитической реальности. Цель статьи – проанализировать общие точки пересечения в политических процессах двух республик с момента их образования по настоящее время, идентифицировать роли выделенных «средних держав» в условиях украинского кризиса.

Материалы и методы. Для сопоставительного анализа в указанных плоскостях применялись методы индукции и дедукции, метод контент-анализа, метод сравнения и анализа, статистический метод, а также цивилизационный подход. Информационную базу составили материалы, представленные в новостных источниках, статистические данные международных организаций, публикации ученых и экспертов.

Результаты исследования. Проведена полноценная страновая компаративистика внешнеполитических ориентаций обозначенных государств в XX и XXI вв., их взаимодействие с Западным блоком и вестернизация курса на современном этапе – «братство по духу». Сделаны основные заключения по их среднедержавной и региональной роли в условиях происходящих тектонических сдвигов в международной парадигме.

Обсуждение и заключение. На фоне украинских событий отмечается, что Турция, по сравнению с Кореей, проводит более независимый от Запада курс с учетом собственных интересов. Оба государства занимают выжидательную позицию в условиях строящейся политической конъюнктуры мирового взаимодействия. Проведенный анализ поведения двух стран – Кореи и Турции – как «средних держав» в условиях меняющегося миропорядка может способствовать дальнейшим исследованиям роли данного типа государств в связке «Запад – не-Запад».

© Аватков В. А., Агафонова Я. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, Республика Корея, Турецкая Республика, «братство по духу», «средняя держава», украинский кризис, международный порядок

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Аватков В. А., Агафонова Я. В. Республика Корея и Турецкая Республика: сопоставительный анализ «братства по духу» // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 10–29. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.010-029>

Original article

The Republic of Korea and the Republic of Türkiye: A Comparative Analysis of the “Brotherhood in Spirit”

V. A. Avatkov, Ya. V. Agafonova ✉

Institute of Scientific Information for Social Sciences (Moscow, Russian Federation)

✉ agafonova.iana2017@yandex.ru

Abstract

Introduction. The choice of Korea and Türkiye to analyze the behavior model within the framework of the changing international order is primarily due to such facts as maintaining close ties with Washington since their formation and their reference to each other as “brothers in blood”. Nevertheless, the historical paradigm of building the foreign policies has shown that there are some common directions that should be marked as “brotherhood in spirit”. The comparative analysis given in the article identifies the modern behavioral models of “the land of morning calm” and the Republic of Türkiye towards a changing geopolitical reality. The purpose of the study is to analyze the common points of intersection in the political processes of the two republics from the moment of their formation to the present days, also to identify the role of the “middle powers” during the Ukrainian crisis.

Materials and Methods. The methods of induction and deduction, the method of content analysis, the method of comparison and analysis, and the statistical method as well as the civilizational approach were used in the research process. Due to the methods used, the authors of the article have managed to conduct a comparative analysis in these planes. The information base was made up of materials presented in news sources, statistical materials of international organizations, publications of scientists and experts.

Results. A comprehensive country comparative analysis of states’ foreign policy trends in the XX and XXI centuries has been carried out, as well as their interaction with the “West” and the “westernization” of their course at the present stage – “brotherhood in spirit”. Also, the researchers have carried out main conclusions on their role of middle powers and regional actors due to the ongoing tectonic shifts in the international paradigm.

Discussion and Conclusion. Analyzing their “brotherhood in spirit” during the Ukrainian events, it is noted that Türkiye, in comparison with Korea, pursues a more independent course from the West, taking into account its own interests, while both are characterized by a “two-track” policy. Both states are taking a wait-and-see position in the conditions of the emerging political conjuncture of global interaction. The practical significance of the work is the analysis of the behavior of two countries – Korea and Türkiye – as “middle powers” in a changing world order. The obtained results can contribute to further study the role of this type of state in the “West–non-West” relationship.

Keywords: comparative analysis, the Republic of Korea, the Republic of Türkiye, “brotherhood in spirit”, middle power, Ukrainian crisis, world order

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Avatkov V.A., Agafonova Ya.V. The Republic of Korea and the Republic of Türkiye: A Comparative Analysis of the “Brotherhood in Spirit”. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):10–29. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.010-029>

Введение. В условиях современной меняющейся геополитической реальности такой кластер государств, как «средние державы» по-разному формирует свой вектор внешнеполитической ориентации: прозападно ориентированный, продиктованный исторической взаимосвязанностью с Соединенными Штатами и их союзниками, и самостоятельный, определяемый в первую очередь своими национальными интересами.

Характерными представителями данной категории стран являются Республика Корея и Турецкая Республика, история развития которых с момента их образования по настоящее время тесно связана с США и европейскими странами.

На сегодняшний момент обе республики отождествляют двухсторонние отношения на уровне «кровного союза» (혈맹관계). При этом в ходе исследования было обнаружено, что в истории развития Кореи и Турции существуют общие переплетения их внешнеполитических направленностей с момента образования вплоть до современного этапа. Данный факт указывает на то, что взаимосвязи Сеула и Анкары возможно трактовать как братство не только «по крови», но и «по духу».

В рамках исследования проводится сопоставление стран, настроенных положительно по отношению к Соединенным Штатам, и Западу в целом, на сегодняшнем этапе развития, изучается их позиционирование и роль в условиях тектонических сдвигов международного порядка на фоне украинского кризиса.

Цель статьи – по данным исследования провести сопоставительный анализ общих моментов в истории стран, которые повлияли на их современное международное положение и роль как «средних держав» в строящемся миропорядке. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

1) провести параллельную компаративистику действий властей Сеула и Анкары в своих внешнеполитических ориентациях, уделив внимание таким аспектам, как вестернизация, социальный протест, демократизация, выстраивание своего имиджа с помощью определенного набора элементов, реализация государствами концепции «Ноль проблем с соседями»;

2) проанализировать роль региональных акторов на уровне игроков «средней силы» (middle power) в эпоху перестройки однополярности до многокомпонентной биполярности по линии «Запад – не-Запад».

Объектом исследования является «братство» Кореи и Турции на уровне исторической схожести в развитии и позиционировании на мировой арене на фоне слома условной однополярной системы международных отношений.

Научная новизна статьи состоит в описании проведения западно-ориентированной национальной политики двух обозначенных стран, их взаимодействия с двумя блоками, вовлеченными в конфликтное противостояние периода украинского кризиса. Такого рода исследование еще не проводилось в российских научных кругах.

Практическая значимость работы заключается в применении данных исследования при проведении внешнеполитического вектора России в отношении выделенных государств, а также интерпретация полученных данных в дальнейших исследованиях, посвященных изучению роли региональных акторов в мировых процессах.

Обзор литературы. В научной литературе существует ряд исследований, посвященных анализу эволюции внешней политики Республики Корея [1–3] и Турецкой Республики¹ [4–7].

Бердал Арал в своей работе отображает общие векторы направленности развития двух стран по таким вопросам, как демократизация, выстраивание

¹ Исаев А. К. Внешняя политика Турции: от идеологии к прагматизму (в поисках геополитической парадигмы) [Электронный ресурс] // Международная жизнь : сайт. 6 дек. 2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21163> (дата обращения: 26.07.2022).

отношений с США и Западным блоком, роль в международном сообществе в привязке к Евро-Атлантическому региону [8]. Он констатирует, что страны стали вести себя более активно на международной арене в эпоху постбиполярного мира. Однако указанное исследование проводилось в 2008 г., поэтому мы провели сопоставление Республики Корея и Турецкой Республики в условиях новых геополитических реалий.

Основой для проведения компаративистики в развитии двух цивилизационных полей с исторической точки зрения послужили работы Н. Г. Киреева² и С. О. Курбанова³.

Характерной особенностью двух стран является их позиционирование на уровне «средней державы». В этой связи мы провели анализ Турции и Кореи с опорой на исследование К. В. Асмолова и А. В. Соловьева [9], в рамках которого был сделан вывод об ограниченности «среднедержавных» амбиций Сеула, которые лимитируются внешними и внутренними факторами, а также недоработанной версией и идеологическим наполнением понятия «стратегическая автономия».

Кроме того, В. Р. Бритова проводит исследование об изменениях в идеологическом наполнении концепции «средней державы» со стороны Республики Корея, анализируются несколько концепций: от традиционных до функциональных, иерархических и поведенческих [10]. Вывод В. Р. Бритовой позволяет судить о совокупной мощи, используемой Кореей, в целях продвижения как «государства средней величины» на мировом уровне – 60 % «жесткой силы» и 40 % – «мягкой». С этой точки зрения был проведен анализ совокупных мощностей двух государств по направлению «жесткой» и «мягкой силы».

В дополнение к этому Дж. Мо делает заключение о растущей роли Сеула в международных политических процессах, но полномасштабная реализация сил ограничивается существующими внешнеполитическими устремлениями и противоречивыми, взаимоисключающими подходами во внутривнутриполитических кругах [11].

Работы Н. Г. Киреева, В. А. Надеина-Раевского, В. А. Аваткова стали основой для дальнейшего кроссрегионального анализа политики Турецкой Республики⁴ [12]. Исследования В. А. Аваткова послужили фундаментом по анализу и проецированию поведения властей Анкары и их роли в условиях современных тенденций по смене международного порядка [13; 14].

Материалы и методы. Для характеристики возможной конфигурации новой мировой системы интерпретируется содержание работы В. А. Аваткова «Контуров нового миропорядка и рост агрессивности Запада» и проецирование данных положений в отношении оценки действий властей Сеула и Анкары [14]. На основе авторского подхода о возможной конфигурации нового мирового порядка «Запад – не-Запад» мы выстраиваем характеристику геополитической линии Турции и Кореи в новых реалиях. В этих целях при анализе позиционирования и поведения «средних держав» на мировом уровне в реалиях

² Киреев Н. Г. История Турции XX век. М. : ИВ РАН: Крафт+, 2007. 608 с.

³ Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2016. 680 с.

⁴ Киреев Н. Г. История Турции XX век; Надеин-Раевский В. А. Попытка военного переворота и трансформация режима в Турции // Запад – Восток – Россия. 2017. С. 123–128.

украинского кризиса использовались новостные источники и программные документы правительства Республики Корея⁵.

В рамках цивилизационного подхода отдельно были проанализированы в установленных временных периодах (с 1923 и 1948 гг. до 1990-х гг.; с начала 2000-х гг. по настоящее время) процессы развития Турецкой Республики и Республики Корея.

Посредством метода индукции и дедукции рассмотрены периоды выстраивания внешней политики Кореи и Турции, начиная с момента их образования. С помощью данных методов проводится исследование политических курсов и их результатов реализации по таким направлениям, как вестернизация, демократизация, «мягкая сила».

С помощью метода контент-анализа удалось проследить трактовку установленных курсов Республики Корея и Турецкой Республики, принятых в их официальных истеблишментах. Методы сравнения и анализа позволили рассмотреть уровень рычагов давления выделенных акторов и их практическое применение в рамках мировых тенденций на современном этапе, а также реализацию концепции «Ноль проблем с соседями» Турцией в регионе Ближнего Востока и Кореей по отношению к КНДР. С помощью статистического метода была отражена взаимосвязь республик с Западом.

Турецкую Республику и Республику Корея следует считать государствами, близкими не только по направлению двухсторонних отношений, но и общей направленности в своем развитии в XX в. и XXI в. – «по духу». В чем заключается данный тип сравнения для азиатского и средневосточного государств? Для обеих стран характерны следующие общие векторы развития: демократизация, социальный протест, вестернизация, выстраивание отношений с Западным блоком, прежде всего с Соединенными Штатами, продвижения своего имиджа посредством набора инструментов (экономика, военная мощь и «мягкая сила»), а также проведение общей линии в решении региональных споров, концепции «Ноль проблем с соседями», которая была сформулирована Турцией.

В дополнение к указанному перечню следует отметить, что оба современных государства были образованы в XX в. Дата основания Турецкой Республики – 1923 г., а Республики Корея – 1948 г. Падение Османской империи привело к установлению новых границ, продиктованных положениями Лозаннского мирного договора. В свою очередь, Республика Корея возникла после свержения японского колониализма советскими войсками при номинальном участии американских войск и установления на юге от 38-й параллели капиталистического режима.

В прошлом Турция была империей, что отражается в ее амбициозности и менталитете «имперскости» до сих пор. Корея, напротив, подверглась управлению

⁵ 문재인 정부의 국가안보전략 [Стратегия национальной безопасности правительства Мун Чжэина] [Электронный ресурс] // 대한민국 청와대. URL: <https://unibook.unikorea.go.kr/material/view?dataType=7&uid=CAT-20190200000000023>; 靑, 우크라이나 사태 관련 "군사지원·파병은 검토안해" (종합) [Голубой Дом заявил: «В связи с ситуацией на Украине оказание военной помощи и отправка войск не рассматриваются»] [Электронный ресурс] // 연합뉴스. 23 февр. 2022 г. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20220223132252001>; 문 대통령 “우크라이나 상황 선제적으로 대응하라” [Президент Мун Чжэин: «Ответим превентивно на украинские события»] [Электронный ресурс] // 한겨레신문. 25 февр. 2022 г. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/politics/bluehouse/1032597.html>; 윤석열정부 110대 국정과제, 2022년 5월 [«110 задач государственной политики правительства Юн Согёля», май 2022 г.] [Электронный ресурс] // 제 20대 대통령직인수위원회. URL: <https://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148901282> (дата обращения: 20.04.2022).

со стороны другого государства и стиранию своей идентичности. Кроме того, после завершения периода колонизации со стороны Японии, закрепления советских войск на севере страны, а американских – на юге, подобный фактор отразился на последующем развитии Кореи – подверженности «нового рода колониализма», только уже со стороны США.

Результаты исследования. Для современных акторов, провозглашающих себя демократическими государствами, некогда пришлось столкнуться с введением военной диктатуры, что в последующем положительно повлияло на установление демократических основ на их территориях в 1980-х гг.

Одним из первых признаков внедрения западных «универсальных» принципов в Турецкой Республике считается 1950 г.: с проведением выборов осуществился переход власти от Народно-республиканской партии, сосредоточившей в своих руках управление страной с самого момента ее основания, к Демократической партии⁶. В дальнейшем ключевыми событиями в продвижении многопартийности и установлении демократических принципов являются военные перевороты во времена Второй республики (1960–1980 гг.): 1960, 1971 и 1980 гг.

В результате осуществления военного переворота в 1980 г. и установления военной диктатуры власть в стране постепенно стала переходить к гражданскому правлению⁷. В последующем, несмотря на принятие Конституции 1982 г., в которой прописывался статус республики как демократической и светской, подтверждались основные права и свободы личности, нельзя сказать, что вопрос о внедрении демократии в жизни народа приобрел значимый и существенный характер.

Период «либерализации» в стране отождествляют с приходом к власти в 1989 г. кандидата от «Партии Отечества» Тургута Озала, который начал процесс осуществления демократических реформ еще с 1983 г., после победы в парламентских выборах⁸. В частности, благодаря новому президенту, стандарты, направленные на защиту прав человека, в некоторой степени улучшились: Турция признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека общеобязательной, а курдскому населению предоставлялось право публиковаться на собственном языке [8, с. 52].

Для Кореи в такой же степени были характерны упомянутые веяния: узурпация власти в руках президента Ли Сынмана, Либеральной партии (правящая партия в 1952–1960 гг.) и установление диктатуры Демократической партии в период Второй республики (1960–1961 гг.).

Первым подступом на пути к демократизации послужило проведение выборов в 1960 г. Однако президент Ли Сынман стремился остаться во главе государства любыми способами, в связи с чем итоги выборов были сфальсифицированы, что привело к возникновению волны протестных настроений – Апрельской революции. По итогам народного восстания, согласно новому принятому проекту Конституции, управление страной было передано Кабинету министров и его главе⁹.

⁶ Кирсеев Н. Г. История Турции XX век. С. 52.

⁷ Там же. С. 345.

⁸ Там же.

⁹ Курбанов С. О. История Кореи... С. 495.

В период Второй республики роль первого действующего лица осуществлял премьер-министр Чан Мён, проведение политического курса которого усилило рост недовольств среди населения, ухудшило без того бедственное положение экономики страны¹⁰. Протестные настроения привели к осуществлению военного переворота в мае 1961 г. Новый этап развития Республики Корея, который именуется «военной диктатурой» (1961–1987 гг.), характеризуется сосредоточением власти в руках военных.

Правительство Третьей и Четвертой республик находилось в руках генерала Пак Чонхи (период его правления еще обозначают «военной хунтой»¹¹), а Пятой республики – Чон Духвана. Тем не менее проведение экономической политики обоих диктаторов поспособствовало ускорению темпов развития Кореи и росту материального благополучия граждан. По этой причине с середины 1980-х гг. наметился постепенный процесс демократизации¹². Окончательно переход к либеральной модели правления в стране сопровождался народными митингами в июне 1987 г., результатом которых стало принятие обновленной версии Конституции и проведение президентских выборов. Положения нового Основного Закона закрепили демократический строй Республики Корея, значительно сократив полномочия президента: срок пребывания у власти ограничивался 5 годами без права на переизбрание¹³.

Так, для обеих республик характерны похожие этапы развития: процесс так называемой диктатуры, когда в турецком парламенте долгое время главенствовала Народно-республиканская партия, а в Корее с момента ее образования у власти находился президент Ли Сынман и позже его партия в парламенте. Как говорилось выше, общие тенденции представительной демократии обозначились в 1980-х гг.: с принятием новых поправок к Конституции (в 1982 г. в Турции и в 1987 г. в Корее).

Тем не менее при сравнении демократического транзита обеих республик стоит отметить, что на тот период у Западного мира сложилось свое видение относительно происходивших процессов. К середине 1980-х гг. со стороны развитых стран Корея была признана в качестве цивилизованной и развитой страны ввиду соблюдения прав человека, несмотря на жестокое подавление восстания в Кванджу в 1980 г., чего нельзя сказать о Турецкой Республике. В 1987 г. Совет Европы отклонил заявку Турции на присоединение к Европейскому сообществу, обозначив в докладе экономическую и политическую отсталость, в частности, указав на существующие пробелы в сфере демократизации и прав человека¹⁴. В 1992 г. власти Анкары продолжили курс на вступление в Европейский союз, получив в 1999 г. статус страны – кандидата на рассмотрение. Турция до сих пор не стала членом Европейского союза из-за недостаточного уровня соблюдения прав человека и, соответственно, демократических принципов.

Учитывая, что рассматриваемые страны являются восточными, присоединиться к демократизации по европейским и, в частности, американским критериям для них очень трудно ввиду сложившейся страновой специфики. Несмотря

¹⁰ Там же. С. 497.

¹¹ Там же. С. 498.

¹² Там же. С. 551.

¹³ Там же. С. 555.

¹⁴ Там же. С. 112.

на стремление Южной Кореи укрепить демократические принципы в гражданском обществе, которое также диктуется исторической близостью с Соединенными Штатами, политике которых свойственно навязывание своих интересов и ценностей другим государствам, до конца осуществить данный процесс сложно. Это связано с сохранившейся иерархичностью, высокой ролью государства, преобладающего уровня коллективизма и консервативных настроений.

Относительно турецкой демократии следует отметить следующие факторы: превалирование религии в социальной среде и политике (исламизм); собственное видение относительно неурегулированных споров, национальных меньшинств, в том числе курдов; роль армии; «свобода слова» в СМИ. Несмотря на «недостаточные» реформы, проводившиеся для вступления в Европейский союз, процесс демократизации в стране был пересмотрен в 2016 г. В связи с попыткой военного переворота, направленного на ликвидацию авторитарной власти Партии Справедливости и Развития (ПСР), и в частности «режима Эрдогана», действующие на тот момент демократические меры, наоборот, ужесточились [12]. Прошедшие мероприятия стали катализатором в переориентации курса Турецкой Республики по вопросу вступления в Европейский союз и его требований.

При рассмотрении политической составляющей стран наблюдается определенная параллель между самими народами Кореи и Турции, их «восточными темпераментами», точнее политической активностью обществ.

Для Турции характерно проявлять свое собственное видение относительно действий правительства посредством демонстраций, которые могут иметь затяжной характер и при этом послужить спусковым механизмом для роста протестных настроений всего общества. В подтверждение этому могут служить следующие события: Дерсимское восстание (1937–1938 гг.); протестные движения, связанные с кипрским вопросом (1956 и 1958 гг. в Анкаре, 1958 и 1964 гг. в Стамбуле); военные перевороты, которые также сопровождались народными выступлениями; акция в Стамбуле, направленная на независимый от Америки политический курс (1969 г.); массовые митинги 2007 и 2013 гг. и многие другие.

Данный «восточный» тип протеста касается в такой же степени южнокорейского народа, который особенно известен своей выраженной гражданской активностью и для которого характерна мобилизованность в проведении массовых митингов в связи с возникновением каких-либо недовольств относительно политики действующего правительства или органов местного самоуправления. Среди исторических примеров народных демонстраций могут служить уже упомянутая Апрельская революция. В частности, следует отметить следующий факт, подтверждающий близость двух стран: в Турции в ходе военного переворота 27 мая 1960 г. из-за серьезных цензурных ограничений местные газеты не могли освещать ситуацию в стране и вместо этого подробно публиковали материалы, связанные со студенческими волнениями в Республике Корея, направленными на отстранение от власти Ли Сынмана [15, с. 41]. Еще одним известным примером протестов в Южной Корее служит движение за демократию, направленное против диктаторского режима – Сеульская весна. Во время митингов особое внимание получило «народное сопротивление в Кванджу» 1980 г. – столкновения студентов и обычных граждан с правительственными

силами правопорядка, жестко подавленные и приведшие к гибели 154 чел.¹⁵. Среди самых крупных выступлений в истории 2000-х гг. стала «Революция свечей» с требованием об импичменте президента Пак Кынхе.

В частности, о частоте протестных акций на юге Корейского полуострова свидетельствует следующий факт. Согласно отчету Национального полицейского управления, за январь – ноябрь 2021 г. количество протестных акций составило 79 407 (238 демонстраций в день)¹⁶, что на 1 954 протеста больше, чем за 2020 г.¹⁷. Динамика проведения акций данного характера отображает следующие результаты: более 100 чел. – 0,8 % всех протестов, от 10 до 99 чел. – 36,5, менее 10 участников – 62,7 %¹⁸. Данные факторы также отражают наибольшую конфронтационную составляющую и уровень довольно низкого одобрения действий правительства у южнокорейского общества и одновременно с этим, согласно западным критериям демократии, достаточно высокий уровень предоставленных политических и гражданских свобод.

Согласно оценке Economist Intelligence на 2022 г., индекс Республики Корея составил 8,16 (полноценная демократия), Турции – 4,35 (гибридный режим), более подробные данные представлены в таблице 1. По классификации издательства, исследование показало, что среди стран Западной Европы, где в основном сосредотачиваются страны с полноценным демократическим или «слабым» строем, Турция – единственная страна с гибридным режимом. Данное распределение объясняется тем, что нахождение Р. Т. Эрдогана у власти приобретает более авторитарный характер, доверие общества к действиям правительства значительно снизилось, что также связано с ростом коррупции в стране. Кроме того, индекс макроэкономической стабильности снизился ввиду роста цен и обесценивания лиры, а также ошибок, допущенных в политическом курсе¹⁹.

Таблица 1. Индекс демократии в странах, 2021 г.²⁰

Table 1. Democracy index in countries, 2021

Показатель / Indicator	Республика Корея / Republic of Korea	Турецкая Республика / Republic of Türkiye
Общий балл / Total score	8,16	4,35
Место в мире / Rank in the world	16	103
Избирательный процесс и плюрализм / Electoral process and pluralism	9,58	3,50
Функционирование правительства / Functioning of government	8,57	5,00
Политическая активность / Political participation	7,22	5,56
Политическая культура / Political culture	7,50	5,63
Гражданские свободы / Civil liberties	7,94	2,06

¹⁵ Там же. С. 543.

¹⁶ More protests held this year in S. Korea, despite spike in COVID cases [Электронный ресурс] // The Korea Herald. Dec 21, 2021. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20211221000678> (дата обращения: 01.08.2022).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Economist Intelligence, Democracy Index 2021. The China challenge [Электронный ресурс] // Economist Intelligence. 2022. P. 64. URL: <https://clck.ru/33Nkyv> (дата обращения: 26.07.2022).

²⁰ Таблица составлена авторами по: Economist Intelligence, Democracy Index 2021. Pp. 13–16.

Помимо тенденций демократизации, для истории обозначенных стран характерен общий, более широкий, вектор вестернизации их политического курса, как внутри страны (внедрение западных ценностей), так и во внешней политике (поддержка действий США, участие в военных кампаниях под их эгидой, принадлежность к «капиталистическому блоку», дислокация американских военных баз на их территориях).

Для обеих стран Соединенные Штаты долгое время были «главным и верным союзником», на которого стоит ориентироваться по многим вопросам. В свою очередь, развитие союзнических отношений со стороны «страны – оплота капитализма» с обозначенными субъектами международных отношений диктовалось стремлением недопущения распространения на них идеологии главного антагониста Америки – СССР. Однако стоит отметить, что данное направление политического курса Сеула и Анкары необходимо разделять по критерию «желаемое» и «вынужденное».

Для Турции ее устремления диктовались необходимостью получить признание на международном уровне, указать на имидж ключевого игрока путем присоединения к западному сообществу и сотрудничеству с европейской и американской элитами в целях развития своей военной и экономической мощи – «желаемое». В свою очередь, Западу необходимо было укреплять связи с Турцией с целью недопущения распространения на ее территории идей социализма, защитить от угрозы в лице Советского Союза и дислоцироваться с намерением близкого подступа к границам сверхдержавы. В последующем турецкие намерения отразились в ее стремлении примкнуть к странам – участникам НАТО и Европейского сообщества (Европейского союза) для сотрудничества с ними в военной и экономической сферах.

Для Республики Корея ее связи с Соединенными Штатами и Западным миром носят «вынужденный» характер. Данный фактор выражен в закреплении американцев в южной части полуострова после свержения японской колонизации, установлении там своих «порядков» и последующего оказания помощи новообразованному государству в отражении нападения со стороны Северной Кореи в 1950–1953 гг. Неразрешенный статус итогов Корейской войны позволил на долгие годы прочно закрепиться властям сверхдержавы на территории Республики Корея как в политическом, экономическом, так и военном плане.

Данная степень зависимости диктовалась следующими причинами: обособленным положением страны в Северо-Восточной Азии в эпоху биполярности до 1965 г., когда под влиянием американского руководства были установлены дипломатические отношения с Японией; распространенные антикоммунистические настроения, связанные с «обидой на Север»; международный изоляционизм, продиктованный непризнанием в рамках ООН в качестве самостоятельной страны. Положение дел такого характера сохранялось вплоть до окончания эпохи «холодной войны». В начале 1990-х гг. между правительствами Южной Кореи, Советского Союза (позднее Российской Федерации) и Китаем были установлены дипломатические отношения. В результате предпринятых геополитических шагов Республика Корея и КНДР одновременно стали государствами – членами ООН в 1991 г. Данное событие позволило властям Сеула начать процесс диверсификации связей с международным сообществом на полноценной основе как суверенной и общепризнанной страны.

В Турецкой Республике настроения в отношении вестернизации стали постепенно меняться с 2011 г., отразившись в предвыборной декларации Партии справедливости и развития, где обозначался потенциал самостоятельности государства для становления не только регионального лидера, но и мирового, и окончательно оформились в дистанцировании от прозападной политики в 2016 г. Тенденции смены своего внешнеполитического вектора также говорят о переориентации внимания на страны Востока, в частности Китай, Японию и Южную Корею²¹, и желании закрепить свои позиции страны – лидера на Южном Кавказе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке.

Республика Корея в своем внешнеполитическом векторе на первое место после КНДР по-прежнему ставит авторитетного союзника – США, на что влияет приведенная ранее историческая подоплека. При этом необходимо заметить, что с момента прихода к власти президента Ли Менбака, дипломатия Кореи стала приобретать контуры «средней державы», критерии которой сформулированы в концепции «Глобальная Корея», отразившись в интенсификации взаимодействия с различными странами и на различном уровне, в том числе посредством международных организаций и форумов [11, р. 590–594]. При президенте Мун Чжэине впервые указывается статус «средней державы» и подчеркивается значимость страны как «моста между развитыми и развивающимися странами»²². Тем не менее данный статус Республики Корея в большей степени демонстрируется в плоскости научно-технического развития, современных технологий, где страна стремительно преуспевает, и обсуждении ключевых международных проблем.

В сопоставлении американского влияния на Турцию и Корею необходимо акцентировать внимание на показателях, приведенных в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Сравнительный анализ военной зависимости Турции и Кореи от Соединенных Штатов²³

Table 2. Comparative analysis of the military dependence of Türkiye and Korea on the United States

Показатель / Indicator	Республика Корея / Republic of Korea	Турецкая Республика / Republic of Türkiye
Американские базы / American bases	73	13
Присутствие американских военных, чел. / The presence of the US military, plp.	26 414	1 685
Экспорт оружия из США, млн долл. США / Arms exports from the United States, mln US dollars	646	24
Наличие американской системы противоракетной обороны / The presence of American anti-missile defense	THAAD	–

²¹ «Поворот на Восток» и существующая с 2019 г. инициатива «Азия прежде всего» (Asia anew).

²² 문재인 정부의 국가안보전략 [Стратегия национальной безопасности правительства Мун Чжэина]. Р. 95.

²³ Таблица составлена авторами на основе данных сайтов Al Jazeera и Statista. См.: US Military Presence Around the World [Электронный ресурс] // Al Jazeera Media Network. 10 Sep. 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/9/10/infographic-us-military-presence-around-the-world-interactive>; SIPRI «미국, 세계 무기 수출 37% 점유...한국 수출 210% 급증» [SIPRI «37% мирового экспорта вооружений принадлежат США ... рост экспорта в Корею на 210%»] [Электронный ресурс] // VOA. 15 March 2021. URL: https://www.voakorea.com/a/korea_korea-politics_sipri-arms-export-us-rok/6056981.html (дата обращения: 26.07.2022).

На основе представленных данных отмечается высокая степень зависимости южнокорейского правительства от поставок военной техники и размещения американских войск на ее территории. При этом, согласно опубликованным материалам СМИ, по импорту оружия, произведенного в США, Республика Корея занимает 3-ю позицию с коэффициентом 6,7 %²⁴. Хотя разработка оборонной техники отечественного производства находится на высоком уровне, власти страны продолжают экспортировать ее из Соединенных Штатов, объясняя это возможностью военного столкновения с КНДР и разрабатываемой ею ядерной программой.

На современном этапе и Корея, и Турция активно наращивают главные показатели, направленные на повышение имиджа в мировом сообществе, по таким направлениям, как экономика, военная сила и идеологическая составляющая. В отношении первых двух индикаторов отмечаются данные в таблице 3. Обе республики относятся к категории развивающихся стран. Однако в 2022 г. Южная Корея была классифицирована ООН как развитое государство. По этой причине оба государства входят в состав стран – участниц формата G20 и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). По данным SIPRI, за период 2017–2021 гг. Корея и Турция входят в перечень основных стран – поставщиков вооружений. Экспорт оружия из Южной Кореи поступает в основном в азиатские страны (Филиппины, Индонезию), а также в Великобританию; экспорт Турции сосредотачивается на ближневосточных странах (Омане и Катаре) и одной центральноазиатской стране – Туркменистане, на которую приходится наибольший удельный вес в ее поставках. В импортной составляющей стран преобладающие позиции занимает США: у Кореи – 63 % (1 место), у Турции – 22 % (2 место).

Таблица 3. Характеристика Кореи и Турции по экономической и военной мощи²⁵
Table 3. Characteristics of Korea and Türkiye in terms of economic and military power

Наименование составляющей / Name of the component	Республика Корея / Republic of Korea	Турецкая Республика / Republic of Türkiye
1	2	3
<i>Экономическая детерминанта / Economic determinant</i>		
ВВП, долл. США / GDP, US dollars	1,8 трлн (10 место в мире) / 1,8 trillion (10 th in the world)	815,27 млрд (19 место в мире) / 815,27 billion (19 th in the world)
ВВП на душу населения, долл. США / GDP per capita, US dollars	46,731	30,797

²⁴ SIPRI «미국, 세계 무기 수출 37% 점유...한국 수출 210% 급증» [SIPRI «37% мирового экспорта вооружений принадлежат США ... рост экспорта в Корею на 210%»].

²⁵ Таблица составлена авторами на основе данных из открытых источников. См.: Gross Domestic Product 2021 [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>; GDP (Current US\$) – Korea, Rep., Türkiye [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KR-TR>; Korea [Электронный ресурс] // OECD. Data. URL: <https://data.oecd.org/korea.htm>; Türkiye [Электронный ресурс] // OECD. Data. URL: <https://data.oecd.org/turkiye.htm>; Wezeman S. T. Trends in International Arms Transfers, 2021 // SIPRI Fact Sheet, March 2022. Pp. 2, 6; 2022 Military Strength Ranking [Electronic resource] // Globalfirepower. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 26.07.2022).

1	2	3
<i>Военная детерминанта / Military determinant</i>		
Индекс военной силы / Military Strength Index	0,1261 (6 место в мире / 6 th in the world)	0,1961 (13 место в мире / 13 th in the world)
Экспорт оружия / Arms exports, %	2,8 (8 место в мире / 8 th in the world)	0,9 (12 место в мире / 12 th in the world)
Импорт оружия / Import of weapons, %	4,1 (7 место в мире / 7 th in the world)	1,5 (17 место в мире / 17 th in the world)

Относительно идеологического наполнения концепций Турции и Кореи в отношении мировых процессов существует схожая черта: долгое время они следовали поддержанию концепта «средней державы», балансируя между сверхдержавами, представляя себя как посредников, олицетворяя собой «мост». Тем не менее с момента отступления Турции от прозападного курса с определенным набором механизмов «силы» Анкара стала выстраивать стратегию на достижение уровня региональной державы с последующим признанием в качестве мировой. Данному направлению способствуют основные идеологемы: неоосманизм, пантюркизм и исламизм [13]. Главным методом для достижения установленной задачи Турция выбрала продвижение своей привлекательности для региональных игроков за счет «мягкой силы».

Корея, в свою очередь, определяя себя страной «средней величины» в международном порядке, закрепив данную установку официально в период правления Мун Чжэина, балансирует между основными акторами в регионе, но при этом продвигая свою значимую роль по всему миру таким же образом, как Турция посредством «мягкой силы». Для закрепления идеологии Сеула во внешнеполитическом дискурсе выступает совокупность механизмов воздействия: экономическое сотрудничество, развитие научно-технической составляющей в условиях эпохи «Индустрия 4.0», продвижение принципов демократии и соблюдения прав человека, распространение привлекательности корейской культуры за рубежом, активное участие в международных организациях и миротворческих миссиях ООН.

Характерно, что в развитии политического дискурса на современном этапе Турция и Корея активно задействуют механизмы «мягкой силы» для выстраивания выгодного и привлекательного имиджа как на региональном уровне, так и на глобальном. Речь идет о продвижении влияния Турции прежде всего в таких регионах, как Центральная Азия, Южный Кавказ и Ближний Восток, в то время как Южная Корея стремится распространить эффект «волны халлю» и «южнокорейского экономического чуда» от близлежащих государств – Китая, Японии и России – в отдаленные районы – страны Ближнего Востока, Латинской Америки, Европы и Юго-Восточной Азии, т. е. по всему миру.

Также в выстраивании своего имиджа на мировом уровне для республик свойственен общий курс, который был сформулирован как «Ноль проблем с соседями» премьер-министром Ахметом Давутоглу. Главная идея данной концепции – необходимость выстраивания дружественных отношений с сопредельными государствами. В Турции данный концепт был обращен прежде всего к государствам Ближнего Востока, на пространстве которого правительство

страны намеревалось за счет своей медиаторской роли повысить значимость до мировой державы. Тем не менее данная идеология претерпела поражение, так как основной принцип невмешательства во внутренние дела соседей был нарушен с началом «арабской весны» и распространения протестных настроений на другие близлежащие страны [13, с. 120].

У южнокорейского правительства основное направление во внешнеполитической ориентации занимает вопрос урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Для Сеула такой жизненно важный интерес трактуется как необходимость создания на территории полуострова миролюбивой обстановки посредством официального завершения войны между КНДР и Республикой Корея, объединения стран, а также создание безъядерной зоны. В положениях формулировки «Корея – это “средняя держава”» при правительстве бывшего президента Мун Чжэина и новоизбранного президента Юн Согёля вопрос улучшения связей с Северной Кореей играет в такой же степени решающую роль, как «глобального ключевого игрока».

Кроме того, в региональном порядке, где главенствуют Россия, Китай, США и Япония, Корея вынуждена проводить политику укрепления связей с данными акторами, при этом стремясь поддерживать принцип «стратегической автономии» и поддерживая дружественные контакты с каждой из них, что довольно нелегко из-за рудиментов эпохи биполярности, сохраняющейся блоковости по линиям «Москва – Пекин – Пхеньян» и «Вашингтон – Токио – Сеул». Ввиду этого Южная Корея выходит за рамки СВА и стремительно выстраивает взаимовыгодные отношения со странами Евразии, АСЕАН, Европейского союза и Латинской Америки.

В этой связи мы задаемся вопросом: какова роль двух рассматриваемых республик в условиях перестройки модели миропорядка, в которой мнимо доминировали Соединенные Штаты?

Украинские события служат катализатором в перестройке существующей системы международных отношений: от условной однополярности к многополярности или многокомпонентной биполярности [14]. По этой причине необходимо проанализировать роль Турецкой Республики и Республики Корея в эпоху перемен.

При анализе действий властей восточных государств на фоне украинского кризиса с уверенностью констатируется проведение более независимого внешнеполитического вектора Анкары. Исходя из своих потребностей и интересов, власти страны не стали вводить санкции против России, а активно наращивали с ней связи и предлагали свои медиаторские услуги в разрешении конфликтной ситуации. Одновременно с этим турецкая сторона, будучи страной – членом НАТО, в знак солидарности с международным сообществом выражает поддержку Украине, поставляя ударные беспилотные летательные аппараты «Байрактар ТБ2». В этом плане Турция проводит политику «двуствулья»²⁶: продолжает сотрудничество с Россией, преследуя возможность занять ключевое место в новом строящемся миропорядке, и одновременно с этим выражает приверженность политике Западного блока.

²⁶ Изворотливость и хитрость – вот залог феноменальной живучести Турции. Аватков [Электронный ресурс] // RadioVan.fm: сайт. 27 апр. 2022. URL: <https://www.radiovan.fm/station/article/39690> (дата обращения: 18.08.2022).

Республике Корея, поступившись интересами бизнес-кругов и привлекательностью российского рынка для их товаров, роста товарооборота между странами, пришлось ввести санкции международного уровня по настойчивому требованию США. При этом 23 февраля 2022 г. в Корею заявили, что вопрос отправки войск или поставок вооружений Украине не рассматривается²⁷, указав лишь на поддержку применения экономического, политического и дипломатического сдерживания «вторжения России», настаивая на необходимости нормализации ситуации мирными путями²⁸.

С момента вступления в должность президента Юн Согёля риторика о дальнейшем наращивании связей с «единственным верным союзником – США» продолжила развиваться, в том числе по вопросу украинского кризиса. Примечательно, что Вашингтон настоятельно требует присоединения Кореи к новому альянсу Chip 4 (США, Япония, Тайвань и Южная Корея), участие в котором на данном этапе только рассматривается. Объединение направлено на повышение конкурентной способности входящих государств и монополизацию рынка в производстве полупроводников. Одновременно с этим власти Республики Корея выразили намерение примкнуть к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПР) и Экономической инициативе в Индо-Тихоокеанском регионе (IPEF), которые носят явные антикитайские настроения. Инициативы Америки такого рода настроены против Китайской Народной Республики, что ставит под угрозу экономические интересы Кореи, у которой самый высокий товарооборот именно с Китаем.

Соединенные Штаты требуют от Южной Кореи поступиться со своими интересами не только в отношении России, но и КНР – главными участниками переговорного «шестистороннего» процесса по урегулированию ситуации на Корейском полуострове. Такие препятствия усугубляют региональное положение дел с позиции Сеула, повышая уровень конфронтационных настроений в военной и экономической областях: от уровня противостояния с КНДР до возможности введения экономической блокады со стороны Китая.

Ввиду рассмотренных факторов заметно отражается смена турецкого мышления от «среднего государства» до уровня не только регионального, но и международного актора.

Южная Корея трактует свою роль как «глобальный ключевой игрок». С одной стороны, страна по-прежнему жертвует своими интересам, действуя в угоду Вашингтону и с этой позиции нарушает принцип «стратегической автономии», продолжая демонстрировать «дефицит суверенитета», указывая на свою «среднедержавность» уровня сателлита США, что отразилось в лозунгах нового президента: «Соединенные Штаты – единственный и верный союзник» и «всеобъемлющий стратегический альянс с США».

С другой стороны, для Сеула в такой же степени присуща политика «двуствудья». Учитывая высокие показатели торговли с Китаем, Корея не стремится вступать в инициативы, направленные на подрыв экономической и военной

²⁷ 靑, 우크라이나 사태 관련 "군사지원·파병은 검토안해" (종합) [Голубой Дом заявил: «В связи с ситуацией на Украине оказание военной помощи и отправка войск не рассматриваются»].

²⁸ 문 대통령 "우크라이나 상황 선제적으로 대응하라" [Президент Мун Чжэин «Ответим превентивно на украинские события»].

мощи азиатской сверхдержавы, выражая уклончивые формулировки в своем ответе американским коллегам, как, например, с инициативой Chip 4. Одновременно с этим в документе «110 задач государственной политики правительства Юн Согёля» в отношении России указывается следующая цель: «Корея продолжит прилагать усилия по поддержанию стабильного управления отношениями с Россией при одновременном участии в усилиях международного сообщества по урегулированию украинского кризиса, включая присоединение к санкционному режиму»²⁹. Такой фактор заставляет обратить внимание на то, что Корея занимает «выжидательную позицию» в развивающемся порядке многокомпонентной биполярности, не стремится переходить только на сторону Запада, но также выстраивает вектор опосредованного сближения со строящимся не-Западом.

Обсуждение и заключение. В ходе исследования был предметно рассмотрен вопрос установления «братства по духу». В рамках странового анализа, проведенного на основе исследования исторической парадигмы по таким направлениям, как образование современных государств, пути их демократизации, вестернизации, продвижение своего имиджа с определенным набором инструментов, общая концепция «Ноль проблем с соседями», мы пришли к следующим выводам.

Для обеих республик характерны общие этапы по внедрению западных «универсальных» принципов на своей территории: установление военной диктатуры, зависимое положение от Соединенных Штатов и европейских стран, а также народные демонстрации, благодаря которым осуществились перемены в политической жизни граждан. Согласно оценке Запада, со второй половины 1980-х гг. Корея примкнула к разряду «цивилизованных стран» с выраженной демократической направленностью, что позволило на 2021 г. оценить ее развитие в данной области на уровне «полноценной демократии», а Турцию отнести к разряду «гибридных режимов», которым свойственна авторитарность.

Более широкое направление – вестернизация – носит при этом разный характер: у Республики Корея – «вынужденный», связанный со сложившимся зависимым положением от США, у Турецкой Республики – «желаемый», выраженный в стремлении Анкары получить международное признание. Однако выделенный вектор внешней политики базировался на выстраивании отношений в первую очередь с Вашингтоном. В отличие от Кореи, на современном этапе Турция стала проявлять более независимую политику.

В ходе сравнения экономической и военной детерминант наблюдается более высокий уровень мощи и способностей у Республики Корея, нежели у Турции. В противовес этому у Анкары отмечается улучшенная проработанность идеологической составляющей, отразившейся в совокупности задействованных идеологов: неоосманизма, пантюркизма и исламизма, реализующихся с помощью «мягкой силы». В настоящий момент можно утверждать, что Турция уже считается региональной державой.

Возможности Кореи ограничиваются ее положением в Северо-Восточной Азии, где превалируют Россия, Китай, США и Япония; по этой причине страна стремится распространить свое влияние за пределами региона с помощью инструмента «мягкой силы».

²⁹ Там же.

С целью получения определенного статуса лидера, регионального, затем мирового, для обеих стран характерна концепция «Ноль проблем с соседями», но в различных направлениях. Тем не менее и для Турции, и для Кореи она остается недействительной: для первой – в отношении процессов в регионе Ближнего и Среднего Востока, а для второй – на территории Корейского полуострова.

Примечательно, что в условиях украинского кризиса стороны отчасти проводят политику «братства по духу». Власти Анкары и Сеула выступают за урегулирование конфликта прежде всего дипломатическими средствами. В частности, Турция предлагает свою роль медиатора для достижения общего консенсуса между вовлеченными сторонами конфликта.

Обе стороны по-прежнему подвержены влиянию Западного блока, что проявляется в их безоговорочной поддержке украинской стороны. Однако Турецкая Республика все-таки проводит политический курс с учетом своих интересов, о чем свидетельствует отказ о введении санкций против Российской Федерации и обозначенная возможность вступления в БРИКС и в перспективе в ШОС. В дополнении к этому, позиционируя себя «дипломатическим хабом», Анкара решительно настроена с помощью украинского кризиса завоевать место мировой державы.

Тем временем, несмотря на то, что Южная Корея вынужденно присоединилась к международному санкционному режиму в отношении России и подчиняется влиянию Вашингтона, в отличие от Турции она не поставляет военную технику и выражает поддержку властям Украины «дистанцировано».

Решение о вступлении в ряды СРТПР, IPEF и предполагаемое присоединение к альянсу Chip 4 говорят о возможности ухудшения отношений с КНР, что повлияет на углубление фактора ограниченного позиционирования страны в регионе, а также концентрации роли, сформулированной Юн Согёлем как «Республика Корея – глобальный ключевой игрок», лишь на уровне марионеточного государства. Характерно, что при этом правительство страны в условиях обозначенного кризиса намерено выстраивать стабильные и конструктивные отношения помимо Вашингтона, с Пекином и Москвой, что отразилось в опубликованном документе «110 целей правительства Юн Согёля».

Таким образом, к настоящему моменту Турция выстраивает политику, ориентированную на занятие ниши не-Запада в новой конфигурации биполярности, в то время как Республика Корея развивает и интенсифицирует отношения с Западом, но не отказывается от отношений со странами линии не-Запада.

Практическая значимость работы заключается в создании основы для дальнейших исследований такого вида, проведении анализа поведения государств, как Республика Корея и Турецкая Республика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолаева Е. М. Формирование и развитие идеологии внешней политики Республики Корея // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 7. С. 39–50. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.7.33554>
2. Бритова В. Р. Основные направления внешней политики Республики Кореи на рубеже XX–XXI веков // *Исторический журнал: научные исследования*. 2021. № 6. С. 109–120. doi: <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2021.6.36697>

3. Суслина С. С., Самсонова В. Г. Южная Корея в новой архитектуре политико-экономических связей в АТР // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 96–113. URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/258/SUSLINA_SAMSONOVA_3_2012.pdf (дата обращения: 26.07.2022).

4. Шлыков П. В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 2. С. 130–152. doi: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-130-152>

5. Kalin I. Turkish Foreign Policy: Framework, Values, and Mechanisms // International Journal. 2011. Vol. 67, no. 1. Pp. 7–21. doi: <https://doi.org/10.1177/002070201206700102>

6. Дружиловский С. Б., Аватков В. А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) // Обозреватель – Observer. 2013. № 6 (281). С. 73–88. EDN: QANNYD

7. Аватков В. А. Турция: поворот на Восток // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 2. С. 181–196. doi: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-2-181-196>

8. Berdal A. A Comparative Analysis of Turkish and South Korean Foreign Policies And International Perspectives Since the End of the Second World War // Avrasya Etüdler. 2008. Vol. 33, issue 1. Pp. 47–68. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/421907> (дата обращения: 26.07.2022).

9. Асмолов К. В., Соловьев А. В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 2. С. 49–73. doi: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73>

10. Бритова В. Р. Основные подходы к пониманию «средней державы» // Евразийство и мир. 2022. № 1. С. 47–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-sredney-derzhavy> (дата обращения: 25.09.2022).

11. Mo J. South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles // International Journal. 2016. Vol. 71, no. 4. Pp. 587–607. doi: <https://doi.org/10.1177/0020702016686380>

12. Аватков В. Турецкая демократизация в 90-е – ключ к сегодняшней исламизации Турции // Россия и мусульманский мир. 2013. № 3. С. 106–114. EDN: PXMEQJ

13. Аватков В. А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12, № 4. С. 113–129. doi: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>

14. Аватков В. А. Контуры нового миропорядка и рост агрессивности Запада // Свободная мысль. 2022. № 4. С. 21–26. URL: <http://www.svom.info/entry/1232-kontury-novogo-miroporядka-i-rost-agressivnosti-z/> (дата обращения: 25.09.2022).

15. Шлыков П. В. Историческая динамика социальных протестов в Турции // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2015. № 4. С. 23–55. URL: <https://iaas.msu.ru/wp-content/uploads/2022/03/2015-4.pdf> (дата обращения: 25.09.2022).

Поступила 06.11.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 19.01.2023.

Об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>, v.avatkov@gmail.com

Агафонова Яна Вадимовна, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8660-1864>, agafonova.iana2017@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

В. А. Аватков – структуризация и систематизация данных исследования; оценка и сбор данных по части статьи, связанной с Турецкой Республикой; изучение концепции

строящейся модели мирового управления и обоснование данных в отношении Турции; критический анализ и доработка текста.

Я. В. Агафонова – анализ теоретической базы по тематике исследования; проведение исследования; оценка и сбор данных по части статьи, связанной с Республикой Корея; анализ данных материалов; исследование поведения Кореи в условиях строящейся модели мирового управления.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ermolaeva E.M. Formation and Development of Foreign Policy Ideology of the Republic of Korea. *Genesis: Historical Research*. 2020;(7):39–50. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.7.33554>
2. Britova V.R. Key Foreign Policy Vectors of the Republic of Korea at the Turn of the XX – XXI centuries. *History Magazine – Researches*. 2021;(6):109–120. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2021.6.36697>
3. Suslina S.S., Samsonova V.G. South Korea in a Changing Architecture of Political and Economic Relations in the Asia-Pacific. *Moscow University Bulletin of World Politics*. 2012;(3):96–113. Available at: https://fmp.msu.ru/attachments/article/258/SUSLINA_SAMSONOVA_3_2012.pdf (accessed 26.07.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Shlykov P.V. Turkey's Foreign Policy in the Post-Bipolar System of Coordinate. *Journal of International Analytics*. 2021;12(2):130–152. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-130-152>
5. Kalin I. Turkish Foreign Policy: Framework, Values, and Mechanisms. *International Journal*. 2011;67(1):7–21. doi: <https://doi.org/10.1177/002070201206700102>
6. Druzhilovsky S.B., Avatkov V.A. Turkish Foreign Policy Ideologems: 2002–2012. *Observer*. 2013;(6):73–88. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: QANNYD
7. Avatkov V.A. Turkey: Turn to the East. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2017;10(2):181–196. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-2-181-196>
8. Berdal A. A Comparative Analysis of Turkish and South Korean Foreign Policies and International Perspectives Since the End of the Second World War. *Avrasya Etüdler*. 2008;33(1):47–68. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/421907> (accessed 26.07.2022).
9. Asmolov K.V., Soloviev A.V. Strategic Autonomy for ROK: Intellectual Pipe Dream or Political Reality? *Journal of International Analytics*. 2021;12(2):49–73. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73>
10. Britova V.R. Basic Approaches to Understanding the Concept of “Middle Power”. *Eurasianism and the World*. 2022;(1):47–53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-sredney-derzhavy> (accessed 25.09.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Mo J. South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles. *International Journal*. 2016;71(4):587–607. doi: <https://doi.org/10.1177/0020702016686380>
12. Avatkov V. [Turkish Democratization in the 90s is the Key to Today's Islamization of Türkiye]. *Russia and the Moslem World*. 2013;(3):106–114. (In Russ.) EDN: PXMEQJ
13. Avatkov V.A. Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*. 2019;12(4):113–129. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>
14. Avatkov V.A. The Outlines of the New World Order and the Aggressiveness of the West. *Svobodnaya mysl'*. 2022;(4):21–26. Available at: <http://www.svom.info/entry/1232-kontury-novogo-miroporyadka-i-rost-agressivnosti-z/> (accessed 25.09.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Shlykov P.V. Historical Dynamics of Social Protests in Turkey. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*. 2015;(4):23–55. Available at: <https://iaas.msu.ru/wp-content/uploads/2022/03/2015-4.pdf> (accessed 25.09.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 06.11.2022; revised 13.01.2023; accepted 19.01.2023.

About the authors:

Vladimir A. Avatkov, Dr. Sci. (Political Sciences), Head of the Department of the Middle and Post-Soviet East Institute of Scientific Information for Social Sciences (51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>, v.avatkov@gmail.com

Yana V. Agafonova, Junior Research Assistant of the Center for Interdisciplinary Research Institute of Scientific Information for Social Sciences (51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8660-1864>, agafonova.iana2017@yandex.ru

Contribution of the authors:

V. A. Avatkov – structuring and systematization of research data; evaluation and collection of data on the part of the article related to the Republic of Türkiye; study of the concept of the world governance model being under construction and substantiation of data regarding to Türkiye; revision of the text.

Ya. V. Agafonova – preparation, analysis of the theoretical base on the subject of research; conducting research; evaluation and collection of data on the part of the article related to the Republic of Korea; analysis of these materials; study of the behavior and role of Korea due to the world governance model being under construction.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение

Е. В. Крыжко

П. И. Пашковский ✉

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(г. Симферополь, Российская Федерация)

✉ petr.pash@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена современной активизацией феномена русофобии в странах Запада и связанной с этим необходимостью изучения его происхождения и специфики, а также выработки российских механизмов противодействия данному явлению. Цель статьи – по результатам проведенного исследования охарактеризовать сущность генезиса и особенности русофобии англосаксов в период ее идеологического оформления в контексте геополитического соперничества государств Запада и России.

Материалы и методы. Исследование базировалось на изучении сочинений британских авторов (военных, дипломатов и публицистов) – современников изучаемых событий, материалов британских средств массовой информации первой половины XIX в., справочных и понятийно-терминологических изданий. Методологической основой исследования является синтез системного и геополитического подходов в рамках парадигмы неореализма, что обусловило применение институционального, историко-генетического и деятельностного методов.

Результаты исследования. Уточнены причины, контекст возникновения и определение понятия «русофобия». Охарактеризованы черты различных вариантов русофобии. Рассмотрен генезис русофобии англосаксов. Раскрыто соотношение между англосаксонской русофобией и геополитикой. Показана эволюция традиционных черт и сущностных характеристик англосаксонского варианта русофобии. Выявлены особенности русофобии англосаксов как идеологии.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование свидетельствует о наличии особенностей англосаксонской русофобии как идеологии в виде перманентно проявляющихся установок, активизация которых обуславливалась усилением геополитического соперничества. Материалы и выводы исследования могут привлекаться научными центрами и государственными ведомствами Российской Федерации в процессе формирования и реализации государственной внешней политики и обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: геополитическое соперничество России и Великобритании, англосаксонская русофобия, русофобская идеология англосаксов, антироссийская информационная кампания, международные отношения

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 30–45. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.030-045>

Original article

Genesis and Features of Anglo-Saxon Russophobia: Geopolitical Dimension

E. V. Kryzhko, P. I. Pashkovsky

V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

 petr.pash@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the modern activation of the phenomenon of Russophobia in Western countries and the associated need to study its origin and specifics, as well as to develop Russian mechanisms to counter this phenomenon. The purpose of the study is to characterize the essence of the genesis and features of Anglo-Saxon Russophobia during its ideological formation in the context of the geopolitical rivalry between the states of the West and Russia.

Materials and Methods. The research has been based on the study of the writings of British authors (military, diplomats and publicists) – contemporaries of the events under consideration, materials from the British media in the first half of the XIX century, reference and conceptual-terminological editions. The methodological basis of the research is the synthesis of systemic and geopolitical approaches within the paradigm of neorealism, which has led to the use of the institutional, historical-genetic and activity methods.

Results. The reasons, the context of occurrence and the definition of the concept of “Russophobia” have been clarified. The features of different variants of Russophobia have been characterized. The genesis of Russophobia of the Anglo-Saxons has been examined. The relationship between Anglo-Saxon Russophobia and geopolitics has been revealed. The evolution of the traditional features and essential characteristics of the Anglo-Saxon version of Russophobia has been shown. Features of Russophobia of the Anglo-Saxons as an ideology have been identified.

Discussion and Conclusion. The conducted research testifies to the presence of features of the Anglo-Saxon Russophobia as an ideology in the form of permanently manifesting attitudes, the activation of which has been due to the intensification of geopolitical rivalry. The materials and conclusions of the study can be used by scientific centers and government departments of the Russian Federation in the process of forming and implementing state foreign policy and ensuring national security.

Keywords: geopolitical rivalry between Russia and Great Britain, Anglo-Saxon Russophobia, Russophobic ideology of the Anglo-Saxons, anti-Russian information campaign, international relations

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I. Genesis and Features of Anglo-Saxon Russophobia: Geopolitical Dimension. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):30–45. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.030-045>

Введение. На фоне современного усиления геополитической конфронтации России с коллективным Западом тенденцией становится значительный рост проявлений русофобии, главным образом, в «англосаксонском мире» и странах, в силу разных причин, более подверженных его идеологическому воздействию. Согласно опубликованному в 2021 г. социологической службой Gallup исследованию, количество негативно относящихся к России жителей США достигло 77 %, что стало рекордным показателем с момента первого аналогичного опроса в 1989 г.¹. Ежегодное социологическое исследование, проводящееся некоммерческой организацией «Альянс демократий» более чем в 50 странах, весной 2022 г. (после начала спецоперации на Украине) показало, что негативное отношение к России характерно преимущественно «западным либеральным демократиям», мировоззренческие установки которых резко контрастируют с общественным мнением многих азиатских и латиноамериканских государств, демонстрирующих противоположные, в большей степени

¹ Gallup: рекордные 77 % американцев плохо относятся к России [Электронный ресурс] // Газета.ру : сайт. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/03/02_a_13497446.shtml (дата обращения: 22.10.2022).

пророссийские, настроения². При этом среди стран с наиболее отрицательным отношением к России оказались Польша (87 %), Украина (80), Португалия (79), Швеция (77), Великобритания (65), Италия (65), США (62) и ФРГ (62 %)³. Неприязнь проявилась и в многократном увеличении в Европе и США примеров бытового давления на русских, подвергающихся всяческому преследованиям и унижениям по национальному признаку⁴. Так, 30 сентября 2022 г. Президент Российской Федерации В. Путин отмечал: «Мы никогда не принимали и не примем такой политический национализм и расизм. А чем, как не расизмом, является русофобия, распространяемая сейчас по всему миру? Чем, как не расизмом, является запугивающая уверенность Запада в том, что его цивилизация, неолиберальная культура – это непререкаемый образец для всего мира? “Кто не с нами, тот против нас”. Странно даже все это звучит»⁵. Обозначенные причины актуализируют необходимость изучения истоков и специфики феномена англосаксонской русофобии в современных реалиях.

Еще в 2013 г. британский исследователь Дж. Локленд констатировал, что «русофобия сегодня является инструментом на службе у “европеистской” идеологии»⁶. Примеры этого, при наличии единичных ситуаций в период Средневековья, приобретают системные очертания в XIX в., когда возникает антитеза «Запад – Восток», которая в многочисленных контекстах была связана «с глобальным противопоставлением моря и суши, контрреволюции и революции, русофилии и консерватизма, с одной стороны, русофобии и прогресса – с другой»⁷. С этого периода видимая концептуальность в расчете на формирование общественного мнения и связь с геополитикой становятся атрибутами русофобии англосаксов, выделяя ее среди прочих разновидностей указанного явления вплоть до настоящего времени.

Несмотря на относительную разработанность проблематики содержания феномена русофобии, отсутствуют труды, раскрывающие происхождение и специфику ее англосаксонского варианта как идеологии в геополитическом измерении. Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить особенности генезиса и базовые характеристики русофобии англосаксов как идеологии в период ее оформления в рамках столкновения геополитических интересов России и государств Запада.

Обзор литературы. В современных исследованиях проблема англосаксонской русофобии является дискуссионной и характеризуется высокой степенью фрагментарности. Вопросы зарождения, распространения данного феномена

² Wintour P. Negative Views of Russia Mainly Limited to Western Liberal Democracies, Poll Shows [Электронный ресурс] // The Guardian : сайт. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/30/negative-views-of-russia-mainly-limited-to-western-liberal-democracies-poll-shows> (дата обращения: 22.10.2022).

³ Мануков С. Названы страны, которые положительно относятся к России [Электронный ресурс] // Эксперт : сайт. URL: <https://expert.ru/2022/05/30/opros/> (дата обращения: 22.10.2022).

⁴ Бытовое давление. Русских в Европе и США преследуют и унижают из-за событий на Украине. Как они стали врагами общества? [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/06/02/russophobia/> (дата обращения: 22.10.2022).

⁵ Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 22.10.2022).

⁶ Локленд Дж. Русофобия и европейская идеология // Россия и Европа. Энергия сотрудничества. Т. III / сост. П. В. Святенков. М. : Вече, 2014. С. 52–53.

⁷ Коник С. В. Россия в представлении западноевропейцев // Россия и Европа. История, традиции и современность. Т. I / сост. А. А. Музафаров. М. : Вече, 2014. С. 166, 171.

и его характерных черт – с акцентированием разных аспектов – затрагиваются в работах П. Кеннеди, С. Коника, Дж. Локленда⁸. Идеологическая составляющая проявлений ненависти ко всему русскому охарактеризована в исследовании А. Ильина [1], В. Гуторова, А. Ширинянца, А. Шутова [2], П. Карабущенко [3] с опорой на современные события.

Проблемам эволюции элит и британского общества посвящена работа М. Делягина⁹. Противостояние двух империй, как в геополитическом, так и в информационном поле, рассматривается М. Ниязматым¹⁰. Политическому и военному аспектам британской русофобии, наряду с проблемой происхождения российско-британской геополитической конкуренции, уделяется внимание в исследованиях Е. Крыжко и П. Пашковского [4], А. Макутчева [5]. И. Шафаревичем комплексно охарактеризован феномен русофобии внутри страны и образ России на Западе¹¹. Общим вопросам проявлений неприязни к русским, их государственности и ценностям, а также военному измерению русофобии посвящены исследования О. Неменского [6], Н. Таньшиной [7], М. Леонтьева¹², Е. Крыжко и П. Пашковского [8], которые рассматривали основные тенденции данного явления.

Отдельную группу работ представляют исследования зарубежных англоязычных авторов, изучающих проблемы трансформации современного миропорядка и геополитического взаимодействия России и государств Запада с акцентированием «негативных проявлений», обусловленных увеличением «российского влияния» в региональном и глобальном масштабе [9–18]. Так, Р. Аллисон констатирует, что с 2014 г. внешняя политика России рассматривается западными правительствами как «вопиющее оскорбление» регулируемого международного порядка, «основанного на правилах» [9]. «Настоящей проблемой» считает С. Коткин стремление Москвы добиться «признания Западом» российской сферы влияния на постсоветском пространстве (исключая страны Балтии) [12]. Специфику связи между «российской политической идентичностью» и современной внешней политикой России – в контексте ее реакции на расширение НАТО и последовавшего за этим ухудшения отношений с Западом – характеризует К. Робертс [15].

В западной историографии проблемы генезиса британской русофобии освещаются в работе Дж. Глисона¹³, изданной в 1950 г. Что касается современных взглядов на поставленную проблему, то следует выделить труды Л. Крустева [19], Э. Шашхалми [20], К. Константина [21], в которых основное внимание уделено трансформации «англосаксонских фобий», анализу воздействия СМИ

⁸ Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. / пер. с англ. Е. Калутина, М. Леоновича. Екатеринбург : Гонзо, 2018. 848 с.; Коник С. В. Россия в представлении западно-европейцев; Локленд Дж. Русофобия и европейская идеология.

⁹ Делягин М. Британские элиты: факторы глобального превосходства. От Плантагенетов до Скрипалей. М. : Книжный мир, 2018. 256 с.

¹⁰ Ниязатов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2014. 640 с.

¹¹ Шафаревич И. Р. Русофобия. М. : Родина, 2019. 352 с.

¹² Леонтьев М. Большая игра. Британская империя против России и СССР. М. : Астрель, 2012. 347 с.

¹³ Gleason J. H. The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the interaction of Policy and Opinion. Cambridge : Harvard University Press, 1950. 314 p.

на формирование «образа России и русских» в рамках британского общества и корреляции экономических интересов с циклами неприязни в отношении Российской империи. Отечественным «ответом» в этой области являются исследования И. Афанасьева [22], В. Дегоева [23], Л. Крыжко и П. Пашковско-го [24], М. Напсо [25], осуществивших ретроспективный анализ рассматриваемого явления и определивших его опасности и угрозы, представив меры их преодоления. Особую нишу занимают труды Г. Меттана¹⁴ и Д. Къеза¹⁵, которые характеризуют страновое разграничение в проявлении феномена неприязни к России, эволюцию различного рода фобий в отношении государств на Западе, а также новые методологические подходы к изучению данной проблемы.

Вместе с тем в научной литературе недостаточно отражена специфика зарождения и возникновения англосаксонской русофобии как идеологии, в частности, хронологические рамки происхождения представленного феномена, характеристика его традиционных черт, признаков, цели и задач формирования отрицательного отношения к России, особенности проблем «завоевания внимания» общества, эволюции и сущности данного явления в настоящее время, что увеличивает значимость изучения указанных аспектов.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования были использованы следующие группы источников: сочинения британских авторов (военных, дипломатов и публицистов) – современников изучаемых событий¹⁶; материалы британских средств массовой информации первой половины XIX в.¹⁷; справочные и понятийно-терминологические издания¹⁸.

Методологической основой исследования является синтез системного и геополитического подходов, уместность взаимодействия которых объясняется тенденциями обновления научной методологии в рамках парадигмы

¹⁴ Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война / пер. с англ. М. Аннинская, С. Булгакова, Ю. Обозный. М. : Паулсен, 2017. 468 с.

¹⁵ Къеза Д. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? М. : Изд-во «Э», 2016. 288 с.

¹⁶ Burnes A. Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, 1834. Vol. I. 399 p.; Conolly A. Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. London : Richard Bentley, 1834. Vol. I. 367 p.; Evans G. On the designs of Russia. London, 1828. 265 p.; Kinneir J. M. Journey through Asia Minor, Armenia, and Koordistan in the years 1813 and 1814, with Remarks on the Marches of Alexander and retreat of the Ten Thousand. London : John Murray, 1818. 603 p.; McNeill J. Progress and Present Position of Russia in the East: an Historical Summary. London : John Murray, 1854. 170 p.; Moorcroft W., Trebeck G. Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara; by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819–1825. London : John Murray, 1841. Vol. I. 459 p.; Surtees W. Twenty-five years in the Rifle brigade. Edinburgh; London : William Blackwood, 1833. 435 p.; Urquhart D. Diplomatic Transactions in Central Asia, from 1834 to 1839. London : Printed by T. Brettell, 1841. 240 p.; Wilson R. T. A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the year 1817. London : Ridgway, 1817. 212 p.; Manchester Manufacturer A. [Cobden R.] Russia. A Cure for the Russo-phobia. Edinburgh : W. Tait, 1836. 54 p.

¹⁷ Art. V. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the year 1817. Fourth Edition. pp. 208. London. 1818 // The Quarterly Review / ed. by W. Gifford. London : John Murray, 1818. Vol. XIX. Pp. 131–177; Art. VIII. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the Year 1817. 8vo. pp. 223. London. Ridgeway. 1817 // The Edinburgh Review or Critical journal / ed. by S. Smith. London : David Willson, 1818. Vol. XXIX. Pp. 164–190; The London and Westminster Review / by J. Bowring; J. S. Mill. London : J. Macrone, 1836. Vol. III. & XXV. 568 p.

¹⁸ The Imperial Dictionary of the English Language: a Complete Encyclopedic Lexicon, Literary, Scientific, and Technological / by J. Ogilvie; New, rev. and augm. ed. by C. Annandale. London : Blackie & Son, 1882. Vol. III. 799 p.

неореализма¹⁹. Это обстоятельство обусловило применение следующих исследовательских методов. Институциональный метод способствовал определению значения различных институтов в формировании и реализации феномена англосаксонской русофобии в ракурсе их взаимодействия и взаимовлияния. При помощи исторического (историко-генетического) метода были изучены события в последовательном временном развитии в плане раскрытия связи между этапами становления русофобии англосаксов. Использование деятельностного метода позволило выявить общие и частные характеристики англосаксонских элит в контексте их влияния на явление русофобии в свете геополитического соперничества. Определение основных тенденций, первопричин рассматриваемой проблемы и связанных с ней событий, формирование теоретической и источниковой базы стало возможным благодаря анализу указанных материалов исследования, а также соответствующих научных публикаций.

Результаты исследования. Понятие «русофобия», по мнению отечественных государственных и политических деятелей, нашло широкое применение в западном сообществе на уровне современной идеологии²⁰, в основу которой был положен британский вариант данного феномена, так как «русофобия у них в подкорке находится – это объясняет, почему, имея главным противником Китай, они обрушились на нас. Русофобия заложена в англосаксонской геополитике»²¹. Дискриминационная политика в отношении русских в мировом сообществе нашла отклик в совместном заявлении стран – членов СПЧ ООН на 51-й сессии Совета²², что подчеркивает масштаб рассматриваемого явления. При этом, помимо англосаксонского, в ретроспективе отмечается наличие нескольких вариантов русофобии. Французскую разновидность этого явления отличала склонность «оставаться ограниченной дипломатическими и философскими кругами»²³, а немецкая – базировалась исключительно на цикличности обострений в отношениях с Россией и не носила постоянный и системный характер с проникновением на ментальном уровне во все слои общества²⁴. Польский вариант русофобии возник на основе военной экспансии на Восток, которая привела к противостоянию с Россией, начиная с XVI в., и завершилась полной потерей польским государством собственного суверенитета. Однако на протяжении нескольких столетий Польша являлась основным источником информации о русских землях

¹⁹ Современная политическая наука: Методология : науч. издание / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2019. С. 61–83.

²⁰ Путин назвал распространяемую в мире русофобию расизмом [Электронный ресурс] // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/politika/15921037>; Лавров считает, что беспрецедентная русофобия Запада останется надолго [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20220527/rusofobiya-1791082516.html>; Матвиенко заявила, что русофобия становится во многих странах идеологическим мейнстримом [Электронный ресурс] // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/politika/14254285>; Вячеслав Володин: Сколотили русофобскую коалицию [Электронный ресурс] // Союзное вече : сайт. URL: https://www.souzeveche.ru/articles/tribune_deputy/65633/; Проханов А. Русофобия: феномен, идеология, практика [Электронный ресурс]. URL: <https://katehon.com/ru/article/rusofobiya-fenomen-ideologiya-praktika> (дата обращения: 22.10.2022).

²¹ Глазьев С. Русофобия лежит в основе англосаксонской геополитики [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3607691.html> (дата обращения: 22.10.2022).

²² В СПЧ ООН 11 стран осудили русофобию [Электронный ресурс] // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15943921?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 22.10.2022).

²³ Джампаоло Росси. Русофобия: два века «фальсификаций» [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20170109/238490590.html> (дата обращения: 22.10.2022).

²⁴ Меттан Г. Запад – Россия... С. 270–276.

для Европы, проецируя крайне негативный образ Российского государства и его «варварского» населения [6, с. 32–36]. В свою очередь, именно англосаксонская модель русофобии, оформившаяся в 1830-х гг. в качестве идеологии западного общества, на протяжении нескольких столетий выступает доминирующим фактором формирования антироссийских настроений.

Оформление термина «русофобия» (Russophobia) происходит на страницах «Императорского словаря английского языка» в 1882 г.²⁵, обозначая боязнь России и отторжение ко всему русскому. Стоит отметить, что слово Russo-phobia уже встречается в британском журнале 1836 г.²⁶, а также в труде британского публициста Р. Кобдена «Russia. A Cure for the Russo-phobia»²⁷, что свидетельствует о наличии сформированного в понятийно-терминологическом смысле в общественно-политических кругах Великобритании указанного периода отрицательного восприятия России и русских [24, р. 1080].

Официальная фиксация понятия «русофобия» являлась не только отражением антироссийских настроений, но и свидетельствовала о возникновении целостной идеологии, базирующейся на предвзятом, враждебном и высокомерном отношении к государственному институту, народу, культуре, ценностям, вероисповеданиям и ментальности России [1, с. 24]. Ведущий научный сотрудник РИСИ О. Неменский дает характеристику русофобии, утверждая, что таковая является западной производной в целях привлечения внимания общественности к «злой природе русского народа» (лишенного чувства достоинства, с низкой социальной ответственностью на генетическом уровне), закрепленной историческим прошлым. В совокупности Россия представляется в качестве антипода странам Запада, их врага, посягающего на ценности западного общества, обосновывается борьба с «русскостью» в физическом и культурном смыслах в зависимости от собственных интересов²⁸.

Начало эпохи Великих географических открытий позволило странам Запада «открыть двери» в будущее колониальные богатства. Англичане на первом этапе колонизаторской политики уступали испанцам и португальцам, что побуждало их к более активным действиям в борьбе за экономические блага [23, с. 31]. В этот период в Англии возникает концепция «зеленой Империи» авторства Джона Ди – ученого-математика, оккультиста (тогда математику относили к оккультным сферам познания) и резидента, – заключающаяся в распространении английского влияния на Северную Америку и северную часть Евразии (Россию). Данные соображения были изложены «агентом 007» (так себя именовал Джон Ди) королеве Елизавете I [22, с. 144–145].

Дипломатические отношения Англии с Московским царством были установлены в 1553 г. во время экспедиции Р. Ченслера на Восток в поисках северного пути в Азию и Китай, а с 1555 г. в Москве появилось постоянное английское представительство²⁹. Основной интерес Лондона был направлен на

²⁵ The Imperial Dictionary... P. 748.

²⁶ The London and Westminster Review. P. 255, 276.

²⁷ Manchester Manufacturer...

²⁸ Неменский О. Б. Русофобия: Аналит. обзоры РИСИ / под ред. д-ра социол. наук И. А. Романова; Рос. ин-т стратег. исслед. М. : РИСИ, 2014. Вып. 5. С. 3.

²⁹ Попов Е. Русофобия как наследственная политическая болезнь англосаксов [Электронный ресурс] // Крымское эхо : сайт. URL: <https://c-eho.info/rusofobiya-kak-nasledstvennaya-politicheskaya-bolezn-anglosaksov/> (дата обращения: 22.10.2022).

установление контроля над торговыми путями, а также ресурсными и территориальными богатствами открытых пространств. Для достижения этой цели была создана Московская компания, обладающая монопольными торговыми правами на логику Востока с Западом, подчинявшуюся собственным законам, что в значительной степени ущемляло права местного купечества. В ответ на предоставленные привилегии Иван Грозный пытался заручиться поддержкой «новых западных союзников» в Ливонской войне, что не входило в планы англичан [23, с. 32]. С этого момента начинается «похолодание» в отношениях Москвы и Лондона и, как следствие, сокращение торговых привилегий, что в итоге привело к полной их отмене в 1649 г. и уравнило в этом контексте англичан с голландцами [22, с. 144].

Английская элита, уязвленная таким дерзким поступком со стороны России, взаимоотношения с которой воспринимались на уровне «колония – метрополия», была крайне возмущена и стремилась всячески взять реванш за этот неподобающий для «варваров», коими представляли русских на Западе, демарш. Англичане воспринимали «Восточные земли» и их население по аналогии с индейцами Америки, считая, что за «бусы» можно завладеть огромными богатствами народа, но, столкнувшись с противостоянием в ходе этой «игры в одни ворота», начинали широкую кампанию по формированию негативного образа русских с характерными признаками всех человеческих пороков. Примечательно, что такое восприятие базировалось исключительно в элитарной среде, не охватывая широкие массы населения страны.

Данная особенность англосаксонской русофобии сохранялась до конца XVIII в. Это было связано с ограниченностью контактов представителей Российской империи с широкими массами в Европе, а также с наличием «буферной зоны» в виде постоянного военного противостояния со Швецией, Речью Посполитой и Османской империей, подпитываемыми со стороны Великобритании посредством дипломатической игры, не входя в прямой русско-британский конфликт. При этом британское внимание было сконцентрировано на усилении своего влияния в колониях, а рост потребности в сырье из России совмещался с одновременной тенденцией к военному сдерживанию возможного соперника [23, с. 36]. Период наполеоновских войн стал переломным моментом, который привел английскую элиту к осознанию необходимости в условиях нависшей французской угрозы отодвинуть русофобские настроения на второй план и войти в формат тесного военно-финансового сотрудничества с Россией против Франции.

С установлением Венской системы международных отношений, зафиксировавшей окончание наполеоновских войн, перед Великобританией возникла проблема в лице Российской империи, считавшейся победительницей и освободительницей европейских народов, пользовавшейся авторитетом и положительно воспринимавшейся населением Европы. «В 1814 году, – писал П. Кеннеди, – продвижение русской армии на запад вызвало у Европы благоговейный трепет, <...> подписание мира с архиконсервативным акцентом <...> было гарантировано российской 800-тысячной армией, не имевшей себе равных на суше, подобно британскому флоту на море»³⁰. Очевидно, что сильная Россия

³⁰ Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав... С. 264.

для Лондона представляла геополитическую и экономическую угрозу, что кардинально противоречило интересам британской элиты, которая видела ее только в качестве регионального государства, привлекаемого по необходимости к решению своих проблем на континенте.

Между тем реализация упоминаемой концепции «зеленой Империи» проявилась еще до обозначенных событий, в Луизианской сделке 1803 г. относительно покупки французских колоний, ознаменовавшей объединение Северной Америки под властью англосаксов и давшей возможность сконцентрировать внимание на северной части Евразии. С этого момента начинается целенаправленная англосаксонская информационная кампания в рамках европейского сообщества по формированию антироссийской коалиции с упором на экономическое «удушение» противника [22, с. 145], так как военные мероприятия против Российской империи не приносили желаемого результата. Характерно, что данный подход прослеживается и в наши дни.

Оформившись в идеологию в первой трети XIX в., англосаксонская русофобия прошла долгий путь исторической эволюции. Первоначально декларируемая «неприязнь» базировалась исключительно на негативном отношении британской элиты к России. Но к началу XIX в. с развитием парламентаризма в Великобритании возникает необходимость в широкой общественной поддержке политики правящих кругов в отношении отдельных государств под предлогом защиты интересов своей страны. Это и обусловило масштабную информационную кампанию по формированию в англосаксонской сфере влияния русофобских установок, которые возможно спроецировать в будущем на население всей Европы.

Первые работы русофобского содержания были опубликованы в популярных в тот период годовых обзорах различных сфер деятельности Великобритании³¹. Особое внимание привлекает труд резидента, а впоследствии политика Р. Вильсона «Очерк о военном и политическом могуществе России в 1817 году»³², в котором высказывалась озабоченность в отношении русской армии как силы, выполняющей исключительно оборонительные функции, подчеркивались британские опасения за безопасность Индии в контексте угрозы вторжения с Севера, ненавязчиво внушалась идея о тайных и враждебных для Лондона тенденциях в Петербурге. Основной посыл в «Очерках...» был направлен на формирование у широких масс населения двойственного восприятия России в качестве континентального союзника Великобритании и одновременно страны, возглавляемой Александром I, с вымышленной претензией на крах канонов британского (а позднее и европейского) общества и пересмотр постулатов могущества лондонской метрополии. Труд Р. Вильсона вызвал массу дискуссий в англосаксонской среде, преимущественно отмечающих тенденцию к преувеличению автором «злых умыслов» Российской империи, посеяв двойственность взглядов, о чем свидетельствуют четыре переиздания книги и перевод ее на другие языки [4, с. 570–571].

Важно отметить, что в рядах европейского населения в это время активно тиражировалась тема так называемого «Завещания Петра Великого», сфаль-

³¹ Art. V. A Sketch of the Military...; Art. VIII. A Sketch of the Military...; The London and Westminster Review.

³² Wilson R. T. A Sketch of the Military...

сифицированного МИД Франции, которое имело предназначение в культивировании в сознании широких масс русофобских установок, акцентируя негативный образ Павла I как идейного вдохновителя военного похода в Индию³³. Данные утверждения способствовали «перекодировке» общественного мнения и увеличению числа сторонников борьбы со всем русским под воздействием непреодолимого страха перед Российской империей, порой переходившего в истерию. В частности, защита Индии от «русской угрозы» становится своего рода «мантрой» в трудах британских политиков и резидентов начала XIX в.³⁴, которые массово убеждали население Великобритании и всей Европы в якобы реальности военного похода России на Восток и отсутствии силы, противодействующей этому, формировали негативный образ «русского-врага», поднимая волну массовой русофобии.

Результатом антирусской информационной кампании англосаксов, связанной средствами массовой информации с опорой на геополитические прогнозы, становится трансформация «истерической» русофобии, охватившей политическую элиту и широкие народные массы, в системную идеологию. Данная тенденция находит подтверждение в положительном восприятии общественностью русофобских идей, изложенных в книге Дж. Эванса «Замыслы России»³⁵, вышедшей в свет в 1828 г. Она привела к эффекту сплочения населения Великобритании перед вымышленной «неминуемой» военной угрозой в лице России [8, с. 1086], что давало английским элитам карт-бланш по вступлению в активную фазу геополитического противостояния империй и подготовке антирусской коалиции.

В начале 1830-х гг. происходит кульминация в процессе формирования англосакской русофобии как идеологии, которая, с определенными изменениями, существует и в наши дни, обладая специфическими традиционными характеристиками. Это проявляется в распространении образа России как огромной страны, обладающей территориальной глубиной, населенной угнетенным народом (во главе с правителем, наделенным абсолютной властью) и проецирующей агрессию на окружающий мир, будучи чуждой цивилизационным ценностям. При этом всячески культивируется стремление способствовать разрушению этого государства путем подмены исторической памяти и культуры, что, в конечном итоге, должно сформировать и закрепить за ним образ «страны-изгоя» с последующим уничтожением в духовном, геополитическом и, если получится, в физическом плане³⁶.

Охарактеризованные черты англосаксонской русофобии с незначительной корректировкой актуальны и в настоящее время, что прослеживается в риторике представителей современной британской политической элиты, в частности,

³³ Леонтьев М. Большая игра. С. 10–14; Ниязатов М. Россия на Востоке... С. 31.

³⁴ Burnes A. Travels into Bokhara...; Conolly A. Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan; Evans G. On the designs of Russia; Kinneir J. M. Journey through Asia Minor, Armenia, and Koordistan in the years 1813 and 1814...; McNeill J. Progress and Present Position of Russia in the East...; Moorcroft W., Trebeck G. Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab...; Surtees W. Twenty-five Years in the Rifle Brigade; Urquhart D. Diplomatic Transactions in Central Asia, from 1834 to 1839.; Wilson R. T. A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the year 1817.

³⁵ Evans G. On the Designs...

³⁶ Неменский О. Б. Русофобия... С. 22–24.

экс-премьер-министров Великобритании Б. Джонсона и Л. Трасс³⁷. Данная тенденция является показательной в контексте исторической эволюции русофобии англосаксов.

Англосакская информационная кампания по формированию негативного отношения ко всему русскому на протяжении периода XVI–XIX вв. приобрела совокупность признаков, утвердившись в систему концептуально оформленных идей, выражающих интересы, мировоззрение и идеалы определенных субъектов политики. Укрепление конкретных аксиомных убеждений британского общества в отношении России под влиянием политических мифов о борьбе с вымышленной угрозой мобилизует население на активные действия и позволяет правящей элите, при полной поддержке электората, реализовывать имеющиеся геополитические установки. Это «подпитывается» императивами отрицания всего русского сквозь призму искусственных страхов, стереотипов враждебности и псевдоцивилизованности и укрепляется чувством опасности для западной цивилизации на ценностном уровне. Русофобская информационная кампания англосаксов в первой трети XIX в. повлияла на общественное сознание, проявившись на теоретическом, доктринальном и практическом уровнях, что свидетельствует о комплексном ее оформлении как особой идеологии.

Примечательно, что англосаксонской русофобии присуща гибкая система взглядов, объединяющая несколько вариантов решений в проекции на Россию. Великобритания в стремлении закрепить за собой основную роль в «цивилизаторской миссии» в отношении неевропейских народов не исключает возможности «перекодировать» в соответствии со своими интересами русскую ментальность и систему ценностей. При этом существует мнение, что Россию невозможно переделать и адаптировать по западному образцу, следовательно, это – экзистенциальный враг, отрицающий западные ценности. А если «особая русская позиция» становится центром притяжения для других народов и государств, то ее необходимо уничтожить. В условиях невозможности физического нивелирования России предпринимаются максимальные меры по ее значительному ослаблению. Стоит отметить выработанную зависимость англосаксов от русофобии, которая настолько укоренилась в ментальности широких слоев общества, что сделала крайне тяжелым путь его «излечения» от этой «болезни». В этом контексте наблюдается явление искусственного переноса классического противоборства добра и зла на противостояние западной цивилизации и Востока в виде русского культурного кода³⁸. Данная модель англосаксонской русофобии проецирует системное отрицание российских традиционных ценностей, культурных и политических установок, декларируя отказ воспринимать их в процессе выстраивания добрососедских отношений, основанных на взаимовыгодном сотрудничестве.

Обсуждение и заключение. Феномен русофобии исторически наиболее четко проявился на примерах англосаксонского, французского, немецкого и польского его вариантов. При этом только англосаксонская модель отличалась

³⁷ Four Years Since the Illegal Annexation of Crimea: Article by Boris Johnson [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/four-years-since-the-illegal-annexation-of-crimea-article-by-boris-johnson>; Foreign Secretary Imposes UK's Most Punishing Sanctions to Inflict Maximum and Lasting Pain on Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-imposes-uks-most-punishing-sanctions-to-inflict-maximum-and-lasting-pain-on-russia> (дата обращения: 22.10.2022).

³⁸ Неменский О. Б. Русофобия... С. 6–7, 20, 22.

системностью и перманентной связью с геополитикой, имея характеристики идеологии, которая, учитывая некоторые изменения, в общих чертах сохранилась до настоящего времени.

Истоки антироссийских устремлений англосаксов берут начало в XVI в. в контексте планов по распространению английского контроля над северной Евразией. В дальнейшем, чем сильнее было российское сопротивление геополитическому давлению Англии, тем активнее последняя пыталась развернуть информационную кампанию в целях формирования негативного образа России. Однако до конца XVIII в. англосаксонская русофобия была распространена преимущественно среди местных элит.

После наполеоновских войн Российская империя – в статусе победительницы и освободительницы Европы – стала восприниматься британскими элитами как реальная геополитическая угроза Великобритании и основной соперник в реализации ее интересов в Евразии. Не имея возможности подавить Россию военными методами, англосаксы начинают масштабную информационную кампанию антироссийской направленности. Учитывая увеличение влияния парламента и в целом общественного мнения на британскую внешнюю и внутреннюю политику, данные механизмы были предназначены осуществлять воздействие на сознание широких слоев населения Великобритании, а затем и Европы, системно формируя негативный образ России.

В первой трети XIX в. тенденцией в реализации британской русофобии стало то, что ее активизация преимущественно совпадала с необходимостью формирования общественного мнения для достижения поддержки геополитических инициатив элит Великобритании, направленных против Российской империи. К традиционным характеристикам англосаксонской русофобии как идеологии относились: конструирование и распространение образа России как огромной и «дикой» страны, населенной угнетенным народом, возглавляемой наделенным абсолютной властью жестоким правителем; утверждения о том, что эта мощная в военном плане империя не приемлет цивилизационные ценности западного образца и представляет угрозу окружающим государствам, вынашивая агрессивные планы; стремления способствовать ослаблению, а впоследствии и разрушению этого «государства-изгоя», проецируя подмену его исторической памяти, культуры и ценностей.

Сформировавшись в указанный период на теоретическом, доктринальном и практическом уровнях в качестве идеологии (т. е. системы концептуально оформленных идей, которые выражают интересы, идеалы и мировоззрение определенных субъектов политики), русофобия англосаксов глубоко укоренилась в британском обществе, широко распространившись в странах Запада, традиционно и целенаправленно активизируясь в периоды обострений геополитического соперничества с Россией, что подтверждают реалии современности.

Перспективы дальнейших исследований в рамках данного направления связаны с изучением особенностей западной историографии проблемы англосаксонской русофобии, динамики проявления этого феномена в XX – начале XXI вв. в соотношении с эволюцией геополитического взаимодействия стран Запада и России, происхождения, специфики и взаимовлияния внешних и внутренних факторов формирования антироссийских настроений и механизмов противодействия русофобским тенденциям.

Практическая значимость проведенного исследования определяется возможностью использования его положений и выводов следующим образом: научными центрами и государственными ведомствами Российской Федерации в процессе формирования и реализации государственной внешней политики и обеспечения национальной безопасности; для написания аналитических и обобщающих трудов международно-политической направленности; для методического обеспечения учебного процесса в высших учебных заведениях при разработке и преподавании курсов по мировой политике, теории и истории международных отношений, а также в целом в общественно-политической проблематике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин А. Н. Русофобия как идеологический тренд в информационном пространстве Запада // Свободная мысль. 2020. № 1. С. 23–34. URL: <http://svom.info/entry/1003-rusofobiya-kak-ideologicheskij-trend-v-informacion/> (дата обращения: 22.10.2022).
2. Гуторов В. А., Ширинянц А. А., Шутов А. Ю. О проблеме межцивилизационных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 4. С. 132–141. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-9>
3. Karabuschenko P. L. Political Elites of the Collective West on the Fronts and in the Trenches of the Cold War with Russia // Современная наука и инновации. 2020. № 1 (29). С. 107–117. URL: https://www.ncfu.ru/NCFU_PYATIGORSK/.doc/VAC/arhiv/2020/1-2020/101-109.pdf (дата обращения: 22.10.2022).
4. Британская русофобия в первой половине XIX века: военный аспект / Е. В. Крыжко [и др.] // Былые годы. 2019. Т. 52, вып. 2. С. 568–575. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1559216145.pdf (дата обращения: 22.10.2022).
5. Макутчев А. В. Книга полковника Дж. Де Лейси Эванса (1787–1870) «О замыслах России» и ее место в дискуссиях об англо-русских отношениях во второй четверти XIX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 1 (74). С. 76–85. doi: <https://doi.org/10.37724/RSU.2022.74.1.007>
6. Неменский О. Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 13. С. 26–65. EDN: RVSSDH
7. Таньшина Н. П. Польский вопрос как инструмент идеологической борьбы Запада против России // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, № 4 (33). doi: <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-25-25>
8. Крыжко Е. В., Пашковский П. И., Наталевич С. И. «Большая игра» в Туркестане в первой половине XIX века: геополитические интересы сторон // Былые годы. 2018. Т. 49, вып. 3. С. 1084–1091. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1535633527.pdf (дата обращения: 22.10.2022).
9. Allison R. Russia and the Post-2014 International Legal Order: Revisionism and Realpolitik // International Affairs. 2017. Vol. 93, issue 3. Pp. 519–544. doi: <https://doi.org/10.1093/ia/iix061>
10. Ashford E. Not-So-Smart Sanctions: The Failure of Western Restrictions Against Russia // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, no. 1. Pp. 114–123. URL: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/articles/ashford-foreign-affairs-v95n1.pdf> (дата обращения: 22.10.2022).
11. Kaplan R. D. Eurasia's Coming Anarchy. The Risks of Chinese and Russian Weakness // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, no. 2. Pp. 33–41. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-02-15/eurasia-coming-anarchy> (дата обращения: 22.10.2022).
12. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, no. 3. Pp. 2–9. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2016-04-18/russias-perpetual-geopolitics> (дата обращения: 22.10.2022).
13. Nitoiu C. European and Eurasian Integration: Competition and Cooperation in the Post-Soviet Space // Journal of European Integration. 2017. Vol. 39, issue 4. Pp. 469–475. doi: <https://doi.org/10.1080/07036337.2017.1317989>

14. Richardson P. B. Geopolitical Visions, Globalization, and the Remaking of Russia's Eurasian Borders // Journal of Borderlands Studies. 2017. Vol. 32, issue 1. Pp. 7–21. doi: <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1222874>
15. Roberts K. Understanding Putin: The Politics of Identity and Geopolitics in Russian Foreign Policy // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2017. Vol. 72, issue 1. Pp. 28–55. doi: <https://doi.org/10.1177/0020702017692609>
16. Smith H. Statecraft and Post-Imperial Attractiveness: Eurasian Integration and Russia as a Great Power // Problems of Post-communism. 2016. Vol. 63, issue 3. Pp. 171–182. doi: <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1145063>
17. Stent A. Putin's Power Play in Syria: How to Respond to Russia's Intervention // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, no. 1. Pp. 106–113. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2016-04-18/why-russian-president-putin-took-crimea-from-ukraine> (дата обращения: 22.10.2022).
18. Treisman D. Why Putin Took Crimea. The Gambler in the Kremlin // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, no. 3. Pp. 47–54. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2016-04-18/why-russian-president-putin-took-crimea-from-ukraine> (дата обращения: 22.10.2022).
19. Krustev L. Reflections on Russophobia in Britain in the First Half of the XIX Century // Istoriya-History. 2021. Vol. 29, issue 4. Pp. 371–385. doi: <https://doi.org/10.53656/his2021-4-3-russo>
20. Sashalmi E. The Late-Eighteenth-Century European Balance of Power and Russophobia in the English Media: The Ochakov Crisis (1791) // RussianStudiesHu. 2022. No. 2. Pp. 111–122. doi: <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2022.4.18>
21. Constantin C. Romanian Grain Market in the British Russophobia Context (1829–1853) // Hiperboreea. Journal of History. 2015. Vol. 2, no. 1. Pp. 95–107. doi: <https://doi.org/10.3406/hiper.2015.886>
22. Афанасьев И. Б. Идеология англосаксов и мировая гегемония // БЕРЕГИНЯ. 777. СОБА. 2018. № 3 (38). С. 143–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-anglosaksov-i-mirovaya-gegemoniya> (дата обращения: 22.10.2022).
23. Дегоев В. Краткий курс истории британской русофобии // Международная жизнь. 2022. № 9 (сентябрь). С. 30–47. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/92022/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения: 22.10.2022).
24. Британская русофобия в первой половине XIX века: политический аспект / Л. А. Крыжко [и др.] // Былые годы. 2019. Т. 53, № 3. Pp. 1078–1085. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1567090074.pdf (дата обращения: 22.10.2022).
25. Напсо М. Д. Некоторые аспекты проблематики русофобии (часть I) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28, № 8. С. 57–62. EDN: AIUNKL

Поступила 21.11.2022; одобрена после рецензирования 28.12.2022; принята к публикации 11.01.2023.

Об авторах:

Крыжко Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (295007, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9943-819X>, Researcher ID: Y-8613-2018, Scopus ID: 57195577771, jeyson1030@gmail.com

Пашковский Петр Игоревич, доктор политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (295007, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>, Researcher ID: AAJ-9474-2020, Scopus ID: 57195581020, petr.pash@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Е. В. Крыжко – постановка проблемы исследования; анализ данных; подготовка текста статьи; формулирование результатов исследования и выводов.

П. И. Пашковский – разработка концепции и инициация исследования; методологические основы исследования; сбор и анализ данных; подготовка текста статьи; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ilyin A.N. Russophobia as an Ideological Trend in the Information Space of the West. *Svobodnaya mysl'*. 2020;(1):23–34. Available at: <http://svom.info/entry/1003-rusofobiya-kak-ideologicheskij-trend-v-informacion/> (accessed 22.10.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Shutov A.Yu. Two Civilizations: the Relations of Russia and Western Europe at the Beginning of the 21st Century. *Baltic Region*. 2018;10(4):132–141. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-9>
3. Karabuschenko P.L. Political Elites of the Collective West on the Fronts and in the Trenches of the Cold War with Russia. *Sovremennaya nauka i innovacii*. 2020;(1):107–117. Available at: https://www.ncfu.ru/NCFU_PYATIGORSK/.doc/VAC/arhiv/2020/1-2020/101-109.pdf (accessed 22.10.2022).
4. Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Chemodurov N.N., Charusov T.A. The British Russophobia in the First Half of the XIX Century: The Military Aspect. *Bylye Gody*. 2019;52(2):568–575. Available at: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1559216145.pdf (accessed 22.10.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Makutchev A.V. “On the Designs of Russia”, a Book by Colonel G. De Lacy Evans (1787–1870) and its Place in the Discussion of Anglo-Russian Relations in the Second Quarter of the 19th Century. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022;(1):76–85. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.37724/RSU.2022.74.1.007>
6. Nemensky O.B. [Russophobia as an Ideology]. *Voprosy nacionalizma*. 2013;(13):26–65. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: RVSSDH
7. Tanshina N.P. The Polish Question as an Instrument of the West’s Ideological Struggle Against Russia. *Science. Society. Defense*. 2022;10(4). (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-25-25>
8. Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Natalevich S.I. The “Great Game” in Turkestan in the First Half of the XIX Century: the Geopolitical Interests of the Parties. *Bylye Gody*. 2018;49(3):1084–1091. Available at: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1535633527.pdf (accessed 22.10.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Allison R. Russia and the Post-2014 International Legal Order: Revisionism and Realpolitik. *International Affairs*. 2017;93(3):519–544. doi: <https://doi.org/10.1093/ia/iix061>
10. Ashford E. Not-So-Smart Sanctions: The Failure of Western Restrictions against Russia. *Foreign Affairs*. 2016;95(1):114–123. Available at: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/articles/ashford-foreign-affairs-v95n1.pdf> (accessed 22.10.2022).
11. Kaplan R.D. Eurasia’s Coming Anarchy. The Risks of Chinese and Russian Weakness. *Foreign Affairs*. 2016;95(2):33–41. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-02-15/eurasias-coming-anarchy> (accessed 22.10.2022).
12. Kotkin S. Russia’s Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern. *Foreign Affairs*. 2016;95(3):2–9. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2016-04-18/russias-perpetual-geopolitics> (accessed 22.10.2022).
13. Nitoiu C. European and Eurasian Integration: Competition and Cooperation in the Post-Soviet Space. *Journal of European Integration*. 2017;39(4):469–475. doi: <https://doi.org/10.1080/07036337.2017.1317989>
14. Richardson P.B. Geopolitical Visions, Globalization, and the Remaking of Russia’s Eurasian Borders. *Journal of Borderlands Studies*. 2017;32(1):7–21. doi: <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1222874>
15. Roberts K. Understanding Putin: The Politics of Identity and Geopolitics in Russian Foreign Policy. *International Journal: Canada’s Journal of Global Policy Analysis*. 2017;72(1):28–55. doi: <https://doi.org/10.1177/0020702017692609>
16. Smith H. Statecraft and Post-Imperial Attractiveness: Eurasian Integration and Russia as a Great Power. *Problems of Post-communism*. 2016;63(3):171–182. doi: <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1145063>
17. Stent A. Putin’s Power Play in Syria: How to Respond to Russia’s Intervention. *Foreign Affairs*. 2016;95(1):106–113. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-12-14/putins-power-play-syria> (accessed 22.10.2022).

18. Treisman D. Why Putin Took Crimea. The Gambler in the Kremlin. *Foreign Affairs*. 2016;95(3):47–54. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2016-04-18/why-russian-president-putin-took-crimea-from-ukraine> (accessed 22.10.2022).
19. Krustev L. Reflections on Russophobia in Britain in the First Half of the XIX Century. *Istoriya-History*. 2021;29(4):371–385. doi: <https://doi.org/10.53656/his2021-4-3-russo>
20. Sashalmi E. The Late-Eighteenth-Century European Balance of Power and Russophobia in the English Media: The Ochakov Crisis (1791). *RussianStudiesHu*. 2022;(2):111–122. doi: <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2022.4.18>
21. Constantin C. Romanian Grain Market in the British Russophobia Context (1829–1853). *Hiperboreea. Journal of History*. 2015;2(1):95–107. doi: <https://doi.org/10.3406/hiper.2015.886>
22. Afanasiev I.B. The Ideology of the Anglo-Saxons and World Hegemony. *BEREGINYA.777. SOVA*. 2018;(3):143–150. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-anglosaksov-i-mirovaya-gegemoniya> (accessed 22.10.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
23. Degoev V. [Short Course in the History of British Russophobia]. *International Affairs*. 2022;(9):30–47. Available at: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/92022/files/assets/downloads/publication.pdf (accessed 22.10.2022). (In Russ.)
24. Kryzhko L.A., Pashkovsky P.I., Davydova E.I., Shipilin P.I. The British Russophobia in the First Half of the XIX Century: the Political Aspect. *Bylye Gody*. 2019;53(3):1078–1085. Available at: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1567090074.pdf (accessed 22.10.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
25. Napso M. Some Aspects of Russophobia Issues (Part I). *Transbaikal State University Journal*. 2022;28(8):57–62. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: AIUNKL

Submitted 21.11.2022; revised 28.12.2022; accepted 11.01.2023.

About the authors:

Evgeniy V. Kryzhko, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Archeology and World History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (4 Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9943-819X>, Researcher ID: Y-8613-2018, Scopus ID: 57195577771, jeyson1030@gmail.com

Petr I. Pashkovsky, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (4 Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>, Researcher ID: AAJ-9474-2020, Scopus ID: 57195581020, petr.pash@yandex.ru

Contribution of the authors:

E. V. Kryzhko – statement of the research problem; data analysis; preparation of the text of the article; formulation of research results and conclusions.

P. I. Pashkovsky – concept development and research initiation; methodological foundations of the study; collection and analysis of data; preparation of the text of the article; formulation of conclusions; critical analysis and revision of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 332.12(470+571)

doi: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.046-069

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Идентификация кластеров на территории России на основе синтеза функционального и пространственного подходов

Т. Ю. Кудрявцева

А. Е. Схведиани ✉

М. А. Родионова

В. В. Яковлева

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

✉ shvediani_ae@spbstu.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы заключается в необходимости методологии комплексной кластеризации регионов, а именно в определении отраслевого состава и географического расположения кластеров. Цель статьи – по результатам проведенного исследования апробировать разработанную методику идентификации кластеров на территории России на основе синтеза функционального и пространственного подходов.

Материалы и методы. Анализ межотраслевых связей в рамках функционального подхода заключался в применении метода максимума, позволяющего проследить цепочку потребления относительно главных поставщиков и главных потребителей между отраслями на основе российской таблицы «Затраты – Выпуск» 2016 г. Пространственный подход был реализован с помощью расчета коэффициентов локализации, определения z-оценок, а также с помощью анализа коэффициентов корреляции между коэффициентами локализации для установления региональных и межрегиональных связей.

Результаты исследования. Результаты статьи апробируют предложенные авторами методы для процесса кластеризации регионов. Полученные после применения методов результаты выявили локализацию кластера «Химическая промышленность» на территориях определенных регионов Российской Федерации и его существующую значимую функциональную и пространственную связь с кластерами «Строительство», «Производственное оборудование» и др. Причем было определено, что химическая промышленность имеет разные виды связей: как функциональную (с кластером «Металлургия»), так – пространственную: межрегиональную («Строительство»), региональную («Производственное оборудование» и др.). Таким образом, было доказано, что для выявления промышленных кластеров необходимо применение комплексного подхода.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты по кластеру «Химическая промышленность» подтверждают необходимость использования комплексной методологии региональной кластеризации, которая включает в себя синтез функционального и пространственного подходов, так как оба подхода по отдельности имеют свои ограничения, а функциональная связь не означает существование пространственной, и наоборот. Эти данные помогут комплексно

подойти к проблеме эффективности развития химической промышленности в России благодаря пониманию грамотного размещения предприятий и учету взаимосвязи с предприятиями различных отраслей. Материалы статьи могут быть полезны как для ученых, занимающихся проблемами регионального развития экономики, так и для государственных учреждений, в цели которых входят принятие управленческих решений в сфере развития промышленности.

Ключевые слова: идентификация кластеров, таблица «Затраты – Выпуск», коэффициент локализации, межотраслевые связи, кластерный алгоритм, кластерная структура территории

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10123).

Для цитирования: Идентификация кластеров на территории России на основе синтеза функционального и пространственного подходов / Т. Ю. Кудрявцева [и др.] // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 46–69. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.046-069>

Original article

Identification of Russian Clusters Based on the Synthesis of Functional and Spatial Approaches

T. Yu. Kudryavtseva, A. E. Skhvediani[✉], M. A. Rodionova, V. V. Iakovleva
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)
[✉] shvediani_ae@spbstu.ru

Abstract

Introduction. The study continues the approbation of the methodology of cluster identification, developed earlier by the authors and the study of regional industry specialization, within the framework of which the database “Clusters of Russian Regions” was developed. The relevance of the topic is the necessity of the methodology for complex clustering of regions in order to provide further recommendations for the development of industrial sectors. The purpose of the article is to develop and test the methodology for identifying clusters on the territory of Russia based on the synthesis of functional and spatial approaches.

Materials and Methods. The analysis of intersectoral relations within the framework of the functional approach consisted in the application of the maximum method, which allows to trace the chain of consumption relative to the main suppliers and main consumers between industries based on the Russian “Input – Output” table of 2016. The spatial approach was implemented by calculating location quotients, determining z-scores, correlation coefficients analysis between clusters’ location quotients to establish regional and interregional links.

Results. The results of the article have tested the methods proposed by the authors for the clustering process of regions. The results obtained after applying the methods revealed the localization of the cluster “Chemical Products” in the territories of certain regions of the Russian Federation and its existing significant functional and spatial relationship with the clusters: “Construction”, “Production Equipment” and others. Moreover, it has been determined that the chemical industry has different types of connections: both the functional connection (with the “Metallurgy” cluster) and the presence of spatial communication: interregional (“Construction”), regional (“Production equipment” and others). Therefore, it has been proved that an integrated approach is necessary to identify industrial clusters.

Discussion and Conclusion. Considerations of previous studies on regional clustering and our obtained results on the cluster “Chemical products” have confirmed the need to use the complex methodology of regional clustering, which includes the synthesis of functional and spatial approaches, since both approaches separately have their limitations: functional connection does not mean the existence of spatial (analysis of clusters “Chemical products” and “Metallurgy” interconnection) and vice versa. This result will help to comprehensively solve the problem of the chemical industry development in Russia, due to the understanding of the competent placement of enterprises and taking into account the relationship with enterprises of various industries. The materials of the article can be useful both for scientists dealing with the problems of regional economic development, and for governmental bodies whose goals include making managerial decisions in the field of industrial development.

Keywords: cluster identification, “Input – Output” table, location quotient, intersectoral links, cluster algorithm, cluster structure of the territory

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Acknowledgements. This research was funded by the Russian Science Foundation. Project No. 20-78-10123.

For citation: Kudryavtseva T.Yu., Skhvediani A.E., Rodionova M.A., Iakovleva V.V. Identification of Russian Clusters Based on the Synthesis of Functional and Spatial Approaches. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):46–69. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.046-069>

Введение. На современном этапе экономического развития можно заметить тенденцию, заключающуюся в объединении организаций в кластеры на основе коллаборации производственных, технологических, научно-исследовательских, инжиниринговых и образовательных агентов.

Основной эффект кластеризации прослеживается через географическую концентрацию экономических субъектов. Это позволяет более эффективно использовать ресурсы, обмениваться знаниями и технологиями, создавать продукт с высокой добавленной стоимостью и инновационной составляющей. Кластеры выполняют множество задач, способствующих увеличению инноваций в экономике, таких как консультационные услуги, поддержка в выявлении технологических проблем, обучение на разных уровнях и повышение квалификации сотрудников, инкубация стартапов [1].

По мнению ученых, одним из ключевых вопросов кластерного подхода является проблема идентификации – выделения относительно устойчивых производственных цепочек в пространстве [2; 3]. Для реализации данного подхода необходимо знание как взаимосвязи предприятий и отраслей в рамках производственных цепочек, так и их пространственного расположения на территории.

Цель статьи – идентификация кластера «Химическая промышленность» в России с учетом как пространственного расположения предприятий, так и функциональных связей между различными видами деятельности. Комплексный подход к определению кластера позволит наиболее точно определить список отраслей, которые должны располагаться вместе для эффективного взаимодействия и совместного развития химической промышленности в целом.

Обзор литературы. Анализируя научные взгляды отечественных и зарубежных экономистов, можно выделить три основных подхода к идентификации кластеров.

1. Кластеры, в основе выделения которых находится региональная специализация территории. В данном подходе используется метод фактора расположения. Еще А. Маршалл упоминал региональные кластеры как «промышленные районы»¹. Такие кластеры формируются на основе теоретических положений экономики локализации Маршалла. Основным критерием выделения кластера можно назвать региональный (территориальный) аспект².

2. Кластеры, идентифицируемые на основе анализа промежуточного потребления таблицы «Затраты – Выпуск». Анализ межотраслевых связей в таблице показывает, какие отрасли тесно связаны друг с другом. Благодаря данному анализу прослеживаются производственные цепочки создания стоимости, при

¹ Marshall A. *Principles of Economics* (Eighth Edition). London, 1890. 627 p.

² Яковлева В. В., Кудрявцева Т. Ю. Подходы к идентификации промышленных кластеров // Цифровая экономика, умные инновации и технологии : сб. тр. Национал. (Всеросс.) науч.-практ. конф. с зарубежным участием. СПб. : Политех-Пресс, 2021. С. 318–321.

этом участники кластера принадлежат разным отраслям³. «Формы» цепочек добавленной стоимости – это заранее определенные наборы взаимосвязанных секторов, которые были установлены на основе существующих межотраслевых отношений, независимо от географического масштаба [4]. Таблицы «Затраты – Выпуск» позволяют анализировать вертикально интегрированные кластеры, где прослеживаются связи между «покупателем» и «продавцом» [5]. Таким образом, во втором подходе основной критерий выделения – отраслевой.

Один из недостатков этого подхода заключается в том, что он практически всегда не имеет региональной направленности. В этом случае не учитывается пространственный фактор для определения кластеров⁴. Преимуществом является то, что он поддается графическому представлению, облегчая интуитивное понимание связей между отраслями [6].

3. Кластеры, которые выделяет М. Портер в рамках теории конкурентных преимуществ стран вокруг «торгуемых» отраслей, экспортирующих значительную часть своей продукции и являющихся конкурентноспособными на мировом рынке⁵ [7]. Для них присущи следующие признаки: внутренний эффект масштаба, экономика локализации и урбанизации, технологические инновации и др. В этом подходе можно обозначить использование как регионального критерия, так и отраслевого.

Подход, предложенный М. Портером, был реализован Е. Куценко и Я. Ефериным, исследовавшими кластерную структуру регионов России по уровню специализации и концентрации [8].

В рамках третьего подхода авторами были изучены кластеры на территории России на основе данных о занятости по видам деятельности и регионам [9; 10] с использованием разработанного программного продукта – базы данных «Кластеры регионов России» (свидетельство государственной РИД № 2017620569 от 29 мая 2017 г.). Однако недостатком данного исследования является отсутствие учета межотраслевых связей, присущих экономике России. Таблицы «Затраты – Выпуск», используемые во втором подходе, помогут устранить ограничения разработанного программного продукта.

Матрица ««Затраты – Выпуск» – межотраслевой баланс» формирует целостное представление экономики, показывая, как взаимосвязаны ее части. В то же время данные таблицы используют для экономических прогнозов и построения национальных счетов. В СССР межотраслевой баланс применялся в качестве инструмента директивного планирования. В настоящее время в российской практике данные таблиц «Затраты – Выпуск» используются для оценки мультипликативных эффектов прироста выпуска в различных секторах экономики [11], для построения макроструктурных моделей развития экономики, обоснования решений в области экономической политики [12], для анализа и построения прогнозов разных показателей функционирования российской экономики [13] и для других целей. Многорегиональная таблица «Затраты – Выпуск» применялась

³ Isard W., Schooler E. W., Victorisz T. Industrial Complex Analysis and Regional Development: A Case Study of Refinery-Petrochemical-Synthetic-Fiber Complexes and Puerto Rico. Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology, 1959. Vol. 3.

⁴ Latham III W. R. Needless Complexity in the Identification of Industrial Complexes // Journal of Regional Science. 1976. Vol. 16, no. 1. Pp. 45–56.

⁵ Портер М. Конкуренция : пер. с англ. М. : Вильямс, 2001. 495 с.

для анализа структуры добавленной стоимости двустороннего экспорта между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы [14].

Анализ межотраслевых потоков по данным таблиц «Затраты – Выпуск» использовался для выявления кластеров отраслей с высоким уровнем выброса углерода в Японии [15], для идентификации кластеров в немецких отраслях, в которых интенсивно проводятся исследования и разработки [16], для поиска промышленных кластеров в районе Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй в Китае [17]. Анализ таблиц «Затраты – Выпуск» проводился в исследовании тайских ученых для определения состава тайского каучукового кластера [18].

К исследованию прямых связей в цепочке создания стоимости относится метод максимума, заключающийся в поиске отраслей с самыми сильными связями. Данный кластерный анализ основан на ранних методах Монфора и нашел широкое применение для идентификации кластеров [19]. Монфор анализировал значительные промежуточные поставки и разделял производственные каналы на восходящие, центральные и нижние части⁶. Подход Монфора был адаптирован Ролэндтом, определившим кластерную структуру в Нидерландах⁷, и Хаукнесом, изучавшим кластеры в Норвегии⁸.

Метод максимума применялся для идентификации кластеров в провинции Хэнань в Китае [20], во Фландрии и Швейцарии⁹. Х. Вербеек с помощью данного метода исследовал кластерную структуру таких стран, как Бельгия, Дания, Финляндия, Нидерланды и Испания¹⁰.

В российской практике данный метод был апробирован Л. С. Марковым и В. М. Марковой на основе оценочного народохозяйственного межотраслевого баланса за 2007 г., содержащего информацию о 40 видах экономической деятельности [3].

Идентификация кластеров методом максимума с помощью таблицы «Затраты – Выпуск» России за 2016 г., содержащей информацию о 98 отраслях, позволит расширить ранее проведенное авторами исследование [2; 9; 10] и дополнить анализ кластерной структуры регионов России отраслевым анализом взаимосвязей производственных цепочек.

Материалы и методы. На рисунке 1 представлен авторский алгоритм идентификации кластеров, сочетающий функциональный подход на основе анализа таблицы «Затраты – Выпуск» за 2016 г. и пространственный подход на основе экономики локализации.

Первый этап исследования заключался в применении функционального подхода, основанного на методе максимума.

Методическим приемом подхода, основанного на анализе межотраслевых цепочек промежуточного потребления таблицы «Затраты – Выпуск», является поиск отраслей, связанных сильнее установленного уровня. В случае обнаружения сильной межотраслевой связанности отрасли объединяются в кластеры.

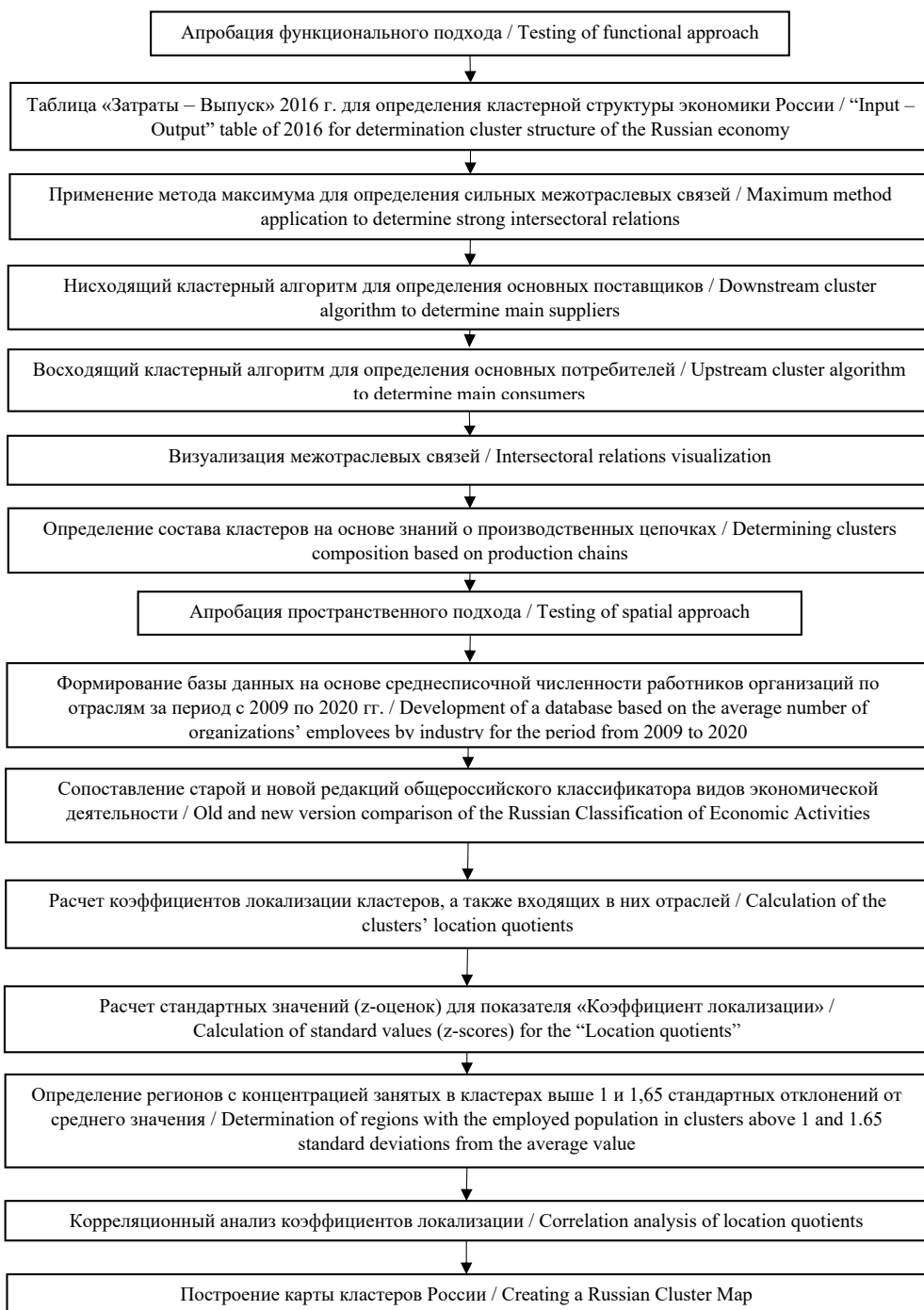
⁶ Monfort J.-A. A la recherche des filières de production // *Economie et Statistique*. 1983. Vol. 151, no. 1. Pp. 3–12.

⁷ Roelandt T. J. A. Vervlechtingconglomeraten & Sectorstructuurbeleid. Erasmus Universiteit, Faculteit der Economische Wetenschappen, Vakgroep Economische Orde, Economische Organisatievormen en Institutionele Economie, 1986.

⁸ Hauknes J. Norwegian Input-Output Clusters and Innovation Patterns / *Boost. Innov. Clust. approach*. 1999. Pp. 61–90.

⁹ Lindqvist G. Disentangling Clusters Agglomeration and Proximity Effects. Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy, Ph.D / Stockholm School of Economics. 2009. 308 p.

¹⁰ Verbeek H. Innovative Clusters: Identification of Value-Adding Production Chains and their Networks of Innovation, an International Studies. Rotterdam, 1999.

Р и с. 1. Алгоритм идентификации кластеров¹¹
 F i g. 1. Cluster identification algorithm

¹¹Здесь и далее в статье все рисунки и таблицы составлены авторами.

Для определения производственных цепочек с добавленной стоимостью необходимо проанализировать промежуточное потребление в таблице «Затраты – Выпуск». Таблица промежуточного потребления включает в себя все промежуточные поставки, произведенные отраслями для потребления другими отраслями в целях создания собственной продукции. Идея кластерного анализа заключается в том, чтобы выявить сильные модели межотраслевого взаимодействия в этих таблицах. Дальнейшее объединение этих моделей потребления дает группы отраслей, которые имеют тесные связи друг с другом. Эти группы отраслей называются производственными цепочками с добавленной стоимостью или кластерами, составленными на основе функционального подхода.

Промежуточное потребление является частью таблицы «Затраты – Выпуск» и представляет собой матрицу размера $n \times n$, означающего, что количество строк равно количеству столбцов, а также то, что все отраслевые группы являются как поставщиками, так и потребителями в этой таблице.

Существуют два кластерных алгоритма: алгоритм для нисходящего анализа (downstream) и для восходящего анализа (upstream). Нисходящая часть связана с поиском кластерных связей на основе промежуточных поставок, осуществляемых поставщиком пользователю, в то время как восходящий анализ посвящен поставкам, осуществляемым пользователю поставщиком. Нисходящая кластерная связь устанавливается, когда поставка сделана конкретным поставщиком своему основному потребителю, представляет собой относительную величину, превышающую установленное пороговое значение. Восходящая кластерная связь устанавливается, когда поставка осуществляется конкретному потребителю от своего основного поставщика, представляет относительную величину, превышающую установленное пороговое значение¹².

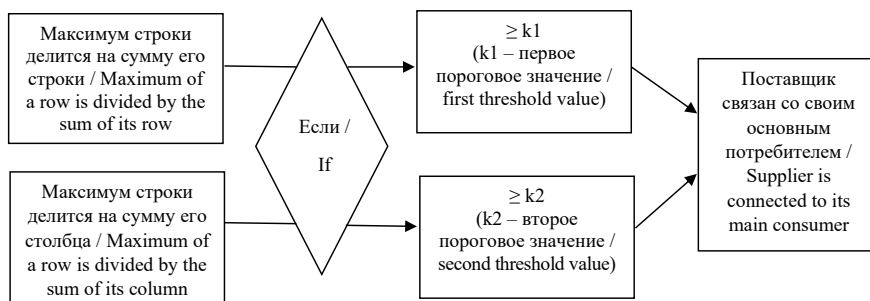
Ниже представлены нисходящий и восходящий кластерные алгоритмы (рис. 2, 3), которые были описаны в работе голландского ученого Х. Вербека¹³. Отличительная особенность нашего исследования от работы Х. Вербека заключается в том, что диагональ матрицы не обнулялась, т. е. не исключалось промежуточное потребление отраслей своей же продукции. Однако при поиске восходящих и нисходящих связей такие связи не учитывались.

Кластерные циклические алгоритмы производятся для каждой строки и столбца до тех пор, пока выполняются условия.

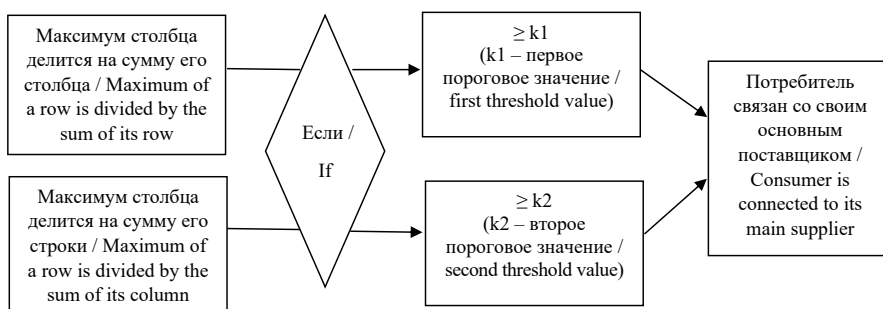
Выбор пороговых значений k_1 и k_2 является отдельной исследовательской задачей. Первое пороговое значение необходимо для исключения связей между отраслевыми группами, где относительная важность поставки относительно велика только для одной из двух отраслей, но относительно мала для другой. Второе пороговое значение существенно ниже первого, так как только первое используется для проверки максимумов.

¹²Peeters L., Tiri M., Berwert A. Techno-Economic Clusters in Flanders and Switzerland: An Input-Output-Analysis / Center for Science and Technology Studies. CEST. 2001. Vol. 9; Verbeek H. Innovative Clusters...; Luo S., Yan J. Analysis of Regional Industrial Clusters' Competitiveness Based on Identification // 2009 International Conference on Electronic Commerce and Business Intelligence. IEEE, 2009. Pp. 471–474.

¹³Verbeek H. Innovative Clusters...

Р и с. 2. Нисходящий кластерный алгоритм
F i g. 2. Downstream cluster algorithm

Р и с. 3. Восходящий кластерный алгоритм
F i g. 3. Upstream cluster algorithm

В нашем исследовании значения пороговых коэффициентов были рассчитаны статистически, путем нахождения значений 99 и 95 перцентилей всех ранжированных значений промежуточного потребления таблицы «Затраты – Выпуск». Первое пороговое значение составило 20 %, второе – 5 %.

Далее были визуализированы нисходящие и восходящие связи отраслей, позволяющие определить состав кластеров.

Следующим этапом исследования является апробация пространственного подхода.

Для проведения анализа рассчитывался коэффициент локализации по показателю занятости, который является широко используемым индикатором для определения регионов концентрации отдельных отраслей и кластеров. С помощью программного продукта Stata были рассчитаны коэффициенты локализации по данным о среднесписочной численности занятых по исследуемым отраслям, полученным на официальном сайте Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)¹⁴.

Используемые данные содержат информацию о занятости населения по отраслям всех регионов России с 2009 по 2020 г. Авторами были сопоставлены старая редакция общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) и новая (ОКВЭД 2), по которой систематизируются данные с 2017 г.

¹⁴ Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 26.10.2022).

Коэффициент локализации рассчитывается по формуле¹⁵:

$$LQ = \frac{\frac{Emp_{ig}}{Emp_g}}{\frac{Emp_i}{Emp}}, \quad (1)$$

где Emp_{ig} – количество занятых в кластерной группе i в регионе g ; Emp_g – общее количество занятых в регионе g ; Emp_i – количество занятых в кластерной группе i ; Emp – общее количество занятых.

Коэффициент локализации демонстрирует, во сколько раз доля занятых в кластере региона больше средней занятости в кластере по стране. Если коэффициент локализации выше установленного уровня, это говорит о том, что данный кластер локализуется в регионе. Среди исследователей нет единого мнения, насколько высоким должно быть значение коэффициента локализации, чтобы можно было утверждать о наличии кластера на выбранной территории.

Так, по мнению М. Портера, значение коэффициента должно быть выше 1 [7], по мнению Министерства торговли США – 1,3¹⁶. П. Миллер использовал пороговое значение 1,25 для определения кластеров в ряде отраслей промышленности Великобритании¹⁷; Е. Бергман и Е. Фезер считали, что о наличии кластеризации свидетельствует коэффициент локализации выше 1,25 [4]. Г. Линдквист из Европейской кластерной обсерватории предлагает использовать пороговое значение для показателя больше 2¹⁸.

Отечественные исследователи Т. Ю. Кудрявцева и А. Е. Схведиани при идентификации кластеров принимали пороговое значение на уровне 1,3 [12], К. В. Павлов, С. Н. Растворцева и Н. А. Череповская – на уровне 1 [21].

Д. Одонохью и Б. Глив предложили использовать стандартизированные значения коэффициента локализации для идентификации кластеров [22]. По их мнению, кластеры располагаются в тех регионах, в которых значение коэффициента локализации статистически значимо. Предлагаемая мера основана на агрегировании данных и определении тех регионов, в которых наблюдается исключительная концентрация активности, представленная статистически значимыми остатками (выбросами) на уровне достоверности 5 %.

Предлагаемый Д. Одонохью и Б. Глив алгоритм определения стандартизированных значений коэффициента локализации включает 3 этапа:

- 1) расчет коэффициента локализации по всем заданным территориям;
- 2) проверка на нормальность распределения полученных значений при 5-процентном уровне значимости. В случае ненормального распределения рекомендуется значения логарифмировать;
- 3) преобразование коэффициентов локализации (или логарифмированных значений коэффициентов локализации) в z-оценки. Затем необходимо определить

¹⁵ Баулина О. А., Ключин В. В. Теоретико-методические основы формирования кластера в регионе : моногр. Волгоград : Волгоград. гос. архитектур.-строит. ун-т , 2014. 200 с.

¹⁶ Commerce U.S.D. of Cluster mapping by U.S. Department of Commerce [Электронный ресурс]. URL: <http://www.clustermapping.us> (дата обращения: 02.07.2022).

¹⁷ Business Clusters in the UK: A First Assessment / P. Miller [et al.]. London : Department of Trade and Industry, 2001.

¹⁸ Lindqvist G. Disentangling Clusters Agglomeration and Proximity Effects.

регионы, имеющие исключительную концентрацию активности, изучив остаточные значения, лежащие за пределами 1,96 стандартных отклонений от среднего значения.

Такое пороговое значение не является произвольным. Данное отсечение представляет собой 5-процентный уровень статистической значимости, используемый многими исследователями в области социальных наук. С другой стороны, из-за асимметричного характера распределения коэффициентов локализации может быть более подходящим односторонний подход. В этом случае местоположения со значениями z -оценок более 1,65 следует рассматривать как территории, где расположены кластеры.

Стандартные значения (z -оценки) демонстрируют, на сколько стандартных отклонений выше или ниже значение показателя от среднего значения, и рассчитываются по формуле:

$$Z = \frac{X - \mu}{\delta}, \quad (2)$$

где X – значение показателя; μ – среднее значение; δ – стандартное отклонение; Z – стандартная оценка.

Ввиду неравномерного распределения видов деятельности в российской экономике в данной работе использовалось пороговое значение для коэффициента локализации на отметке 1 стандартного отклонения от среднего значения для локализованных кластеров и 1,65 стандартного отклонения от среднего для сильно локализованных кластеров. Выбор первого порогового значения на отметке 1 стандартного отклонения связан с соответствием 85 перцентилю, который означает, что 15 % значений выборки лежат выше 1 стандартного отклонения от среднего. Второе пороговое значение, равное 1,65, соответствует 95 перцентилю, т. е. 5 % самых сконцентрированных кластеров лежат выше 1,65 стандартных отклонений от среднего. Такой подход схож с методикой, используемой с 2014 г. Европейской кластерной обсерваторией, по которой необходимые значения коэффициентов локализации лежат выше 80 перцентиля¹⁹, а также методикой М. Портера, при которой размер и фокус кластера определяются значениями коэффициентов локализации, лежащих выше 90 перцентиля.

Таким образом, у каждого кластера возникает индивидуальное пороговое значение. Для определения пороговых значений для отраслей, входящих в кластер, были использованы пороговые значения кластеров, в состав которых входят анализируемые отрасли.

Для выявления пространственной связи между различными кластерами проводится корреляционный анализ коэффициентов локализации кластеров. В результате корреляционная матрица показывает, размещены ли кластеры в одних регионах (положительный коэффициент корреляции больше 0,5), в разных, но при этом имеют межрегиональную взаимосвязь (отрицательный коэффициент корреляции больше 0,5) или не имеют значимой пространственной связи (коэффициент корреляции меньше 0,5). Так как по шкале Чеддока корреляция является заметной с 0,5, то это значение рассматривается как пороговое в анализе пространственной связи между кластерами.

¹⁹ Там же.

Результаты исследования. Проведение кластерных алгоритмов основывалось на данных таблицы «Затраты – Выпуск» России за 2016 г., представленной на сайте Федеральной службы государственной статистики²⁰.

Родственные отрасли образуют кластер. Данный признак («родственность») присваивается отраслям при помощи анализа таблицы «Затраты – Выпуск» и знаний формирования производственно-технологических цепочек.

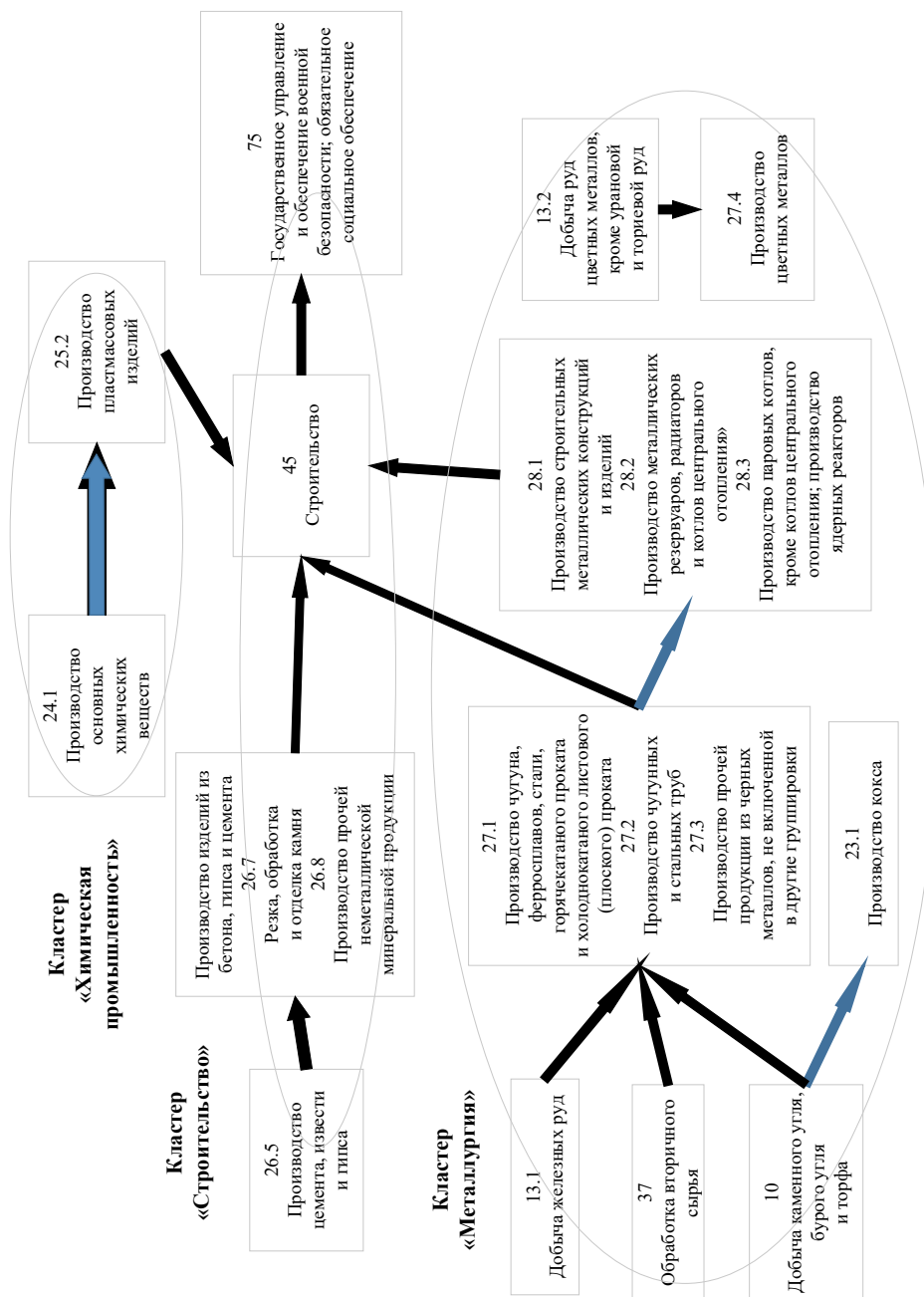
В данной статье представлена апробация предложенного алгоритма на примере отраслей, связанных с химической промышленностью.

Анализируя нисходящие и восходящие связи полученных графов (рис. 4), можно сказать, что «Добыча каменного угля, бурого угля и торфа» (10) – главный поставщик для отрасли «Производство кокса» (23.1). Для отраслей «Производство строительных металлических конструкций и изделий» (28.1), «Производство металлических резервуаров, радиаторов и котлов центрального отопления» (28.2), «Производство паровых котлов, кроме котлов центрального отопления; производство ядерных реакторов» (28.3) главным поставщиком материалов является группа отраслей «Производство чугуна, ферросплавов, стали, горячекатаного проката и холоднокатаного листового (плоского) проката» (27.1), «Производство чугунных и стальных труб» (27.2), «Производство прочей продукции из черных металлов, не включенной в другие группировки» (27.3). Отрасль «Производство цветных металлов» (27.4) является главным потребителем отрасли «Добыча руд цветных металлов, кроме урановой и ториевой руд» (13.2). Вышеперечисленную группу отраслей можно отнести к кластеру «Металлургия» (рис. 4).

Далее в цепочке взаимосвязи идет отрасль «Строительство» (45), которая является главным потребителем следующих групп отраслей: «Производство пластмассовых изделий» (25.2), «Производство изделий из бетона, гипса и цемента» (26.6), «Резка, обработка и отделка камня» (26.7), «Производство прочей неметаллической минеральной продукции» (26.8), «Производство чугуна, ферросплавов, стали, горячекатаного проката и холоднокатаного листового (плоского) проката» (27.1), «Производство чугунных и стальных труб» (27.2), «Производство прочей продукции из черных металлов, не включенной в другие группировки» (27.3), «Производство строительных металлических конструкций и изделий» (28.1), «Производство металлических резервуаров, радиаторов и котлов центрального отопления» (28.2), «Производство паровых котлов, кроме котлов центрального отопления; производство ядерных реакторов» (28.3).

Главным потребителем отрасли «Производство цемента, извести и гипса» (26.5) является отрасль «Производство изделий из бетона, гипса и цемента» (26.6), «Резка, обработка и отделка камня» (26.7), «Производство прочей неметаллической минеральной продукции» (26.8). Замыкает цепочку взаимосвязи отрасль «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение» (75), которая является главным потребителем отрасли «Строительство» (45). Выявленные восходящие и нисходящие связи между отраслями говорят о наличии кластера «Строительство» (рис. 4).

²⁰ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 26.10.2022).

Р и с. 4. Связи отраслей в кластерах «Металлургия», «Строительство» и «Химическая промышленность» (черная стрелка – нисходящие связи, синяя – восходящие)

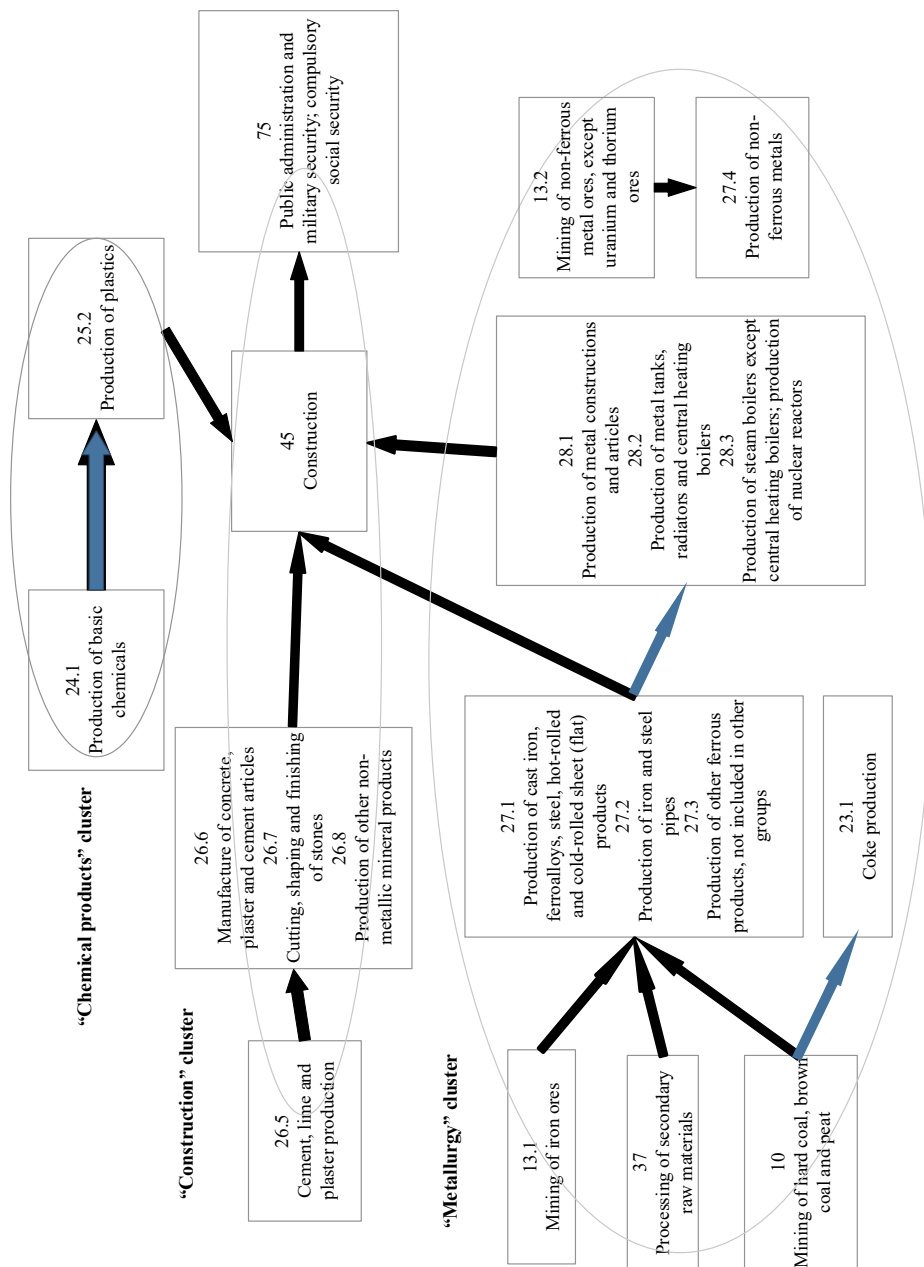

Fig. 4. Connection of industries in "Metallurgy", "Construction" and "Chemical products" clusters (black arrows – downlinks, blue arrows – uplinks)

«Производство пластмассовых изделий» (25.2) является главным потребителем отрасли «Производство основных химических веществ» (24.1). В свою очередь, отрасль «Производство основных химических веществ» (24.1) – главный поставщик сырья для отрасли «Производство пластмассовых изделий» (25.2). Сильная связь между отраслями позволяет сделать вывод о существовании кластера «Химическая промышленность». Таким образом, данная цепочка взаимодействия отраслей объединяет следующие кластеры: «Металлургия», «Строительство», «Химическая промышленность» (рис. 4).

В ходе реализации пространственного подхода были рассчитаны коэффициенты локализации с 2009 по 2020 г. по каждому из 85 регионов России. Для определения порогового значения для показателя «коэффициент локализации» мы опирались на методику Д. Одонохью и Б. Глив. С помощью программного продукта Stata были проведены тесты на нормальность распределения значений. Результаты тестов Шапиро – Уилка и iqr-теста показали, что значения распределены ненормально, существуют мягкие и жесткие выбросы. С целью приближения значений коэффициентов к виду нормальной кривой было принято решение прологарифмировать значения.

Используя команды *histogram* и *qnorm*, были построены графики нормального распределения, в которых были сопоставлены наблюдаемые значения с ожидаемыми при нормальном распределении. На рисунке 5 представлены результаты изменения распределения после преобразования значений кластера «Химическая промышленность».

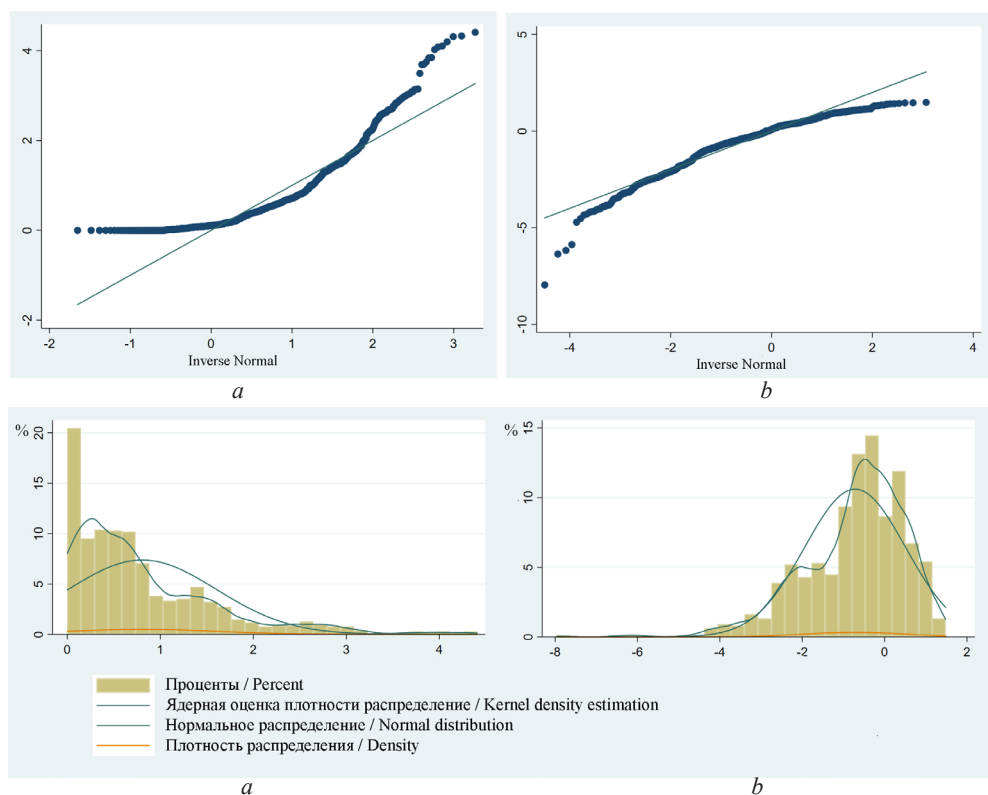
После логарифмирования значения коэффициентов локализации кластеров стали ближе к нормальному распределению, но тесты на нормальность распределения не были пройдены. Затем с помощью команды *zscore* были рассчитаны стандартные значения по кластеру. Далее определены значения коэффициентов локализации, в которых концентрация кластера равна 1 и 1,65 стандартных отклонений, что составило 1,46 и 2,05 соответственно.

В результате применения описанного выше метода была вычислена пространственная локализация кластера «Химическая промышленность» и отраслей, входящих в кластер, в 2020 г. (табл. 1).

Кластер «Химическая промышленность» располагался в 12 регионах, в Пермском крае кластер был сильно локализован. Обе отрасли, входящие в кластер, представлены в Тульской и Самарской областях. В Смоленской области расположена только отрасль «Производство изделий из пластмасс» (22.2). В остальных регионах локализуется только отрасль «Производство основных химических веществ, удобрений и азотных соединений, пластмасс и синтетического каучука в первичных формах» (20.1).

Кластер «Химическая промышленность» на протяжении всех лет с 2016 по 2020 г. располагался в 10 регионах (табл. 2). Последние годы данный кластер стал локализоваться в Челябинской области, с 2020 г. кластер представлен в Забайкальском крае.

Далее пространственный анализ кластера «Химическая промышленность» осуществляется с помощью расчета коэффициентов корреляции между логарифмированным коэффициентом локализации кластера «Химическая промышленность» и остальными выделенными авторами кластерами на территории Российской Федерации (рис. 6). Анализ проводится с помощью языка программирования Python.

Р и с. 5. Распределение значений коэффициентов локализации кластера «Химическая промышленность» до и после логарифмирования:

а) коэффициент локализации кластера «Химическая промышленность»; б) логарифмированный коэффициент локализации кластера «Химическая промышленность»

Fig. 5. Distribution of “Chemical products” location quotient before and after taking logarithm:

а) location quotient of the cluster “Chemical industry”; б) logarithm coefficient of localization of the cluster “Chemical industry”

Таблица 1. Коэффициенты локализации кластера «Химическая промышленность» и отраслей, входящих в кластер, в 2020 г.

Table 1. Location quotient of “Chemical products” cluster and the industries included in the cluster in 2020

Регионы / Regions	Кластер / Cluster	Отрасль 20.1 / Industry 20.1	Отрасль 22.2 / Industry 22.2
Пермский край / Perm Territory	4,41	7,14	1,02
Новгородская область / Novgorod Region	3,09	4,54	1,27
Смоленская область / Smolensk Region	3,02	1,57	4,83
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	2,70	3,79	1,34
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	2,61	3,61	1,37
Тульская область / Tula Region	2,56	3,10	1,90
Самарская область / Samara Region	2,19	2,60	1,69
Республика Крым / Republic of Crimea	1,85	2,89	0,55
Кировская область / Kirov Region	1,76	2,29	1,10
Забайкальский край / Trans-Baikal Territory	1,69	2,97	0,10
Волгоградская область / Volgograd Region	1,69	2,48	0,72
Челябинская область / Chelyabinsk Region	1,66	2,22	0,97

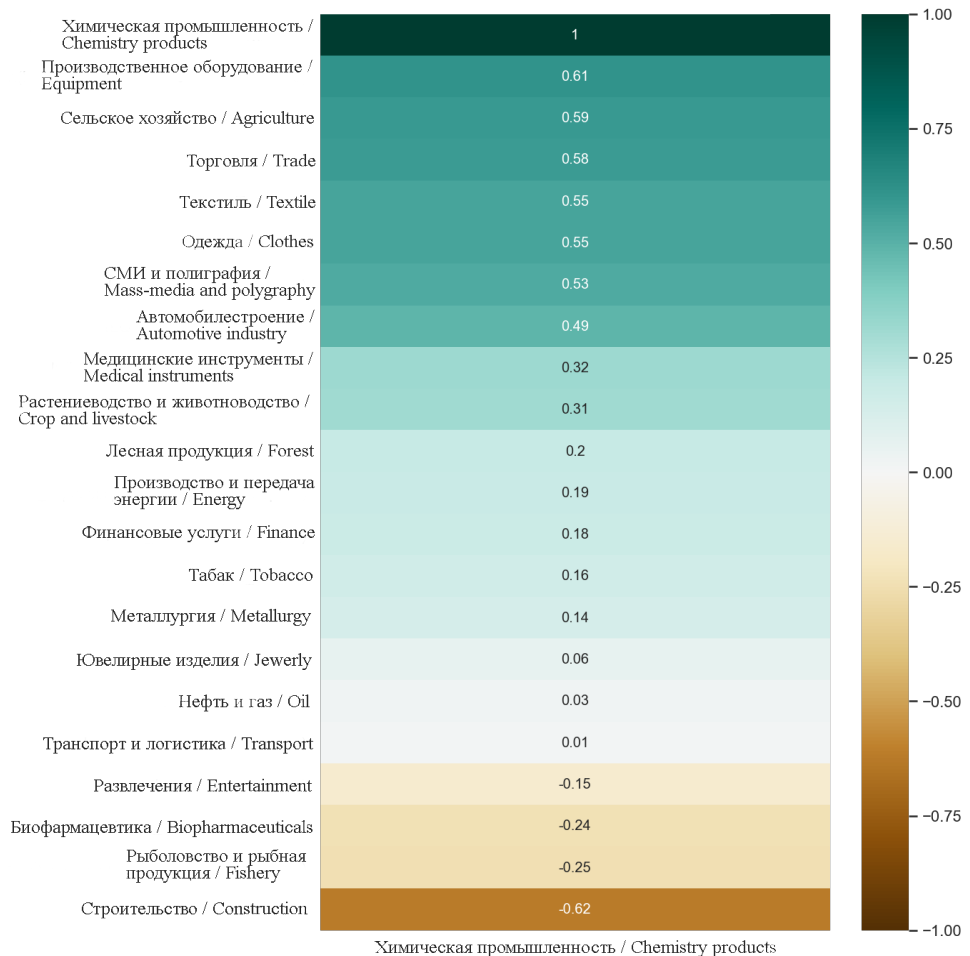
Примечание / Note. Здесь и далее в таблицах светло-зеленой заливкой обозначено отсутствие локализации кластера в регионе, зеленой – локализация, ярко-зеленой – сильная локализация / Light green shading indicates the absence of localization of the cluster in the region, green – localization, bright green – strong localization.

Таблица 2. Коэффициенты локализации кластера «Химическая промышленность», 2016–2020 гг.
Table 2. Location quotient of “Chemical Products” cluster, 2016–2020

Регионы / Regions	2016	2017	2018	2019	2020
Пермский край / Perm Territory	4,19	3,70	4,10	4,32	4,41
Новгородская область / Novgorod Region	2,31	2,84	3,14	3,03	3,09
Смоленская область / Smolensk Region	2,84	3,49	3,08	3,05	3,02
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	2,77	2,92	2,68	2,65	2,70
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	2,62	2,35	2,63	2,61	2,61
Тульская область / Tula Region	2,86	2,80	2,71	2,56	2,56
Самарская область / Samara Region	2,17	2,47	2,20	2,13	2,19
Республика Крым / Republic of Crimea	2,37	2,21	1,95	1,84	1,85
Кировская область / Kirov Region	1,73	2,22	1,88	1,76	1,76
Забайкальский край / Trans-Baikal Territory	0,08	0,06	0,05	1,57	1,69
Волгоградская область / Volgograd Region	1,73	2,23	1,69	1,73	1,69
Челябинская область / Chelyabinsk Region	0,63	1,81	1,70	1,64	1,66

Р и с. 6. Корреляция «Химической промышленности» с другими кластерами
F i g. 6. Correlation of “Chemical products” location quotient with other clusters

Таким образом, если рассматривать полученный результат корреляционного анализа по шкале Чеддока, то со значения коэффициента корреляции, равного 0,5, корреляция считается заметной. В таком случае можно говорить о том, что кластер «Химическая промышленность» связан и локализован в одних регионах с такими кластерами, как «Производственное оборудование» (0,61), «Сельское хозяйство» (0,59), «Торговля» (0,58), «Текстиль» (0,55), «Одежда» (0,55), «СМИ и полиграфия» (0,53), «Автомобилестроение» (0,49). Также для визуализации результатов представлены графики рассеивания логарифмированных коэффициентов локализации данных кластеров с «Химической промышленностью» (рис. 7).

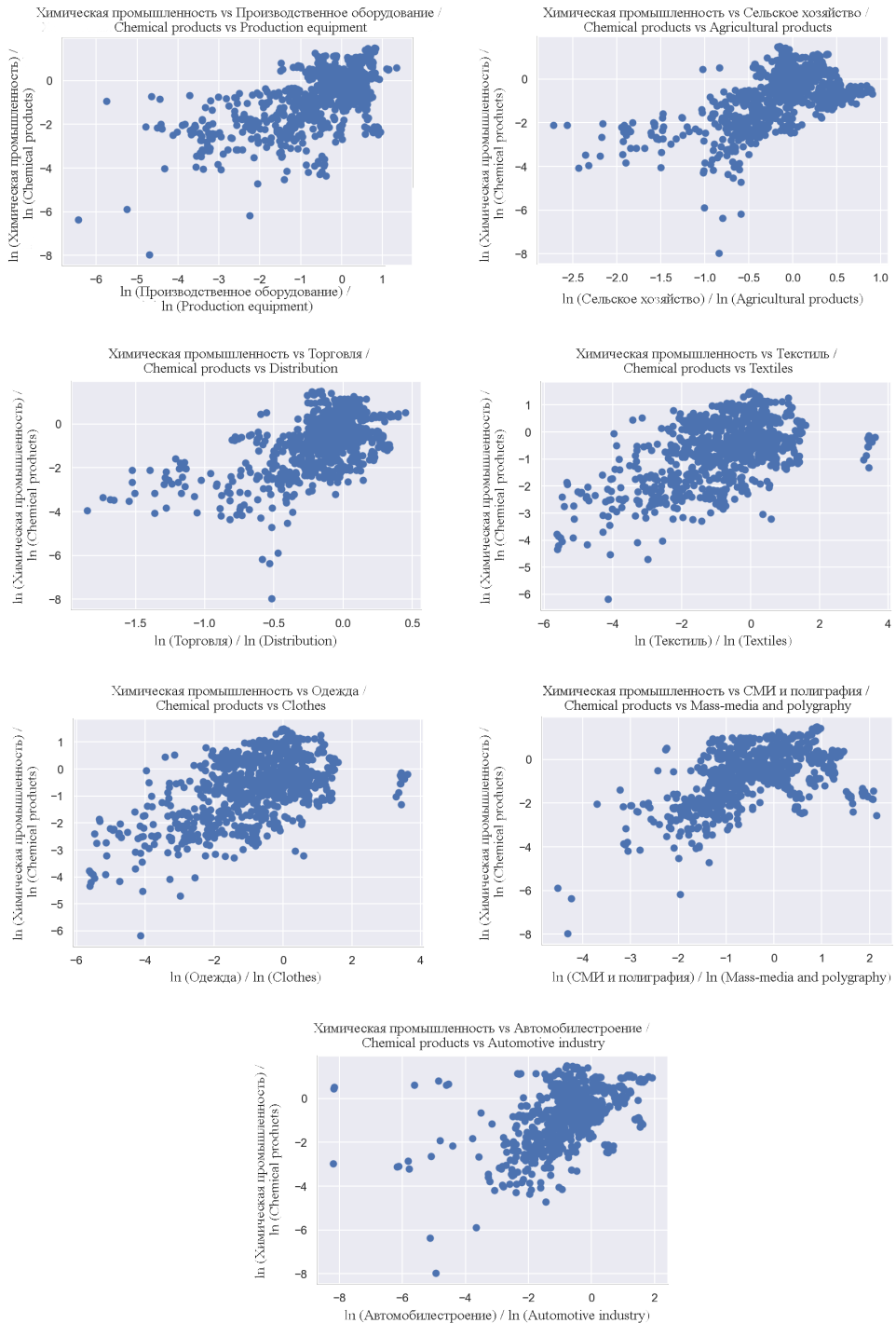
Полученные результаты существующей заметной связи производства пластика с кластерами «Одежда», «Автомобилестроение», «Полиграфия» также подтверждаются картой кластеров США²¹. Однако стоит заметить, что функциональный анализ кластера «Химическая промышленность» показал связь с такими кластерами, как «Металлургия» и «Строительство» (рис. 4). Пространственный анализ также показал заметную связь кластера «Химическая промышленность» с кластером «Строительство», но локализованы данные кластеры в разных регионах, так как коэффициент корреляции отрицательный, но выше 0,5, а именно -0,62, в таком случае между кластерами существует межрегиональная связь. С кластером «Металлургия» связь слабая и составляет 0,14, хотя карта кластеров США отмечает сильную связь производства пластика и металлообрабатывающей индустрии²². Графики рассеивания приведены ниже (рис. 8).

Аналогичные аналитические расчеты в соответствии с предложенным алгоритмом были проведены для всех видов деятельности, представленных в матрице «Затраты – Выпуск» и в результате определены составы и регионы локализации следующих 22 кластеров на территории России: «Растениеводство и животноводство», «Сельскохозяйственная продукция», «Металлургия», «Строительство», «Химическая промышленность», «Торговля», «Нефть и газ», «Транспорт и логистика», «Производство и передача энергии», «Одежда», «Текстиль», «Табак», «Биофармацевтика», «Медицинские инструменты», «Лесная продукция», «Рыболовство и рыбная продукция», «Автомобилестроение», «Ювелирные изделия», «СМИ и полиграфия», «Производственное оборудование», «Финансовые услуги», «Развлечения».

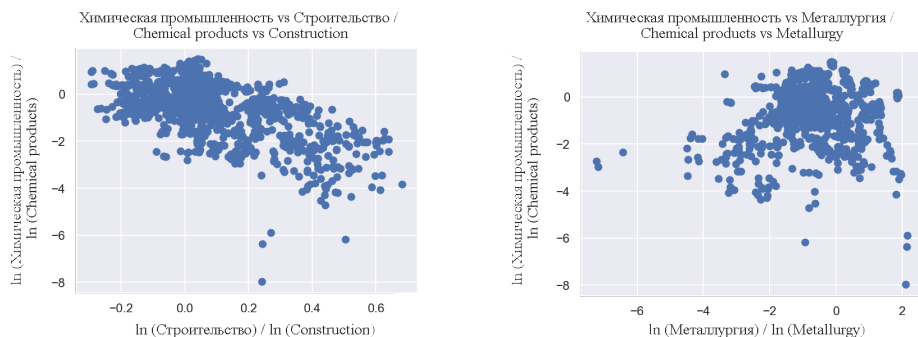
Обсуждение и заключение. Л. С. Марков и В. М. Маркова для поиска кластеров в России использовали функциональный и пространственный подходы. Анализируя межотраслевой баланс за 2007 г., они выделили 5 межотраслевых и 3 одноотраслевых кластера, при этом ими были исключены из рассмотрения отрасли производства нематериальных услуг, которые связаны с торговлей и государственным управлением, из транспорта рассматривался только трубопроводный. Таким образом, все 28 отраслей промышленности были включены в кластеры. Такие результаты свидетельствуют о том, что вся экономика сгруппирована в один большой национальный кластер [3]. Такой эффект мог возникнуть вследствие низкого порогового значения и отсутствия второго порогового коэффициента при расчете связей между отраслями. В данном исследовании подход Марковых был дополнен анализом статистически обоснованных пороговых значений нисходящих поставок, осуществляемых поставщиком потребителю, и восходящих поставок, осуществляемых потребителю поставщиком.

²¹ Commerce U.S.D. of Cluster mapping by U.S. Department of Commerce.

²² Там же.

Р и с. 7. Графики рассеивания кластера «Химическая промышленность» со связанными кластерами
 Fig. 7. Scatter plots of “Chemical products” with its related clusters

Р и с. 8. Графики рассеивания кластеров «Химическая промышленность» со «Строительством» и «Металлургией»

F i g. 8. Scatter plots of “Chemical products” with “Construction” and “Metallurgy”

Е. Куценко и Я. Ефферин определили 41 кластерную группу, соотнеся каждую к одной из категорий: традиционная промышленность, традиционные услуги, высокотехнологичная промышленность, креативные индустрии и интеллектуальные услуги [8]. Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о наличии кластеров из категорий «традиционная промышленность», «традиционные услуги», «креативные индустрии» и нескольких кластеров из категорий «высокотехнологичная промышленность» и «интеллектуальные услуги».

Х. Вербеком был проведен кластерный анализ по 5 странам: Бельгия, Дания, Финляндия, Нидерланды и Испания²³. В каждой стране автором выделены 5–8 кластеров, включающих в себя подкластеры. В выявленных восходящих и нисходящих межотраслевых связях чаще прослеживались полные цепочки создания стоимости. Можно предположить, что на момент исследования в Европе в большей степени производство было локализовано внутри стран. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в различных отраслях экономики Российской Федерации не наблюдаются полные производственные цепочки из-за большой составляющей части импорта, что приводит к сдерживанию развития кластеров.

Ограничением пространственного исследования идентификации кластеров является слабая дробность отраслей в таблице «Затраты – Выпуск» 2016 г. Методология М. Портера, ставшая классической в исследовании кластерной структуры, основывается на анализе 4-значного американского отраслевого классификатора SIC, в то время как в анализируемой отечественной таблице отрасли детализированы на уровне 2–3 знаков, что не позволяет определить более специализированные производственные цепочки, что является важным в современных условиях развития сквозных технологий. Так, в результате исследования кластер «Информационные технологии» не был идентифицирован по матрице «Затраты – Выпуск» 2016 г.

Таким образом, как у функционального, так и у пространственного подходов кластеризации есть свои ограничения. Функциональный подход учитывает производственные цепочки, но не пространственный потенциал и локализацию

²³ Verbeek H. Innovative Clusters...

отраслевых кластеров, в то время как пространственный подход не учитывает производственные цепочки между отраслями промышленности. В связи с этим авторами предложена комплексная методология кластеризации регионов, объединяющая в себе как функциональный, так и пространственный подходы, и апробирована на примере химической промышленности. Анализ кластера «Химическая промышленность» выявил, что кластер, показывая функциональную связь с одними кластерами («Металлургия» и «Строительство»), может не иметь с ними пространственной связи (незначимый показатель корреляции с коэффициентом локализации кластера «Металлургия» – 0,14) или образовывать межрегиональную связь (значимая отрицательная корреляция с кластером «Строительство» – 0,62), а локализоваться вместе с абсолютно другими кластерами («Производственное оборудование», «Сельское хозяйство», «Торговля», «Текстиль», «Одежда», «СМИ и полиграфия», «Автомобилестроение»), что подтверждает необходимость синтеза пространственного и функционального подходов для наиболее точных результатов региональных исследований в экономике.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости комплексного анализа при работе со структурой промышленных кластеров России. Приведенная в статье методика анализа, апробированная на кластеризации отраслей химической промышленности, отражает практическую значимость ее применения с целью развития промышленности России. Данная методика позволяет усилить теоретические аспекты процесса организации промышленных предприятий с точки зрения как их территориального расположения, так и необходимости обеспечения беспрепятственных функциональных связей в пределах одного кластера с целью развития промышленности страны в целом. Таким образом, материалы статьи несут прикладное значение как для государственных учреждений, занимающихся вопросами территориального и промышленного развития, так и для собственников предприятий промышленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mackiewicz M., Namyślak B. Development Conditions for Creative Clusters in Poland in View of Institutional Environment Factors // *Growth and Change*. 2021. Vol. 52, issue 3. Pp. 1295–1311. doi: <https://doi.org/10.1111/grow.12503>
2. Кудрявцева Т., Жабин Н. П. Формирование алгоритма идентификации кластеров в экономике региона // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2014. № 3 (197). С. 124–131. URL: <https://economy.spbstu.ru/article/2014.47.13/> (дата обращения: 23.06.2022).
3. Марков Л. С., Маркова В. М. Выявление эталонных кластеров: методические вопросы и практическое приложение к отечественной промышленности // *Мир экономики и управления*. 2012. Т. 12, № 1. С. 95–108. URL: <https://woeam.elpub.ru/jour/article/view/590> (дата обращения: 23.06.2022).
4. Feser E. J., Bergman E. M. National Industry Cluster Templates: A Framework for Applied Regional Cluster Analysis // *Regional Studies*. 2000. Vol. 34, issue 1. Pp. 1–19. doi: <https://doi.org/10.1080/00343400050005844>
5. Демин С. С., Селентьева Т. Н. К вопросу об идентификации кластеров промышленного региона: вопросы теории и методологии // *Kant*. 2018. № 4 (29). С. 258–263. URL: <https://stavrolit.ru/kant/1198/1253/> (дата обращения: 23.06.2022).

6. The Cluster Policies Whitebook. IKED-International Organisation for Knowledge Economy and Enterprise Development / T. Andersson [et al.]. Malmö, 2004. Vol. 49. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.197.4531&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 23.12.2022).
7. Porter M. E. The Economic Performance of Regions // *Regional Studies*. 2003. Vol. 37, issue 6–7. Pp. 549–578. doi: <https://doi.org/10.1080/0034340032000108688>
8. Куценко Е., Ефери́н Я. “Водовороты” и “тихие гавани” в динамике отраслевой специализации регионов России // *Форсайт*. 2019. Т. 13, № 3. С. 24–40. doi: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.3.24.40>
9. Родионов Д. Г., Кудрявцева Т. Ю. Механизм и принципы формирования кластерной промышленной политики // *Инновации*. 2018. № 10 (240). С. 81–87. URL: <https://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2018/innovacii-n10-2018/mechanizm-i-principy-formirovaniya-klasternoj-promyshlennoj-politiki> (дата обращения: 23.06.2022).
10. Кудрявцева Т. Ю., Схведиани А. Е. Исследование региональных кластеров с использованием информационно-аналитических систем (на примере биофармацевтического кластера) // *Регионология*. 2020. Т. 28, № 1. С. 48–79. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.048-079>
11. Оценка мультипликативных эффектов в российской экономике на основе таблиц “затраты-выпуск” / М. Ю. Ксенофонтов [и др.] // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 2 (167). С. 3–13. URL: <https://ecfor.ru/publication/otsenka-multiplikativnyh-effektov-na-osnove-tablits-zatraty-vypusk/> (дата обращения: 23.06.2022).
12. Широ́в А. А. Использование таблиц “затраты-выпуск” для обоснования решений в области экономической политики // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 6 (171). С. 12–25. URL: <https://ecfor.ru/publication/ispolzovanie-tablits-zatraty-vypusk-dlya-obosnovaniya-reshenij-v-oblasti-ekonomicheskoy-politiki/> (дата обращения: 23.06.2022).
13. Сальников В. А., Галимов Д. А., Гниденко А. А. Использование таблиц “затраты-выпуск” для анализа и прогнозирования развития секторов экономики России // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 6 (171). С. 93–103. URL: <https://ecfor.ru/publication/ispolzovanie-tablits-zatraty-vypusk-dlya-analiza-i-prognozirovaniya-razvitiya-sektorov-ekonomiki-rossii/> (дата обращения: 23.06.2022).
14. Spatiotemporal Evolution of Production Cooperation between China and Central and Eastern European Countries: An Analysis Based on the Input–Output Technique / Z. Zheng [et al.] // *Growth and Change*. 2021. Vol. 52, issue 2. Pp. 1117–1136. doi: <https://doi.org/10.1111/grow.12476>
15. Industrial Clusters with Substantial Carbon-Reduction Potential / K. Kanemoto [et al.] // *Economic Systems Research*. 2019. Vol. 31, issue 2. Pp. 248–266. doi: <https://doi.org/10.1080/09535314.2018.1492369>
16. Kosfeld R., Titze M. Benchmark Value-added Chains and Regional Clusters in R&D-intensive Industries // *International Regional Science Review*. 2017. Vol. 40, issue 5. Pp. 530–558. doi: <https://doi.org/10.1177/0160017615590158>
17. Guo J., Lao X., Shen T. Location-Based Method to Identify Industrial Clusters in Beijing-Tianjin-Hebei Area in China // *Journal of Urban Planning and Development*. 2019. Vol. 145, issue 2. doi: [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)UP.1943-5444.0000497](https://doi.org/10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000497)
18. Tengsuwan P., Kidsom A., Dheera-Aumpon S. Economic Linkage in the Thai Rubber Industry and Cluster Identification: Input-Output Approach // *Asian Administration & Management Review*. 2019. Vol. 2, no. 2. Pp. 147–159. URL: <https://ssrn.com/abstract=3654999> (дата обращения: 23.06.2022).
19. Дронова Я. И., Бухонова С. М. Применение анализа “Затраты-выпуск” для идентификации кластеров в экономике // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2014. № 1 (49) С. 207–215. URL: <http://vestnik.bukep.ru/arh/full/2014-1.pdf> (дата обращения: 23.06.2022).
20. Luo S., Yan J. Analysis of Regional Industrial Clusters’ Competitiveness Based on Identification // 2009 International Conference on Electronic Commerce and Business Intelligence. IEEE, 2009. Pp. 471–474. doi: <https://doi.org/10.1109/ECBI.2009.57>
21. Павлов К. В., Растворцева С. Н., Череповская Н. А. Методический подход к идентификации потенциальных кластеров в региональной экономике // *Региональная экономика: теория и практика*. 2015. № 10 (385). С. 15–26. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=65088> (дата обращения: 25.05.2022).

22. O'Donoghue D., Gleave B. A Note on Methods for Measuring Industrial Agglomeration // *Regional Studies*. 2004. Vol. 38, issue 4. Pp. 419–427. doi: <https://doi.org/10.1080/03434002000213932>

Поступила 01.08.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 19.10.2022.

Об авторах:

Кудрявцева Татьяна Юрьевна, доктор экономических наук, доцент, профессор Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1403-3447>, Scopus ID: 56023272600, Researcher ID: S-8637-2017, kudryavtseva_tyu@spbstu.ru

Схведиани Анги Ерастиевич, кандидат экономических наук, доцент Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7171-7357>, Scopus ID: 57194696524, Researcher ID: S-8668-2017, shvediani_ac@spbstu.ru

Родионова Мария Александровна, специалист Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6972-2082>, rodionova.mariia@yandex.ru

Яковлева Валерия Валерьевна, аспирант Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-5003>, yakovleva2.vv@edu.spbstu.ru

Заявленный вклад авторов:

Т. Ю. Кудрявцева – критический анализ и доработка текста; курирование данных; научное руководство; обеспечение ресурсами; администратор проекта; обеспечение финансирования.

А. Е. Схведиани – компьютерные работы; развитие методологии; сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных.

М. А. Родионова – визуализация/представление данных в тексте; критический анализ и доработка текста; формализованный анализ данных; изучение концепции.

В. В. Яковлева – визуализация/представление данных в тексте; компьютерные работы; подготовка начального варианта текста; сбор данных и доказательств.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Mackiewicz M., Namyślak B. Development Conditions for Creative Clusters in Poland in View of Institutional Environment Factors. *Growth and Change*. 2021;52(3):1295–1311. doi: <https://doi.org/10.1111/grow.12503>
2. Kudryavtseva T.Yu., Zhabin N.P. Formation of an Algorithm to Define Clusters in Regional Economy. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti (St. Petersburg State Polytechnical University Journal)*. 2014;(3):124–131. Available at: <https://economy.spbstu.ru/article/2014.47.13/> (accessed 23.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Markov L.S., Markova V.M. Revealing Reference Clusters: Methodical Questions and the Practical Application to the Domestic Industry. *World of Economics and Management*. 2012;12(1):95–108. Available at: <https://woeam.elpub.ru/jour/article/view/590> (accessed 23.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Feser E.J., Bergman E.M. National Industry Cluster Templates: A Framework for Applied Regional Cluster Analysis. *Regional Studies*. 2000;34(1):1–19. doi: <https://doi.org/10.1080/00343400050005844>
5. Demin S.S., Selentyeva T.N. To the Question of Identifying Clusters of the Industrial Region: Theory and Methodology. *Kant*. 2018;(4):258–263. Available at: <https://stavrolit.ru/kant/1198/1253/> (accessed 23.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

6. Andersson T., Schwaag-Serger S., Sorvik J., Hansson E.W. The Cluster Policies Whitebook. IKED-International Organisation for Knowledge Economy and Enterprise Development. Malmö; 2004. 49. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.197.4531&rep=rep1&type=pdf> (accessed 23.12.2022).
7. Porter M.E. The Economic Performance of Regions. *Regional Studies*. 2003;37(6–7):549–578. doi: <https://doi.org/10.1080/0034340032000108688>
8. Kutsenko E., Eferin Y. “Whirlpools” and “Safe Harbors” in the Dynamics of Industrial Specialization in Russian Regions. *Foresight and STI Governance*. 2019;13(3):24–40. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.3.24.40>
9. Rodionov D.G., Kudryavtseva T.Yu. Mechanism and Principles of Cluster Industrial Policy Formation. *Innovations*. 2018;(10):81–87. Available at: <https://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2018/innovacii-n10-2018/mehanizm-i-principy-formirovaniya-klasternoj-promyshlennoj-politiki> (accessed 23.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Kudryavtseva T.Yu., Skhvediani A.E. Studying Regional Clusters with the Use of Data Processing Systems: The Case of the Biopharmaceutical Cluster. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2020;28(1):48–79. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.048-079>
11. Ksenofontov M.Y., Shirov A.A., Polzikov D.A., Yantovskii A.A. Assessing Multiplier Effects in the Russian Economy: Input-Output Approach. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;29(2):109–115. doi: <https://doi.org/10.1134/S1075700718020089>
12. Shirov A.A. Use of Input–Output Approach for Supporting Decisions in the Field of Economic Policy. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;29(6):588–597. doi: <https://doi.org/10.1134/S107570071806014X>
13. Salnikov V.A., Galimov D.I., Gnidenchenko A.A. Using Input–Output Tables for Analyzing and Forecasting the Sectoral Structure of Russian Economy. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;29(6):645–653. doi: <https://doi.org/10.1134/S1075700718060126>
14. Zheng Z., Song Z., Ji Q., Xiong W. Spatiotemporal Evolution of Production Cooperation between China and Central and Eastern European Countries: An Analysis Based on the Input–Output technique. *Growth and Change*. 2021;52(2):1117–1136. doi: <https://doi.org/10.1111/grow.12476>
15. Kanemoto K., Hanaka T., Kagava S., Nansai K. Industrial Clusters with Substantial Carbon-Reduction Potential. *Economic Systems Research*. 2019;31(2):248–266. doi: <https://doi.org/10.1080/09535314.2018.1492369>
16. Kosfeld R., Titze M. Benchmark Value-added Chains and Regional Clusters in R&D-intensive Industries. *International Regional Science Review*. 2017;40(5):530–558. doi: <https://doi.org/10.1177/0160017615590158>
17. Guo J., Lao X., Shen T. Location-Based Method to Identify Industrial Clusters in Beijing-Tianjin-Hebei Area in China. *Journal of Urban Planning and Development*. 2019;145(2). doi: [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)UP.1943-5444.0000497](https://doi.org/10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000497)
18. Tengsuwan P., Kidsom A., Dheera-Aumpon S. Economic Linkage in the Thai Rubber Industry and Cluster Identification: Input-Output Approach. *Asian Administration & Management Review*. 2019;2(2):147–159. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3654999> (accessed 23.06.2022).
19. Dronova Ya.I., Bukhonova S.M. [Application of Input-Output Analysis to Identify Clusters in the Economy]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*. 2014;(1):207–215. Available at: <http://vestnik.bukpe.ru/arh/full/2014-1.pdf> (accessed 23.06.2022). (In Russ.)
20. Luo S., Yan J. Analysis of Regional Industrial Clusters’ Competitiveness Based on Identification. In: 2009 International Conference on Electronic Commerce and Business Intelligence. IEEE; 2009. p. 471–474. doi: <https://doi.org/10.1109/ECBI.2009.57>
21. Pavlov K.V., Rastvortseva S.N., Cherepovskaya N.A. A Methodological Approach to Identifying Potential Clusters in Regional Economy. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2015;(10):15–26. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=65088> (accessed 25.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
22. O’Donoghue D., Gleave B. A Note on Methods for Measuring Industrial Agglomeration. *Regional Studies*. 2004;38(4):419–427. doi: <https://doi.org/10.1080/03434002000213932>

Submitted 01.08.2022; revised 10.10.2022; accepted 19.10.2022.

About the authors:

Tatiana Yu. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Graduate School of Industrial Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 195251, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1403-3447>, Scopus ID: 56023272600, Researcher ID: S-8637-2017, kudryavtseva_tyu@spbstu.ru

Angi E. Skhvediani, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Graduate School of Industrial Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 195251, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7171-7357>, Scopus ID: 57194696524, Researcher ID: S-8668-2017, shvediani_ac@spbstu.ru

Maria A. Rodionova, Specialist, Graduate School of Industrial Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 195251, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6972-2082>, rodionova.mariia@yandex.ru

Valeriia V. Iakovleva, Postgraduate Student, Graduate School of Industrial Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 195251, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-5003>, yakovleva2.vv@edu.spbstu.ru

Contribution of the authors:

T. Yu. Kudryavtseva – critical analysis and revision of the text; data curation; scientific supervision; resource provision; project administration; funding.

A. E. Skhvediani – computer work; methodology development; data and evidence collection; formalized data analysis.

M. A. Rodionova – visualization/presentation of data in the text; critical analysis and revision of the text; formalized data analysis; study of the concept.

V. V. Iakovleva – visualization/presentation of data in the text; computer work; preparation of the initial version of the text; collection of data and evidence.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Оценка влияния климата на экономические показатели монетарной политики: региональный подход

С. В. Арженовский^{1,2} ✉Т. Г. Синявская²В. М. Никогосян²

¹ Отделение по Ростовской области Южного главного управления Центрального банка Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

² Ростовский государственный экономический университет
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

✉ sarzhenov@gmail.com

Аннотация

Введение. Актуальность анализа влияния климатических переменных на макроэкономические показатели монетарной политики по российским данным в региональном аспекте обусловлена отсутствием подобного рода исследований. Цель статьи – по материалам проведенного исследования выявить количественную оценку влияния климатических изменений на ключевые макроэкономические переменные монетарной политики на панельных данных по российским регионам.

Материалы и методы. Объектом исследования послужили российские регионы. Для расчетов авторами сформирована информационная база по 79 регионам Российской Федерации с 2000 по 2020 г. по данным Росстата. В основе примененной методологии – авторский подход, сочетающий использование факторного анализа по регионам при фиксированном годе и эконометрическое моделирование с использованием интегральных факторов, полученных на предыдущем этапе, на панели данных по регионам. Эконометрический анализ выполнялся обобщенным методом моментов и двухшаговым системным обобщенным методом моментов.

Результаты исследования. Эмпирически на основе эконометрического моделирования выявлено значимое влияние изменений климата на ключевые макроэкономические переменные, контролируемые при разработке и проведении мероприятий денежно-кредитной политики – валовой региональный продукт и индекс потребительских цен.

Обсуждение и заключение. Объективно происходящие на территории российских регионов изменения климата способны отрицательно повлиять на экономическую ситуацию, что требует активизации внедрения и разработки мероприятий, направленных на улучшение экологической ситуации: снижение выбросов CO₂, развитие и применение лесосберегающих технологий и др. Также при реализации денежно-кредитной политики необходимо учитывать изменение климатической ситуации. Результаты исследования будут полезны как при разработке и реализации региональной политики, так и специалистам, государственным служащим, которые планируют совершенствование территориального устройства единого экономического пространства России в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: изменение климата, валовой региональный продукт, индекс потребительских цен, монетарная политика, факторный анализ, системный обобщенный метод моментов, панельные данные, российские регионы

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Статья выражает исключительно мнение авторов, которое может не совпадать с официальной позицией Банка России. Банк России не несет ответственности за содержание данной работы.

© Арженовский С. В., Синявская Т. Г., Никогосян В. М., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Арженовский С. В., Синявская Т. Г., Никогосян В. М. Оценка влияния климата на экономические показатели монетарной политики: региональный подход // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 70–86. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.070-086>

Original article

Assessment of the Climate Impact on the Economic Variables of Monetary Policy: Regional Approach

S. V. Arzhenovskiy^{a,b}✉, T. G. Sinyavskaya^b, V. M. Nikoghosyan^b

^a Rostov Regional Division of the Southern Main Branch of the Central Bank of the Russian Federation (Rostov-on-Don, Russian Federation)

^b Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don, Russian Federation)
✉ sarzhenov@gmail.com

Abstract

Introduction. The relevance of quantitative analysis of the impact of climate variables on macroeconomic indicators of monetary policy according to Russian data in the regional aspect is due to the absence of such research. The purpose of the article is to perform a quantitative assessment of the climate change impact on key macroeconomic variables of monetary policy on panel data by Russian regions.

Materials and Methods. Russian regions were the subject of the study. For calculations, the authors have formed the information base for 79 regions of the Russian Federation from 2000 to 2020 according to Rosstat. The applied methodology is based on the author's approach, combining the use of factor analysis by region at fixed year and econometric modeling using integral factors obtained at the previous stage on the panel data by region. Econometric analysis was performed using a generalized method of moments and a two-stage systematic generalized method of moments.

Results. The significant impact of climate change on key macroeconomic variables controlled in the development and implementation of monetary policy measures – gross regional product and consumer price index – has been identified empirically. The research was based on econometric modeling.

Discussion and Conclusion. Objective climate change taking place in the Russian regions may adversely affect the economic situation, which requires intensification of implementation and development of measures aimed at improving the environmental situation: reduction of CO₂ emissions, development and use of forest-saving technologies, etc. It is proposed to consider the climate situation in the implementation of monetary policy. The results of the research will be useful both in the development and implementation of regional policy, and for specialists, civil servants who plan to improve the territorial structure of the economic space of Russia in the long term.

Keywords: climate change, gross regional product, consumer price index, monetary policy, factor analysis, systemic generalized method of moments, panel data, Russian regions

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest. The paper expresses solely the views of the authors, which may not coincide with the official position of the Bank of Russia. The Bank of Russia is not responsible for the content of this work.

For citation: Arzhenovskiy S.V., Sinyavskaya T.G., Nikoghosyan V.M. Assessment of the Climate Impact on the Economic Variables of Monetary Policy: Regional Approach. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):70–86. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.070-086>

Введение. Тема влияния климатических изменений на макроэкономическую динамику и структуру как мировой экономики, так и экономики отдельных стран и регионов в настоящее время находится на переднем крае исследований.

В материалах Совета по финансовой стабильности (Financial Stability Board, FSB и его рабочей группы по климату – Task Force on Climate Related Financial Disclosures, TCFD) выделены два типа рисков, связанных с монетарной политикой в контексте климата. Это физические риски, которые связаны как с внезапными природными явлениями, так и с долговременными изменениями климата (повышение температуры воздуха), и переходные риски, обусловленные переходом

к низкоуглеродной экономике и включающие как правовые и политические, так и технологические, рыночные и репутационные¹.

Обобщение влияния физических и переходных климатических рисков на ключевые макроэкономические показатели приводится в отчете Сообщества центральных банков и надзорных органов по повышению экологичности финансовой системы (Central Banks and Supervisors Network for Greening the Financial System, NGFS)². В материалах сообщества, обновленных в 2021 г.³, содержится шесть сценариев изменений климата и политики в области климата. В упорядоченных сценариях (и физических, и переходные риски относительно невелики), при которых мероприятия климатической повестки начинают применяться на раннем этапе с постепенным ужесточением, выделены два варианта: «ноль 2050», предполагающий нулевой уровень выбросов к 2050 г. и ограничивающий глобальное потепление 1,5 °C, и «ниже 2 °C» – политика в области климата постепенно ужесточается, что дает 67 % шансов ограничить глобальное потепление до уровня ниже 2 °C. В неупорядоченных сценариях (более высок переходной риск) начало перехода к зеленой экономике откладывается в различных странах или видах деятельности: «дивергентный ноль» – к 2050 г. достигается чистый нулевой уровень выбросов, но с большими затратами; «отсроченный переход» предполагает, что ежегодные выбросы не уменьшатся до 2030 г. Наконец, в сценариях теплого мира (значительный физический риск, например, повышение уровня моря) глобальных усилий недостаточно для остановки мирового потепления: вариант «национальные вклады» включает все объявленные странами мероприятия по климату, в том числе и нереализованные; «текущая политика» – сохраняются только текущие мероприятия, которые в итоге приводят к физическим рискам.

Цель статьи – по результатам исследования провести эконометрическую оценку влияния климата на экономические показатели монетарной политики в региональном аспекте.

Обзор литературы. Публикаций, посвященных изучению климатических изменений в контексте монетарной политики и макроэкономического регулирования, к настоящему времени накоплено очень много.

Тема влияния климатических условий на монетарную политику поднималась в публикациях Банка России. Отметим, в первую очередь, врезку в Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики⁴, а также доклад для общественных обсуждений⁵ о влиянии климатических рисков.

¹ Recommendations of the Task Force on Climate-related Financial Disclosures: Final Report [Электронный ресурс]. FSB-TCFD, June 2017. URL: <https://assets.bbbhub.io/company/sites/60/2021/10/FINAL-2017-TCFD-Report.pdf> (дата обращения: 25.08.2022).

² Climate Change and Monetary Policy: Initial Takeaways [Электронный ресурс]. June 2020. NGFS Technical Document. URL: https://www.ngfs.net/sites/default/files/medias/documents/climate_change_and_monetary_policy.pdf (дата обращения: 25.08.2022).

³ NGFS Climate Scenarios for Central Banks and Supervisors [Электронный ресурс]. June 2021. NGFS. URL: https://www.ngfs.net/sites/default/files/media/2021/08/27/ngfs_climate_scenarios_phase2_june2021.pdf (дата обращения: 25.08.2022).

⁴ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов [Электронный ресурс]. М. : Центр. банк Рос. Федерации, 2021. С. 51–56. URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/126064/on_project_2022\(2023-2024\).pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/126064/on_project_2022(2023-2024).pdf) (дата обращения: 25.08.2022).

⁵ Влияние климатических рисков и устойчивое развитие финансового сектора Российской Федерации. Доклад для общественных консультаций [Электронный ресурс]. М. : Центр. банк Рос. Федерации, 2020. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/108263/consultation_paper_200608.pdf (дата обращения: 25.08.2022).

Европейский центральный банк выделяет три канала воздействия изменения климата на уровень цен: 1) ослабление воздействия мероприятий монетарной политики на денежно-кредитные условия фирм и домохозяйств; 2) сужение возможного интервала изменения ключевой ставки, которая будет иметь тенденцию к снижению; 3) прямое воздействие на инфляцию: увеличение физического риска приводит к значительной макроэкономической волатильности. При этом такие меры, как установление тарифов за выбросы парниковых газов, могут привести к увеличению цен⁶.

К. Десмет и Э. Росси-Хансберг отмечают, что задача оценки экономических последствий климатических изменений достаточно нетривиальна⁷. Во-первых, трудно построить корректные модели, которые учитывают экстремальные погодные явления, повышение уровня моря, нелинейность климатических процессов и т. п. Во-вторых, изменение климата – относительно инерционный процесс, который реализуется на протяжении десятилетий и столетий, а не месяцев и лет. С одной стороны, этот факт требует применения динамических моделей, с другой – такие модели априори подвержены критике Лукаса⁸. В-третьих, выбросы CO₂ в любой точке планеты приводят к изменению температуры во всем мире, но вместе с тем и к различным экономическим последствиям в холодных и теплых регионах, т. е. к пространственному неравенству.

Ф. Претис полагает, что исследователи разделились на две группы при построении эконометрических моделей: одни фокусируют свое внимание на моделировании макроэкономических показателей, принимая климатические характеристики заданными, другие – исследуют изменение климатических показателей, предполагая заданными характеристики экономики [1]. Ученый делает вывод о том, что игнорирование потенциальной эндогенности экономических и климатических переменных приводит к невозможности получения эмпирических оценок в моделях.

Ч. Колстад и Ф. Мур отмечают, что при исследовании экономических последствий изменения климата важным является понимание того, что инвестиционные процессы (менеджмент фирм) адаптируются к изменениям, и поэтому краткосрочные и долгосрочные последствия климатических процессов будут отличаться. Авторы подчеркивают, что при использовании данных большей частоты, чем годовые, исследователь получает краткосрочный эффект, для долговременного воздействия предпочтительнее годовые показатели [2]. Статья касается и развернутой в литературе дискуссии об использовании пространственного и панельного анализа для оценки воздействия изменения климата. Пространственный анализ позволяет оценить долговременное равновесное воздействие климатических условий, но подвержен проблеме пропущенных переменных, что затрудняет интерпретацию результатов. Панельная регрессия позволяет решить проблему пропущенных переменных, но в общем случае приводит только к краткосрочной оценке влияния изменения погоды. Отдельно выделим тезис авторов о том, что общий ущерб от изменения климата состоит как из равновесных издержек, так

⁶ Шнабель И. Изменение климата и денежно-кредитная политика [Электронный ресурс] // Финансы и развитие. 2021. Сентябрь. С. 53–55. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2021/09/pdf/schnabel.pdf> (дата обращения: 25.08.2022).

⁷ Desmet K., Rossi-Hansberg E. The Economic Impact of Climate Change over Time and Space [Электронный ресурс] // The Reporter. 2021. No. 4. URL: <https://www.nber.org/reporter/2021number4/economic-impact-climate-change-over-time-and-space> (дата обращения: 25.08.2022).

⁸ Исторические данные о результатах экономической политики нельзя использовать для точного предсказания последствий будущей политики, потому что не учитывается изменение поведенческих реакций людей и их способность адаптироваться и влиять на ситуацию.

и из издержек адаптации. При этом ни кросс-секционная, ни панельная модели сами по себе не позволяют оценить оба вида издержек.

Дж. Л. Кастл и Д. Ф. Хендри моделировали выбросы CO_2 в Великобритании на протяжении 1860–2017 гг. в зависимости от использования угля и нефти, основных фондов и ВВП с учетом нестационарности временных рядов этих показателей. Также тестировалось нелинейное уравнение климатической кривой Кузнеца, связывающей выбросы CO_2 и ВВП. Авторы пришли к выводу, что цель обнуления выбросов по сравнению с уровнем 1990 г. возможна при полном отказе от использования нефти и газа [3].

А. Голуб с соавторами, используя методологию реальных опционов, оценили стоимость капитала с поправкой на климатический риск в энергетическом секторе России примерно в 43 % (включая безрисковую процентную ставку), что демонстрирует высокий риск инвестиций в энергоэффективные и низкоуглеродные технологии в России [4].

Д. Г. Замолотчиков и другие авторы обратили внимание на то, что российские леса могут внести свой вклад в смягчение климатических изменений и выполнили прогноз их углерододепонирующего потенциала на период до 2050 г. при различных сценариях ведения лесного хозяйства. Получено, что в зависимости от условий лесопользования к 2020 г. депонирование CO_2 составит 466–632 Мт/год и сможет компенсировать от 21 до 29 % промышленных выбросов парниковых газов (к 2050 г. спрогнозировано сокращение до 105–235 Мт/год) [5].

Отметим ряд эмпирических работ, посвященных исследованию влияния климата на важные макроэкономические показатели, в частности, инфляцию и ВВП. К. Мукерджи и Б. Куатарра проанализировали динамическое воздействие температурных шоков на инфляцию, являющуюся ключевой переменной политики многих центральных банков [6]. Авторы применяли VAR-модель с фиксированными эффектами на панельных данных по выборке стран за период 1961–2014 гг. (всего 107 стран). В качестве эндогенных использовались переменные климата (температура воздуха), инфляции (индекс потребительских цен), ВВП, расходов бюджета (в процентах от ВВП), агрегата М2 (в процентах от ВВП). Результаты подтвердили, что температурные шоки приводят к инфляционному давлению. Например, при изменении температуры на 1 % инфляция статистически значимо увеличивается на 2,6 %.

Дж. Бейрн с соавторами исследовали влияние стихийных бедствий на стабильность цен в еврозоне [7]. Строились панельные и структурные VAR-модели для стран еврозоны за период 1996–2021 гг. Выявлено значительное положительное влияние стихийных бедствий на инфляцию, причем отдельно выделен значимый эффект для цен на продукты питания и напитки. Авторы приходят к выводу о том, что изменение климата, вероятно, затруднит Европейскому центральному банку достижение целевого показателя инфляции в долгосрочной перспективе.

Д. Фация, М. Паркер и Л. Стракка пришли к выводу, что жаркое лето увеличивает инфляцию цен на продукты питания в краткосрочной перспективе, особенно в странах с формирующимся рынком [8]. В среднесрочной перспективе влияние на различные ценовые индексы, как правило, либо незначительное, либо отрицательное. Такой эффект носит существенно нелинейный характер.

Исследования влияния климатических процессов на ВВП также ведутся достаточно активно. Так, ученые на базе данных по 180 странам в период 1950–2015 гг. выявили нелинейное влияние на объем производства температуры воздуха: незначительное положительное влияние на рост в странах с низкой средней температурой и значимое негативное влияние в странах с высокими средними

температурами, в которых жаркий климат приводит к сокращению инвестиций, снижению производительности труда и производства продукции [9]. В медианной стране с низким уровнем доходов совокупный объем производства примерно на 2 % ниже, а инвестиции – примерно на 10 % ниже через семь лет после повышения среднегодовой температуры на 1 °С. Другая группа исследователей по панели из 126 стран (период с 1960 по 2017 г.) выявила, что устойчивый прирост температуры на 1 °С приводит к снижению реального ВВП на душу населения на 0,74–1,52 п. п. независимо от уровня развития стран [10].

М. Е. Кан с соавторами изучали долгосрочное влияние изменения климата на экономическую активность на панели из 174 стран (с 1960 по 2014 г.), используя модель стохастического роста [11]. Получено, что на реальный ВВП на душу населения значимо негативно влияют постоянные изменения температуры выше или ниже ее нормы: постоянное увеличение средней мировой температуры на 0,04 °С в год при отсутствии мер по смягчению последствий приведет к сокращению мирового реального ВВП на душу населения на 7,22 % к 2100 г. Кроме того, авторы на региональных данных по выборке из 48 штатов США в период с 1963 по 2016 г. показали, что изменение климата оказывает долгосрочное неблагоприятное воздействие на реальный выпуск в различных штатах и секторах экономики, а также на производительность труда и занятость.

М. Калкул и Л. Венц на основе панельных годовых данных о ВРП для более чем 1 500 регионов в 77 странах (период 1900–2014 гг.) эмпирически оценили воздействие климатических изменений на уровень выпуска и его рост [12]. Применялись панельные модели, регрессии для разностей и пространственные регрессии. В результате авторами не найдено влияния на скорость экономического роста, но получено значимое влияние температуры на уровень выпуска: повышение глобальной средней температуры примерно на 3,5 °С приведет к сокращению мирового производства на 7–14 % к 2100 г., причем в тропических и бедных регионах ущерб больше.

В статьях отечественных ученых выполнен анализ экономических последствий климатических рисков. В. В. Оганесян, А. М. Стерин и Л. Н. Воробьева на основе регрессионных уравнений получили оценку потенциального ущерба от природных явлений по Российской Федерации в размере 208,6 млрд руб. в ценах 2017 г., а также в разрезе погодозависимых видов экономической деятельности и отдельных регионов [13].

Отметим статью И. В. Арженовского и А. В. Дахина, в которой для анализа устойчивого развития территорий авторы используют когнитивное моделирование [14], а также исследование с результатами количественных оценок климатических рисков по российским регионам⁹. Е. Н. Яковлевой с коллективом авторов предложена методика оценки двух групп показателей негативного воздействия экономики на климат – «энергоёмкости» и «климатоёмкости», и выполнена оценка регионов России по этим группам показателей; сделан вывод о снижении в последние годы уровня климатических рисков [15; 16].

Приведенный обзор позволяет сделать вывод о том, что многие исследования осуществлялись на панельных данных, как правило, ежегодных и межстрановых. Исследований с количественным анализом влияния климатических переменных на макроэкономические показатели монетарной политики по российским данным в региональном аспекте не выявлено, что актуализирует получение соответствующих оценок.

⁹ Кобышева Н. В., Акентьева Е. М., Галюк Л. П. Климатические риски и адаптация к изменениям и изменчивости климата в технической сфере : моногр. СПб. : Кириллица, 2015. 213 с.

Материалы и методы. Для получения количественных оценок по теме работы сформирована информационная база по 79 регионам России¹⁰ с 2000 по 2020 г.¹¹. В панель данных включены следующие группы переменных.

Группа показателей, характеризующих климатическую и экологическую ситуацию в регионе:

X_1 – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. т;

X_2 – лесистость территорий (по данным учета на конец года), %;

X_3 – сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн м³ по отношению к использованию свежей воды, млн м³;

X_4 – средняя месячная температура воздуха (за январь и июль), °С;

X_5 – доля расходов на охрану окружающей среды в расходах консолидированного регионального бюджета, %;

Группа показателей, характеризующих социально-экономическое развитие региона:

X_6 – уровень безработицы, %;

X_7 – стоимость основных фондов, на конец года, млн руб.;

X_8 – доля занятых с высшим и средним профессиональным образованием в общей численности занятых, %;

X_9 – среднедушевые денежные доходы населения, в месяц, руб.;

Группа макроэкономических показателей:

Y_1 – ВРП в текущих ценах на душу населения, тыс. руб. / чел.;

Y_2 – индекс потребительских цен (ИПЦ) на все товары и услуги, % г/г.

В качестве переменных, характеризующих макроэкономическую повестку, и определяющих решения в рамках проведения денежно-кредитной политики, выделены два показателя – Y_1 и Y_2 .

Выбор переменных, с одной стороны, обусловлен опытом их использования в указанных в обзоре литературы исследованиях, с другой – доступностью статистических данных по российским регионам. По ряду факторов, которые, как представляется, необходимо анализировать, например выбросы CO₂ или структура выбросов по источникам, статистическая информация в региональном разрезе не собирается, что ограничивает исследование.

Используем следующую методику выполнения количественного анализа. На первом этапе с целью сокращения количества признаков и уменьшения возможной коллинеарности между ними применим алгоритм факторного анализа, который выполняется отдельно для каждого периода времени по характеризующим объекты (регионы) признакам. Факторный анализ применяется для группы климатических переменных и для группы экономических переменных отдельно. На втором этапе выполняется регрессионный анализ макроэкономических переменных на полученные общие факторы.

Указанный двухэтапный алгоритм статистического анализа позволяет получить более устойчивые и значимые результаты моделирования.

¹⁰ Исключены регионы, для которых нет полного набора значений по выбранным показателям – Республика Крым, г. Севастополь, Чеченская Республика, автономные округа кроме Чукотского.

¹¹ Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.08.2022).

Результаты исследования. Согласно методике, применим на первом этапе факторный анализ. Воспользуемся методом главных факторов с определением количества факторов методом Кайзера – Гутманна¹². Для каждого фиксированного года по набору данных по 79 регионам выполним факторный анализ для характеристик климато-экологической обстановки в регионе: X_1, X_2, X_3, X_4, X_5 , а также отдельно для набора показателей, характеризующих социально-экономическое развитие региона: X_6, X_7, X_8, X_9 .

По первой группе показателей результаты факторного анализа приведены в таблице 1. Для разных лет метод Кайзера – Гутманна позволил выделить от 2 до 3 общих факторов с объяснением от 60 % дисперсии исходных признаков. При этом первый общий фактор объясняет (F_1^1) не менее 31 % первоначальной дисперсии. Среднеквадратическая ошибка факторных моделей для различных лет не превышала 0,06, что позволяет сделать вывод об адекватности моделей.

Для всех лет факторные нагрузки больше 0,6 по модулю соответствовали двум показателям – лесистость территорий и средняя месячная температура воздуха. Лесное хозяйство позволяет реализовать значительный потенциал поглощения парниковых газов. Температура является важнейшим индикатором климатических процессов в регионе. Первый общий фактор, таким образом, может быть в целом интерпретирован как климатические условия региона.

По второй группе показателей результаты факторного анализа приведены в таблице 2. Для разных лет метод Кайзера – Гутманна позволил выделить от 1 до 2 общих факторов с объяснением от 60 % дисперсии исходных признаков. При этом первый общий фактор (F_1^2) объясняет не менее 49 % первоначальной дисперсии. Среднеквадратическая ошибка факторных моделей для различных лет не превышала 0,06 (за исключением 2014–2016, 2019 гг.), что позволяет сделать вывод об адекватности моделей.

Для всех лет (кроме 2020 г.) факторные нагрузки больше 0,6 по модулю соответствовали двум показателям – стоимости основных фондов и среднедушевым денежным доходам населения. Стоимость основных фондов является важным фактором экономического роста, а среднедушевые денежные доходы – важнейший индикатор уровня жизни населения. Второй общий фактор, таким образом, может быть в целом интерпретирован как экономическое положение региона.

Для каждой модели факторного анализа получены значения общих факторов F_1^1 и F_1^2 методом Бартлетта.

На втором этапе выполним регрессионное моделирование для макроэкономических переменных (Y_1 и Y_2) с использованием в качестве объясняющих факторов интегральных показателей, полученных на предыдущем шаге (F_1^1 и F_1^2). В спецификации моделей для логарифмов ВРП (Y_1) и ИПЦ (Y_2) включим лаговые значения объясняемой переменной для учета инерционности экономического роста и инфляции соответственно, а также для нивелирования возможной эндогенности в уравнении. Общий вид оцениваемого уравнения:

$$y_{it} = \gamma y_{it-1} + F_{it}^T \beta + u_i + \varepsilon_{it},$$

где y – логарифм макроэкономической переменной (ВРП или ИПЦ); F – общие факторы; u – индивидуальные эффекты; ε – случайная ошибка; i – индекс по объектам; $i = 1, \dots, 79$; t – индекс по времени; $t = 2000, \dots, 2020$.

Оценивание уравнения при помощи внутригруппового преобразования (within) приводит к смещенным и несостоятельным оценкам.

¹² Прикладная статистика: классификация и снижение размерности / С. А. Айвазян [и др.]. М. : Финансы и статистика, 1989. 607 с.

Таблица 1. Результаты факторного анализа для группы климато-экологических переменных, 2000–2020 гг.¹³
Table 1. Results of factor analysis for the group of climate-ecological variables, 2000–2020

Показатели / Indicators	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
X_1	0,33	0,33	0,21	0,23	0,17	0,24	0,38	0,13	0,27	0,30	0,41	0,42	0,29	0,40	0,36	0,44	0,32	0,36	0,33	0,29	0,29
X_2	0,61	0,64	0,62	0,67	0,63	0,60	0,52	0,67	0,60	0,61	0,60	0,56	0,62	0,62	0,62	0,61	0,65	0,63	0,60	0,62	0,64
X_3	0,05	0,04	0,06	0,11	0,11	0,09	0,06	0,14	0,06	0,11	0,10	0,04	0,07	0,02	0,12	0,09	0,09	0,09	0,01	0,17	0,05
X_4	-0,63	-0,69	-0,60	-0,67	-0,63	-0,61	-0,65	-0,64	-0,60	-0,67	-0,71	-0,72	-0,70	-0,73	-0,68	-0,75	-0,71	-0,68	-0,65	-0,65	-0,65
X_5	0,02	-0,19	-0,07	-0,01	-0,09	0,08	0,13	-0,09	0,08	0,13	0,10	0,31	0,31	0,32	0,22	0,11	0,15	-0,04	0,12	-0,11	0,02
Доля объясненной дисперсии / Share of explained variance	0,33	0,35	0,32	0,33	0,32	0,32	0,33	0,32	0,31	0,35	0,36	0,37	0,36	0,38	0,40	0,36	0,35	0,34	0,33	0,34	0,33
RMSE модели / Model RMSE	0,06	0,05	0,05	0,05	0,04	0,05	0,05	0,05	0,04	0,04	0,04	0,05	0,05	0,04	0,04	0,06	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05
Количество факторов / Number of factors	2	3	3	2	2	2	2	3	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2

Примечания. * – в таблице приведены факторные нагрузки для первого фактора после варимакс вращения, а также доля объясненной первым общим фактором дисперсии. Курсивом выделены факторные нагрузки, большие по модулю 0,6. Обозначения: X_1 – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. т; X_2 – лесистость территорий (по данным учета на конец года), %; X_3 – сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн м³ по отношению к использованию свежей воды, млн м³; X_4 – средняя месячная температура воздуха (за январь и июль), °C; X_5 – доля расходов на охрану окружающей среды в расходах консолидированного регионального бюджета, %.

Notes. * – in the table the factor loads for the first factor after varimax rotation are presented, as well as the share of explained dispersion by the first general factor. In italics are indicated factor loads, which are large in modulus 0,6. Designations: X_1 – air pollutant emissions from stationary sources, ths. tons; X_2 – forests of territories (according to accounting data as of the end of the year), %; X_3 – discharge of polluted wastewater into surface water bodies, million m³ in relation to fresh water use, million m³; X_4 – average monthly air temperature (for January and July), °C; X_5 – share of environmental protection expenses in the expenses of the consolidated regional budget, %.

¹³ Здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.

Таблица 2. Результаты факторного анализа для группы экономических переменных, 2000–2020 гг.
Table 2. Results of factor analysis for the group of economic variables, 2000–2020

Показатели / Indicators	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
X_6	-0,30	-0,31	-0,30	-0,29	-0,33	-0,32	-0,35	-0,29	-0,26	-0,28	-0,24	-0,27	-0,27	-0,27	-0,41	-0,44	-0,48	-0,49	-0,45	-0,39	-0,08
X_7	0,71	0,68	0,62	0,68	0,71	0,71	0,71	0,79	0,79	0,77	0,77	0,77	0,75	0,75	0,71	0,70	0,68	0,68	0,67	0,70	0,55
X_8	0,53	0,45	0,48	0,53	0,35	0,40	0,53	0,45	0,48	0,52	0,56	0,52	0,47	0,49	0,49	0,46	0,44	0,52	0,47	0,55	0,61
X_9	0,81	0,79	0,77	0,79	0,80	0,77	0,78	0,77	0,72	0,74	0,70	0,70	0,67	0,65	0,66	0,67	0,67	0,68	0,68	0,69	0,60
Доля объясненной дисперсии* / Share of explained variance	0,53	0,50	0,49	0,52	0,49	0,50	0,54	0,52	0,50	0,52	0,52	0,51	0,49	0,49	0,51	0,51	0,51	0,53	0,51	0,53	0,50
RMSE модели / Model RMSE	0,06	0,05	0,06	0,05	0,06	0,06	0,04	0,05	0,06	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05	0,07	0,08	0,08	0,06	0,06	0,08	0,06
Количество факторов / Number of factors	2	2	2	2	2	1	1	2	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1	1	1	2

Примечания. * – в таблице приведены факторные нагрузки для первого фактора после варимакс вращения, а также доля объясненной первым общим фактором дисперсии. Курсивом выделены факторные нагрузки, большие по модулю 0,6. Обозначения: X_6 – уровень безработицы, %; X_7 – стоимость основных фондов на конец года, млн руб.; X_8 – доля занятых с высшим и средним профессиональным образованием в общей численности занятых, %; X_9 – среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.

Notes. * – in the table the factor loads for the first factor after varimax rotation are presented, as well as the share of explained dispersion by the first general factor. In italics are indicated factor loads, which are large in modulus 0,6. Designations: X_6 – unemployment rate, %; X_7 – cost of fixed assets, as of the end of the year, mln rubles; X_8 – share of employees with higher and secondary vocational education in the total number of employees, %; X_9 – average per capita income of the population, per month, rubles.

Для идентификации коэффициентов в уравнении может быть применен обобщенный метод моментов (ОММ), описанный М. Аллерано и С. Бонд¹⁴. Однако при его использовании отмечена проблема слабости инструментов. Для получения дополнительных сильных инструментов предложено составление системы уравнений для уровней и для разностей переменных, реализованное в системном ОММ¹⁵. Системный ОММ позволяет улучшить эффективность оценок. Стандартные ошибки коэффициентов уравнения имеют смещение, поэтому при расчетах применялась коррекция ошибок по Ф. Виндмейеру [17]. В случае спецификации уравнения с робастными стандартными ошибками для тестирования на валидность инструментов применяется тест Хансена. Дополнительно также использовались тесты Хансена для подмножеств инструментов и для разностей.

В таблице 3 приведены оценки для логарифма ВВП. В модель включены два лага зависимой переменной. Статистика Ареллано – Бонда показывает, что гипотеза о равенстве нулю автокорреляции третьего порядка не может быть отклонена на 1-процентном уровне значимости. Оба лага зависимой переменной значимы: лаг в 1 год – с положительным знаком, лаг в 2 года – с отрицательным знаком.

Таблица 3. Регрессия для логарифма валового регионального продукта на душу населения, регионы Российской Федерации, 2000–2020 гг.

Table 3. Regression for GRP logarithm per capita, regions of the Russian Federation, 2000–2020 years

Переменные / Variables	Метод оценивания / Estimating method	
	Обобщенный метод моментов / General method of moments	Системный обобщенный метод моментов, двухшаговый / System general method of moments, two-step
1	2	3
Логарифм ВРП на душу населения с лагом в 1 год / Logarithm of GRP per capita with 1 year lag	0,722*** (0,095)	1,098*** (0,029)
Логарифм ВВП на душу населения с лагом в 2 года / Logarithm of GRP per capita with 2 years lag	-0,150*** (0,038)	-0,092*** (0,026)
Интегральный фактор климатических условий / Integral factor of climatic conditions	0,012** (0,006)	0,013*** (0,005)
Интегральный фактор экономического положения / Integral factor of economic situation	0,022* (0,012)	0,023* (0,013)
Константа / Constant	5,701*** (1,345)	-0,045 (0,268)
Индивидуальные эффекты по регионам / Individual effects by regions	Да / Yes	Да / Yes

¹⁴ Arellano M., Bond S. Some Tests of Specification for Panel Data: Monte-Carlo Evidence and an Application to Employment Equations // Review of Economic Studies. 1991. Vol. 58, issue 2. Pp. 277–297. doi: <https://doi.org/10.2307/2297968>

¹⁵ Arellano M., Bover O. Another Look at the Instrumental Variable Estimation of Error-Components Models // Journal of Econometrics. 1995. Vol. 68, issue 1. Pp. 29–51. doi: [https://doi.org/10.1016/0304-4076\(94\)01642-D](https://doi.org/10.1016/0304-4076(94)01642-D)

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3
Фиктивные переменные времени / Dummy time variables	Да / Yes	Да / Yes
Число наблюдений / Observations	1 422	1 501
Число объектов / Objects	79	79
Число инструментов / Instruments	57	76
<i>Тест Ареллано – Бонда для первых разностей переменных / Arellano&Bond test in first differences</i>		
AR(1)	0,000	0,000
AR(2)	0,211	0,011
AR(3)	0,013	0,017
Тест Хансена на сверхидентифицирующие ограничения / Hansen test for overidentifying restrictions	0,038	0,972
<i>Тест Хансена на экзогенность подмножеств инструментов / Hansen test of exogeneity of instrument subsets</i>		
для переменных / for variables		0,464
для первых разностей переменных / for first differences of variables		0,735
<i>Тест разностей Хансена / Difference-in-Hansen test</i>		
для переменных / for variables		0,996
для первых разностей переменных / for first differences of variables		0,995

Примечание / Note. В круглых скобках приведены робастные стандартные ошибки. Значимость коэффициентов: *** – 1 %, ** – 5 %, * – 10 %. Для тестов приведены *p*-значения / Robust standard errors are given in parentheses. Coefficients significance: *** – 1%, ** – 5%, * – 10%. For tests *p*-values are given.

Основной результат, полученный в регрессии – значимое (на 1-процентном уровне при оценивании системным ОММ) влияние интегрального фактора климатических условий. При увеличении этого фактора на 1 условную единицу ВРП в среднем увеличится на 1,3 %. Учитывая таблицу 1 в части факторных нагрузок для первого фактора, полученную оценку можно интерпретировать как увеличение ВРП при расширении лесистости территорий и уменьшение ВРП при потеплении – увеличении средней месячной температуры воздуха, что соответствует опубликованным результатам [10; 11].

Также положительно значим фактор экономического положения региона.

В таблице 4 приведены оценки для логарифма ИПЦ. В модель включен один лаг зависимой переменной. Статистика Ареллано – Бонда показывает, что гипотеза о равенстве нулю автокорреляции второго порядка не может быть отклонена. Лаг зависимой переменной значим с положительным знаком, что соответствует известной модели адаптивных ожиданий.

Важным является значимость интегрального фактора климатических условий: при увеличении фактора на 1 условную единицу ИПЦ в среднем увеличится на 3 %. Фактически, учитывая таблицу 1 в части факторных нагрузок, увеличение ИПЦ связано с расширением лесистости территорий, а уменьшение – с потеплением, что соответствует, например, выводам К. Мукурджи и Б. Уаттара [6]. При этом влияние температуры воздуха на снижение уровня цен, по нашему мнению, опосредовано другими факторами, в частности, экономической активностью. Мы полагаем, что механизм такого влияния требует дополнительного анализа.

Таблица 4. Регрессия для логарифма индекса потребительских цен на все товары и услуги, регионы Российской Федерации, 2000–2020 гг.

Table 4. Regression for CPI logarithm, regions of the Russian Federation, 2000–2020

Переменные / Variables	Метод оценивания / Estimating method	
	Обобщенный метод моментов / General method of moments	Системный обобщенный метод моментов, двухшаговый / System general method of moments, two-step
Логарифм ИПЦ с лагом в 1 год / Logarithm of CPI with 1 year lag	0,023* (0,013)	0,022*** (0,007)
Интегральный фактор климатических условий / Integral factor of climatic conditions	0,004*** (0,001)	0,003*** (0,000)
Интегральный фактор экономического положения / Integral factor of economic situation	-0,002*** (0,000)	-0,001*** (0,000)
Константа / Constant	4,546*** (0,061)	4,554*** (0,035)
Индивидуальные эффекты по регионам / Individual effects by regions	Да / Yes	Да / Yes
Фиктивные переменные времени / Dummy time variables	Да / Yes	Да / Yes
Число наблюдений / Observations	1 501	1 580
Число объектов / Objects	79	79
Число инструментов / Instruments	59	78
<i>Тест Ареллано – Бонда для первых разностей переменных / Arellano&Bond test in first differences</i>		
AR(1)	0,000	0,000
AR(2)	0,313	0,259
Тест Хансена на сверхидентифицирующие ограничения / Hansen test for overidentifying restrictions	0,021	0,109
<i>Тест Хансена на экзогенность подмножеств инструментов / Hansen test of exogeneity of instrument subsets</i>		
для переменных / for variables		0,017
для первых разностей переменных / for first differences of variables		0,010
<i>Тест разностей Хансена / Difference-in-Hansen test</i>		
для переменных / for variables		0,888
для первых разностей переменных / for first differences of variables		0,947

Примечание / Note. В круглых скобках приведены робастные стандартные ошибки. Значимость коэффициентов: *** – 1 %, ** – 5 %, * – 10 %. Для тестов приведены *p*-значения / Robust standard errors are given in parentheses. Coefficients significance: *** – 1%, ** – 5%, * – 10%. For tests *p*-values are given.

Интегральный фактор экономического положения региона значим с отрицательным коэффициентом – инфляция снижается при улучшении характеристик экономического развития региона.

При применении ОММ для получения несмещенных оценок количество инструментов не должно превышать число регионов [18]. В регрессиях в таблицах 3 и 4 это правило выполняется в том числе и для системного ОММ.

Результаты в таблицах 3 и 4 достаточно устойчивы к методу оценивания, что позволяет сделать вывод о корректности расчетов.

Обсуждение и заключение. В работе получены количественные оценки влияния климатических характеристик на ключевые макроэкономические показатели монетарной политики на основе информационной базы по российским регионам. Применялась методология исследования, сочетающая использование факторного анализа по регионам при фиксированном годе и регрессионное моделирование с использованием интегральных факторов, полученных на предыдущем этапе, на панели данных по регионам.

Факторный анализ, примененный для двух групп экзогенных переменных, позволил выделить два интегральных общих фактора: климатический (основные нагрузки фактора образовывали лесистость территории и средняя месячная температура воздуха) и фактор экономического положения (основные нагрузки фактора – стоимость основных фондов экономики и среднедушевые денежные доходы населения).

Спецификации регрессионных моделей для ВРП на душу населения региона и индекса потребительских цен на все товары и услуги включали кроме выделенных интегральных факторов также лаговые значения объясняемых переменных для учета инерционности экономического развития и снижения возможной эндогенности в уравнениях. Параметры регрессий на панельных данных идентифицировались двумя методами – обобщенным методом моментов и системным обобщенным методом моментов.

Получено, что интегральный фактор климатических условий значимо (на 1-процентном уровне) положительно влияет на ВРП на душу населения, а также значимо (на 1-процентном уровне) положительно влияет на индекс потребительских цен.

Исследование с количественным анализом влияния климатических переменных на макроэкономические показатели монетарной политики по российским данным в региональном аспекте фактически является одним из первых. Эмпирическое изучение динамики макроэкономических процессов, связанных с монетарной политикой в контексте климата, позволило выявить на панельных данных по российским регионам значимое влияние изменений климата (повышение температуры воздуха, лесистость территории региона) на ключевые макроэкономические переменные, контролируемые при разработке и проведении мероприятий денежно-кредитной политики – ВРП и индекс потребительских цен.

Таким образом, объективно происходящие на территории российских регионов изменения климата способны отрицательно повлиять на экономическую ситуацию, что требует активизации внедрения и разработки мероприятий, направленных на улучшение экологической ситуации: снижение выбросов CO_2 , развитие и применение лесосберегающих технологий и т. п. Кроме того, в связи с инерционностью и глобальностью полное исключение климатических рисков не представляется возможным. Также при реализации денежно-кредитной политики необходимо учитывать изменение климатической ситуации.

Практическая значимость статьи заключается в количественном выражении полученных результатов, что позволяет использовать оценки для разработки мероприятий региональной политики на различных уровнях государственного управления. Перспективно дальнейшее исследование конкретных каналов влияния климатических изменений на эффективность трансмиссионного механизма монетарной политики России как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pretis F. Exogeneity in Climate Econometrics // *Energy Economics*. 2021. Vol. 96. doi: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105122>
2. Kolstad C. D., Moore F. C. Estimating the Economic Impacts of Climate Change Using Weather Observations // *Review of Environmental Economics and Policy*. 2020. Vol. 14, no. 1. doi: <https://doi.org/10.1093/reep/rez024>
3. Castle J. L., Hendry D. F. Climate Econometrics: An Overview // *Foundations and Trends in Econometrics*. 2020. Vol. 10, no. 3-4. Pp. 145–322. doi: <https://doi.org/10.1561/08000000037>
4. Golub A., Lugovoy O., Potashnikov V. Quantifying Barriers to Decarbonization of the Russian Economy: Real Options Analysis of Investment Risks in Low-Carbon Technologies // *Climate Policy*. 2019. Vol. 19, issue 6. Pp. 716–724. doi: <https://doi.org/10.1080/14693062.2019.1570064>
5. Carbon Budget of Managed Forests in the Russian Federation in 1990-2050: Post-Evaluation and Forecasting / D. G. Zamolodchikov [et al.] // *Russian Meteorology and Hydrology*. 2013. Vol. 38, issue 10. Pp. 701–714. doi: <https://doi.org/10.3103/S1068373913100087>
6. Mukherjee K., Ouattara B. Climate and Monetary Policy: Do Temperature Shocks Lead to Inflationary Pressures // *Climatic Change*. 2021. Vol. 167, issue 3. doi: <https://doi.org/10.1007/s10584-021-03149-2>
7. The Effects of Natural Disasters on Price Stability in the Euro Area / J. Beirne [et al.]. Berlin : German Institute for Economic Research, 2021. URL: https://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.829788.de/dp1981.pdf (дата обращения: 25.08.2022).
8. Faccia D., Parker M., Stracca L. Feeling the Heat: Extreme Temperatures and Price Stability. Working paper No. 2626. Frankfurt am Main : European central bank, 2021. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2626~e86e2be2b4.en.pdf> (дата обращения: 25.08.2022).
9. The Effects of Weather Shocks on Economic Activity: What are the Channels of Impact? / S. Acevedo [et al.] // *Journal of Macroeconomics*. 2020. Vol. 65. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2020.103207>
10. Bandt O., Jacolin L., Lemaire T. Climate Change in Developing Countries: Global Warming Effects, Transmission Channels and Adaptation Policies. Banque de France Working Paper No. 822. 2021. 68 p. URL: https://publications.banque-france.fr/sites/default/files/medias/documents/wp822_0.pdf (дата обращения: 25.08.2022).
11. Long-Term Macroeconomic Effects of Climate Change: A Cross-Country Analysis / M. E. Kahn [et al.]; NBER Working Paper No. 26167. 2019. doi: <https://doi.org/10.3386/w26167>
12. Kalkuhl M., Wenz L. The Impact of Climate Conditions on Economic Production. Evidence from a Global Panel of Regions // *Journal of Environmental Economics and Management*. 2020. Vol. 103. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2020.102360>
13. Оганесян В. В., Стерин А. М., Воробьева Л. Н. Потенциальные ущербы от опасных и неблагоприятных метеорологических явлений на территории Российской Федерации: региональные особенности // *Гидрометеорологические исследования и прогнозы*. 2021. № 1. С. 143–156. doi: <https://doi.org/10.37162/2618-9631-2021-1-143-156>
14. Арженовский И. В., Дахин А. В. Когнитивная регионология: опыт моделирования региональных социально-экономических процессов // *Регионология*. 2020. Т. 28, № 3. С. 470–489. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.112.028.202003.470-489>
15. Яковлева Е. Н., Яшалова Н. Н., Васильцов В. С. Климатическая безопасность Российской Федерации: статистика, факты, анализ // *Вопросы статистики*. 2020. № 2. С. 74–84. doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-2-74-84>
16. Методические подходы к оценке природно-климатических рисков в целях устойчивого развития государства / Е. Н. Яковлева [и др.] // *Ученые записки РГТМУ*. 2018. № 52. С. 120–137. URL: <https://www.rshu.ru/university/notes/archive/issue52/UZ-52el-120-137.pdf> (дата обращения: 25.08.2022).
17. Windmeijer F. A Finite Sample Correction for the Variance of Linear Efficient Two-step GMM Estimators // *Journal of Econometrics*. 2005. Vol. 126, issue 1. Pp. 25–51. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2004.02.005>

18. Roodman D. A Note on the Theme of Too Many Instruments // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2009. Vol. 71, issue 1. Pp. 135–158. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0084.2008.00542.x>

Поступила 19.09.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 17.10.2022.

Об авторах:

Арженовский Сергей Валентинович, доктор экономических наук, профессор, главный экономист Отделения по Ростовской области Южного главного управления Центрального банка Российской Федерации (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Соколова, д. 22а); профессор кафедры статистики, эконометрики и оценки рисков Ростовского государственного экономического университета (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8692-7883>, Researcher ID: L-2758-2016, Scopus ID: 56685608200, sarzhenov@gmail.com

Синявская Татьяна Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики, эконометрики и оценки рисков Ростовского государственного экономического университета (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4120-9180>, Scopus ID: 57210161952, sin-ta@yandex.ru

Никогосян Вардан Мнацаканович, кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики, эконометрики и оценки рисков Ростовского государственного экономического университета (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2963-5654>, don15@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

С. В. Арженовский – постановка научной проблемы; формулирование научной гипотезы исследования; определение методологии исследования; интерпретация полученных результатов.

Т. Г. Синявская – оценка моделей; проведение критического анализа материалов; интерпретация полученных результатов.

В. М. Никогосян – сбор и систематизация статистических данных; расчет моделей.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Pretis F. Exogeneity in Climate Econometrics. *Energy Economics*. 2021;96. doi: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105122>
2. Kolstad C.D., Moore F.C. Estimating the Economic Impacts of Climate Change Using Weather Observations. *Review of Environmental Economics and Policy*. 2020;14(1). doi: <https://doi.org/10.1093/reep/rez024>
3. Castle J.L., Hendry D.F. Climate Econometrics: An Overview. *Foundations and Trends in Econometrics*. 2020;10(3-4):145–322. doi: <https://doi.org/10.1561/08000000037>
4. Golub A., Lugovoy O., Potashnikov V. Quantifying Barriers to Decarbonization of the Russian Economy: Real Options Analysis of Investment Risks in Low-Carbon Technologies. *Climate Policy*. 2019;19(6):716–724. doi: <https://doi.org/10.1080/14693062.2019.1570064>
5. Zamolodchikov D.G., Grabovskii V.I., Korovin G.N., et al. Carbon Budget of Managed Forests in the Russian Federation in 1990–2050: Post-Evaluation and Forecasting. *Russian Meteorology and Hydrology*. 2013;38(10):701–714. doi: <https://doi.org/10.3103/S1068373913100087>
6. Mukherjee K., Ouattara B. Climate and Monetary Policy: Do Temperature Shocks Lead to Inflationary Pressures. *Climatic Change*. 2021;167(3). doi: <https://doi.org/10.1007/s10584-021-03149-2>
7. Beirne J., Dafermos Y., Kriwoluzky A., Renzhi N., Volz U., Wittich J. The Effects of Natural Disasters on Price Stability in the Euro Area. Berlin: German Institute for Economic Research; 2021. Available at: https://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.829788.de/dp1981.pdf (accessed 25.08.2022).
8. Faccia D., Parker M., Stracca L. Feeling the Heat: Extreme Temperatures and Price Stability. Working paper no. 2626. Frankfurt am Main: European central bank; 2021. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2626~e86e2be2b4.en.pdf> (accessed 25.08.2022).

9. Acevedo S., Mrkaic M., Novta N., Pugacheva E., Topalova P. The Effects of Weather Shocks on Economic Activity: What are the Channels of Impact? *Journal of Macroeconomics*. 2020;65. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2020.103207>
10. Bandt O., Jacolin L., Lemaire T. Climate Change in Developing Countries: Global Warming Effects, Transmission Channels and Adaptation Policies. Banque de France Working Paper No. 822. 2021. Available at: https://publications.banque-france.fr/sites/default/files/medias/documents/wp822_0.pdf (accessed 25.08.2022).
11. Kahn M.E., Mohaddes K., Ng R.N.C., Pesaran M.H., Raissi M., Jui-Chung Yang. Long-Term Macroeconomic Effects of Climate Change: A Cross-Country Analysis. NBER Working Paper No. 26167. 2019. doi: <https://doi.org/10.3386/w26167>
12. Kalkuhl M., Wenz L. The Impact of Climate Conditions on Economic Production. Evidence from a Global Panel of Regions. *Journal of Environmental Economics and Management*. 2020;103. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2020.102360>
13. Oganessian V.V., Sterin A.M., Vorobyova L.N. Potential Damage from Severe and Adverse Weather Events in the Russian Federation: Regional Features. *Hydrometeorological Research and Forecasts*. 2021;(1):143–156. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.37162/2618-9631-2021-1-143-156>
14. Arzhenovskiy I.V., Dakhin A.V. Cognitive Regionology: The Experience of Modeling Regional Socio-Economic Processes. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2020;28(3):470–489. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.112.028.202003.470-489>
15. Yakovleva E.N., Yashalova N.N., Vasil'tsov V.S. Climate Security of the Russian Federation: Statistics, Facts, Analysis. *Voprosy statistiki*. 2020;(2):74–84. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-2-74-84>
16. Yakovleva E.N., Yashalova N.N., Ruban D.A., Vasil'tsov V.S. Methodological Approaches to Valuation of Natural-Climatic Risks for the Purposes of Country's Sustainable Development. *Proceedings of the Russian State Hydrometeorological University*. 2018;(52):120–137. Available at: <https://www.rshu.ru/university/notes/archive/issue52/UZ-52el-120-137.pdf> (accessed 25.08.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Windmeijer F. A Finite Sample Correction for the Variance of Linear Efficient Two-step GMM Estimators. *Journal of Econometrics*. 2005;126(1):25–51. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2004.02.005>
18. Roodman D. A Note on the Theme of Too Many Instruments. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2009;71(1):135–158. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0084.2008.00542.x>

Submitted 19.09.2022; revised 05.10.2022; accepted 17.10.2022.

About the authors:

Sergey V. Arzhenovskiy, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head Economist, Rostov Regional Division of the Southern Main Branch of the Central Bank of the Russian Federation (22a Sokolov ave., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation); Department of Statistics, Econometrics and Risk Assessment, Rostov State University of Economics (69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8692-7883>, Researcher ID: L-2758-2016, Scopus ID: 56685608200, sarzhenov@gmail.com

Tatiana G. Sinyavskaya, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Statistics, Econometrics and Risk Assessment, Rostov State University of Economics (69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4120-9180>, Scopus ID: 57210161952, sin-ta@yandex.ru

Vardan M. Nikoghosyan, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Statistics, Econometrics and Risk Assessment, Rostov State University of Economics (69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2963-5654>, don15@mail.ru

Contribution of the authors:

S. V. Arzhenovskiy – putting forward a scientific problem; formulation of the scientific hypothesis of the study; definition of research methodology; interpretation of the obtained results.

T. G. Sinyavskaya – estimation of models; critical analysis of materials; interpretation of the obtained results.

V. M. Nikoghosyan – collection and systematization of statistical data; estimation of models.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 332.1(470+571)

doi: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.087-106

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

«Мягкие» факторы обеспечения пространственной интеграции северных регионов России

С. А. Кожевников

*Вологодский научный центр Российской академии наук
(г. Вологда, Российская Федерация)
kozhevnikov_sa@bk.ru*

Аннотация

Введение. В науке не сложилось однозначного понимания факторов, которые обеспечивают пространственную интеграцию на практике. Опыт развитых стран мира свидетельствует о повышении роли неэкономических («мягких») факторов, к которым относятся тесные социальные связи территорий. Цель статьи – проанализировать социальные связи населения северного региона России как «мягкого» фактора интеграции социально-экономического пространства.

Материалы и методы. Объект исследования – Европейский Север России как открытая региональная социально-экономическая система. Теоретическая часть исследования базируется на критическом анализе научной литературы по проблематике пространственной интеграции и исследования социальных связей как фактора, ее обеспечивающего. Аналитическая часть работы опирается на использование методического подхода к исследованию социальных связей территорий, базирующегося на результатах комплексного анализа Big Data социальной сети «ВКонтакте», а также социологических опросов жителей.

Результаты исследования. Обоснована роль социальных связей как «мягкого» фактора пространственной интеграции. С использованием разработанного методического подхода выявлены внутренние социальные связи северного региона, тенденции к их пространственной трансформации, связанные с активным центростремительным вектором миграции населения в крупные города региона, а также в Санкт-Петербург и Москву. Это ведет к активизации агломерационных процессов и разрыву связей с удаленными территориями.

Обсуждение и заключение. Подтверждена гипотеза о наличии более тесных связей между соседними территориями, что особенно явно проявляется для Архангельской и Вологодской областей. Однако для углубления интеграционных процессов наряду с этим важно поддерживать их производственно-хозяйственные, культурные, образовательные и другие связи. Научная значимость работы заключается в расширении подходов к исследованию факторов пространственной интеграции, обосновании инструментария комплексной оценки социальных связей территорий. Выявленные тенденции и направления пространственной трансформации социальных связей Европейского Севера России послужат основой для разработки эффективных управленческих решений в сфере координации социально-экономического развития северных территорий России.

Ключевые слова: экономическое пространство, пространственная интеграция, северные регионы России, «мягкие» факторы, социальные связи

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензентам и редакции журнала «Регионоведение» за ценные рекомендации, замечания и советы, которые помогли улучшить качество текста.

© Кожевников С. А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для Вологодского научного центра Российской академии наук по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Для цитирования: Кожевников С. А. «Мягкие» факторы обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 87–106. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.087-106>

Original article

“Soft” Factors for Ensuring Spatial Integration of Russia’s Northern Regions

S. A. Kozhevnikov

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Vologda, Russian Federation)
kozhevnikov_sa@bk.ru

Abstract

Introduction. Despite the fact that the problem of spatial integration is widely studied by scientists, science has not developed an unambiguous understanding of the factors that ensure it in practice. At the same time, the experience of developed countries indicates an increase in the role of non-economic (“soft”) factors, which include close social ties between territories. The purpose of the article is to study the social ties of the population of the northern regions of Russia from the standpoint of considering them as a “soft” factor in the integration of the socio-economic space.

Materials and Methods. The object of research is the European North of Russia as an open regional socio-economic system. The theoretical part of the study is based on a critical analysis of the scientific literature on the issues of spatial integration and the study of social ties as a factor that ensures it. The analytical part is based on the use of a sound methodological approach to the study of social ties of territories, based on the results of a comprehensive analysis of the Big Data of the social network “VKontakte”, as well as sociological surveys of residents.

Results. The role of social ties as a “soft” factor of spatial integration is substantiated. Using the developed methodological approach, the internal social ties of the northern territories, the trends towards their spatial transformation associated with the active centripetal vector of population migration to the large cities of the region, as well as St. Petersburg and Moscow, have been revealed. This leads both to the activation of agglomeration processes and to the rupture of ties with remote territories.

Discussion and Conclusion. The hypothesis about the presence of closer ties between neighboring territories is confirmed, which is especially evident for the Arkhangelsk and Vologda regions. However, in order to deepen integration processes, it is also important to support their production, economic, cultural, educational and other ties. The scientific significance of the work lies in the expansion of approaches to the study of spatial integration factors; substantiation of tools for a comprehensive assessment of the social ties of territories. The practical significance lies in identifying trends and directions for the spatial transformation of the social ties of the European North of Russia, which will serve as the basis for the development of effective management decisions in the field of coordinating the socio-economic development of the northern territories of Russia.

Keywords: economic space, spatial integration, North of Russia, “soft” factors, social ties

Conflict of interests. The author declares that there is not conflict of interest.

Acknowledgements. The author is grateful to the reviewers and editors of the Russian Journal of Regional Studies for valuable recommendations, comments and advice that helped improve the quality of the text.

Funding. The paper was prepared within the framework of the state task for Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences on the topic of research FMGZ-2022-0012 “Drivers and methods of sustainable socio-economic development of territorial systems in a changing external and internal environment”.

For citation: Kozhevnikov S.A. “Soft” Factors for Ensuring Spatial Integration of Russia’s Northern Regions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):87–106. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.087-106>

Введение. Следствием перехода России к рынку в 1990-е гг. стали трансформация, ослабление или вовсе разрушение существующих технологических, кооперационных, социальных и иных связей ее регионов. На данном этапе отношения конкуренции между территориями стали преобладать над их кооперацией, что привело к нарастанию процессов дезинтеграции пространства страны [1].

Особенно негативно происходящие процессы отразились на социально-экономическом развитии северных территорий, составляющих в соответствии с действующим законодательством 2/3 площади страны. В частности, они привели к активной миграции населения в более южные субъекты Российской Федерации, демографическому и экономическому «опустыниванию» данных регионов, разрушению расселенческого и производственного каркасов, разобщению региональных социумов¹ [2].

В связи с этим в науке и практике государственного управления пришло понимание необходимости координации усилий регионов по решению общих проблем развития, обеспечения пространственной интеграции их экономик² [3]. Особую важность эта тематика приобретает в свете утверждения в 2019 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., в которой в качестве одной из ключевых проблем пространственного развития современной России обозначен *нереализованный потенциал межрегионального и межмуниципального взаимодействия*, а среди перспективных принципов обеспечения такого взаимодействия – необходимость координации и согласованного развития регионов России, в том числе с учетом их этнокультурного фактора. При этом инструментом реализации такого потенциала обозначена необходимость формирования и развития макрорегионов. Входящие в их состав субъекты Российской Федерации должны иметь не только сложившиеся экономические, но и *социально-культурные связи*.

Несмотря на то, что проблематика интеграции/дезинтеграции национального и регионального пространства широко исследуется в научных публикациях³ [4; 5], в науке по-прежнему не сложилось однозначного понимания групп и значимости факторов, которые обеспечивают на практике такую интеграцию. Вместе с тем современный этап развития мировой экономики и общества, характеризующийся активизацией процессов цифровизации хозяйственной деятельности и общественных отношений в целом, развитием технологических, социальных и иных инноваций на основе активизации горизонтальных связей экономических агентов, свидетельствует о повышении роли *неэкономических («мягких») факторов* развития и интеграции пространства страны, к которым исследователями относятся преимущественно сложившиеся социальные связи территорий⁴.

¹ Человеческий потенциал освоения нефтегазовых ресурсов Арктики и Субарктики : моногр. / отв. ред. А. Н. Силин. Тюмень : ТИУ, 2016. 149 с.; Дрегалю А. А., Ульяновский В. И. Социокультурная динамика социального пространства Севера : моногр. / Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск : САФУ, 2017. 252 с.

² Курушина Е. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. Тюмень : ТИУ, 2019. 176 с.

³ Uszakai A. Spatial Integration and Identity: Cases of Border Regions // GAI International Academic Conferences Proceedings Prague, Czech Republic. 2015. Vol. 7, no. 10. Pp. 24–36.

⁴ Смородинская Н. В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М. : ИЭ РАН, 2015. 344 с.

В свою очередь, существующая литература, а также данные официальной статистики дают неполное представление о наличии и направленности таких связей северных территорий России. Эти обстоятельства и обусловили актуальность представленного исследования.

Цель статьи – изучить сложившиеся социальные связи населения северных территорий России в качестве «мягкого» фактора обеспечения интеграции национального и регионального социально-экономического пространства.

Объектом исследования является Европейский Север России (ЕСР), состав которого, согласно действующему Общероссийскому классификатору экономических регионов ОК 024-95 (утв. Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 г. № 640), территориально повторяет границы Северного экономического района, существовавшего в период СССР, и включает в себя Архангельскую, Мурманскую области, Республику Карелия, Республику Коми, Ненецкий автономный округ. В состав ЕСР, на наш взгляд, справедливо включена и Вологодская область, поскольку она исторически относилась к Северу в рамках системы экономического районирования СССР (входила в состав Северного края (1929–1936 гг.), Северного экономического района (1982 г. – настоящее время). На определенном этапе все эти территории полностью относились к крупному Северо-Западному экономическому району, а в настоящее время они являются частью Северо-Западного федерального округа (СЗФО).

Среди всей зоны Севера России территории Европейского Севера обособляются и объединяются в региональную социально-экономическую систему по критерию целостности и их взаимосвязанности. В частности, данные территории характеризуются:

- сложными природно-климатическими условиями (в разной степени экстремальными, суровыми, неблагоприятными);
- общностью исторического пути развития (эти же территории в науке и практике государственного управления рассматриваются в качестве единого социокультурного региона – Русского Севера – имеющего общую историю, культуру, традиции), расселенческого и производственного каркасов, схожестью проблем жизнедеятельности, требующих совместного решения;
- открытостью и наличием тесных экономических связей (инфраструктурных, производственных и др.), законченностью основных воспроизводственных процессов, сформировавшейся специализацией в рамках национальной экономики.

На основании вышесказанного можно отметить, что данные территории в совокупности отвечают всем критериям выделения регионального пространства, которое в силу свойства фрактальности является составным элементом национального социально-экономического пространства за счет развития горизонтальных связей «регион – регион».

Применение используемого нами методического подхода позволит не только обосновать направления государственной политики по повышению связности и развитию пространственной интеграции на основе усиления роли «мягких» факторов, но и расширить теоретико-методические основы изучения таких связей с учетом пространственного фактора.

Обзор литературы. В настоящее время в научной среде имеет место дискуссионность относительно понимания сущности и природы категории «пространственная интеграция». В результате этого сложилось несколько методологических подходов к ее трактовке и исследованию.

Одни ученые рассматривают пространственную интеграцию весьма широко, с позиции формирования единого национального и регионального пространств («широкий» подход) [6]. Под интеграцией они понимают такое состояние пространства, когда усилиями органов власти всех уровней и хозяйствующих субъектов минимизированы или вовсе устранены барьеры для активизации меж- и внутрирегиональных связей и взаимодействий. Данный подход в концептуальном плане близок к сущности «негативной» интеграции, развиваемой в XX в. в школах международной экономической интеграции [7]. Однако он, на наш взгляд, не дает понимания природы движущих сил, обеспечивающих активизацию таких взаимодействий.

Другие исследователи трактуют пространственную интеграцию как процесс, характеризующийся ростом связности сегментов пространства вследствие увеличения масштабности и интенсивности экономических, социальных, культурных и других контактов между его элементами [8; 9]. Такой «поточковый» подход к трактовке и исследованию интеграции получил распространение и в зарубежных исследованиях, в том числе при анализе особенностей, проблем интеграции периферии и «центрального» города [10; 11]. Однако наличие и развитие потоков между территориями не всегда может свидетельствовать о существовании интеграционных процессов, возникновении новой системы с новым качеством. Пример того – опыт торговой кооперации приграничных субъектов Российской Федерации и зарубежных стран (Карелии и Финляндии, субъектов Восточной Сибири и Китая).

Более четкую и, на наш взгляд, практически значимую трактовку этой категории дает член-корреспондент РАН В. Н. Лаженцев, когда рассматривает пространственную интеграцию как управляемую кооперацию пространственно распределенных субъектов (регионов, муниципальных образований, хозяйствующих субъектов) при реализации совместных проектов на поле общей хозяйственной и социально-экономической деятельности [12]. Возникновение такой кооперации вызвано необходимостью консолидации потенциала территорий для решения общих проблем и задач развития в рамках реализации совместных экономических, социальных, экологических проектов (*проектный подход*) [13]. По своей природе этот подход имеет определенные точки соприкосновения с «поточковым», поскольку материальным измерением межтерриториального взаимодействия будет наличие потоков товаров, факторов производства, инвестиций и т. п.

Иными словами, пространственная интеграция как категория включает в себя не только экономический (хозяйственно-производственный) аспект взаимодействия, но и социальное, культурное сотрудничество⁵ [14; 15], осознание их идентичности, отсутствие культурных и политических противоречий [16]. Важную роль в этих процессах играет социальная интеграция, которая обеспечивается

⁵ Экономическая интеграция: пространственный аспект / под общ. ред. П. А. Минакира. М. : Экономика, 2004. 360 с.

не только единством языка, культуры, но и существованием устойчивых межличностных социальных связей населения⁶.

Именно на развитие этих «мягких» факторов интеграции в настоящее время обращают значительное внимание в исследованиях зарубежные коллеги. Так, среди условий и факторов пространственного развития и интеграции регионов, наряду с их инфраструктурной обустроенностью, физическим и экономическим расстоянием, ученые выделяют их социальную, институциональную, организационную и иные виды близости. При этом ведущий в этих вопросах голландский ученый Р. Бошма в своих работах выделяет пять типов близости (пространственную, социальную, институциональную, организационную, когнитивную) [17], а его коллега француз А. Торре делает акцент лишь на двух ее формах – географической и организованной близости [18]. Последняя, на наш взгляд, так или иначе интегрирует со второго по четвертый типы близости в интерпретации Р. Бошмы. Оба автора обосновывают, что в настоящее время любой из таких типов близости является одним из ключевых факторов, определяющих потенциал реального взаимодействия агентов, перетока неявного знания в инновационном процессе и т. п.

При исследовании вопросов пространственной интеграции северных территорий в данной работе акцент сделаем на изучение именно их социальной близости (в терминологии Р. Бошмы – это, прежде всего, существующие социальные связи), поскольку для Севера и Арктики именно она, как показывают исследования⁷ и мировая практика, является доминантной для успешной реализации локальных и межрегиональных интеграционных проектов в социальной, хозяйственной и экологической сферах.

В целом исследование близости и социальных связей регионов стало активно использоваться в последние полвека. Так, в 1969 г. С. Милгрэм на основе своего эксперимента выявил феномен «маленького мира» («шести рукопожатий»)⁸. В свою очередь, М. Грановеттер показал особенности формирования групп и существование различного рода социальных связей между их участниками. Именно слабые связи, по его мнению, свойственны сетевым организациям и рыночным обществам и способствуют информационному обмену и влиянию. Сосуществование слабых и сильных внутренних связей региона с сильными внешними связями позволяет не только обеспечить интеграцию регионального пространства, но и облегчает развитие инновационного процесса на территории за счет импорта новых идей и знания⁹.

Повсеместная цифровизация общественной жизни привела к тому, что исследование онлайн-взаимодействий особенно хорошо подходит для понимания сложившихся реальных социальных связей в обществе [19]. В отечественных

⁶ Стержнева М. В. Европейский Союз и СНГ: Сравнительный анализ институтов. М. : МОНФ, 1999. 265 с.

⁷ Эти аспекты применительно к вопросам трансформации и интеграции пространства Севера и Арктики довольно обстоятельно рассматривались Н. Ю. Замятиной и А. Д. Яшунским. См.: Замятина Н. Ю., Яшунский А. Д. Миграции с Севера: социальные сети и ментальная «близость» // Внеэкономические факторы пространственного развития : сб. ст. М. : Эслан, 2015. С. 147–173.

⁸ Travers J., Milgram S. An Experimental Study of the Small World Problem // Sociometry. 1969. Vol. 32, no. 4. Pp. 425–443. doi: <http://dx.doi.org/10.2307/2786545>

⁹ Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Psychology. 1973. Vol. 78, issue 6. Pp. 1360–1380.

публикациях для исследования социальных связей используются в основном данные ресурса «ВКонтакте». Так, среди наиболее известных работ по анализу Big Data социальной сети отметим публикацию Н. Ю. Замятиной, где исследованы миграционные установки молодежи, в том числе связанные с влиянием на эти процессы крупных университетов, расположенных на территории регионов [20]. При непосредственном участии Н. Ю. Замятиной в 2015 г. был разработан аналитический ресурс «Виртуальное население России», представляющий собой картографические материалы о социальных связях регионов и муниципальных образований, составленные на основе материалов крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте».

О. Д. Ивлиева и А. Д. Яшунский в своей работе исследовали межрегиональные социальные связи в России и показали наличие обратной зависимости между силой и масштабом таких связей от географического расстояния между населенными пунктами [21]. Н. С. Лебедкина, Ю. К. Александрова, В. В. Орлова проанализировали миграционные установки населения отдельных регионов России [22]; И. П. Смирнов, Д. М. Виноградов, Д. М. Алексеев изучили роль Москвы, Санкт-Петербурга и Твери как центров миграционного притяжения населения Тверской области [23].

Активно большие данные соцсетей используются при исследовании социальных связей малых народов Севера [24], групп по интересам, например, протестных сообществ [25] и т. п. Данные социальной сети «ВКонтакте» Л. Чернышева и Э. Гизатуллина использовали для изучения особенностей и практик гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга [26]. О. Васильева и В. Удовенко проанализировали основные демографические показатели нескольких сельских поселений Ленинградской области с помощью данных, представленных в группах этих сельских поселений в социальной сети. На основе полученной информации была дана характеристика пространственной активности населения, в том числе мобильности группы жителей изучаемых населенных пунктов, являющихся участниками социальной сети [27].

Несмотря на накопленный опыт проведения таких исследований, проблематика оценки социальных связей территорий в контексте обеспечения пространственной интеграции страны требует дальнейшей проработки с точки зрения объективной оценки уровня и направленности их трансформации.

Материалы и методы. В работе обоснован и апробирован методический подход к исследованию «мягких» факторов пространственной интеграции регионов России, позволяющий оценить текущее состояние и направленность развития социальных связей северных территорий (сетей «дружбы» жителей, пространственное распределение существующих родственных, культурных и иных связей).

Инструментарий включает в себя сбор и анализ Big Data социальной сети «ВКонтакте», а также результатов массовых опросов жителей крупных городов (на примере г. Вологды и г. Череповца), что позволяет оценить и верифицировать полученные результаты, касающиеся особенностей развития процессов в пространстве северных территорий.

Обоснованность использования больших данных «ВКонтакте» обусловлена тем, что данная платформа в настоящее время является самой крупной и популярной социальной сетью в России. Ее дневная аудитория составляет порядка

50 млн чел., что почти в 6 раз больше второй по популярности социальной сети «Одноклассники»¹⁰.

Сбор Big Data будет осуществляться с помощью сервиса TargetHunter¹¹, являющегося официальным партнером «ВКонтакте» и предлагающего более 90 инструментов для поиска и аналитики открытых данных о пользователях соцсети (возраст, пол, родной город, образование, география проживания и учебы, родственные и дружеские связи, данных о сообществах, в которых состоит пользователь, категории интересов и т. п.).

Опросы населения жителей г. Вологды и г. Череповца были проведены в Вологодском научном центре РАН и обработаны при непосредственном участии автора (по 800 чел. в каждом городе в привязке к половозрастной структуре населения данных городов и их микрорайонам, что обеспечивает ошибку выборки в пределах 3–4 %) ¹².

Результаты исследования. Как уже отмечалось, к сильным социальным связям обычно относят родственные и дружественные связи; к слабым – связи между соседями, знакомыми, знакомыми знакомых, коллегами и т. п. Также выделяют очень слабые связи – отношения между людьми, которые периодически пересекаются, каким-то образом присутствуют в жизни друг друга, но не имеют между собой тесного контакта¹³.

Сначала проведем оценку слабых и очень слабых социальных связей жителей субъектов Европейского Севера России. Для этого с помощью сервиса TargetHunter были собраны все сообщества (группы, паблики), география которых привязана к субъектам ЕСР. В дальнейшем с помощью алгоритмов сервиса данные сообщества были очищены от неактивных и фейковых страниц (так называемых ботов), которые не отражают реально стоящих за ними людей.

Далее было проведено исследование характеристик участников сообществ, а именно географии их проживания. При этом внимание было уделено анализу доли таких участников в общем количестве зарегистрированных пользователей в данном населенном пункте. Именно этот показатель, на наш взгляд, более корректно показывает пространственную направленность слабых социальных связей. Например, среди участников сообществ Вологодской области (всего их 4 829 682 чел.) из г. Санкт-Петербурга было 60 985 чел., из г. Москвы – 26 726 чел., что составляет 4,84 и 2,12 % общей аудитории данных сообществ. Однако относительно общего количества пользователей данных мегаполисов – это лишь 0,40 и 0,09 % соответственно. Напротив, жители Вельска составляют только 0,16 % общего количества участников сообществ Вологодской области, однако их доля в общем количестве зарегистрированных пользователей Вельска – 5,7 %.

По такому принципу была сформирована таблица 1. Поскольку в настоящее время большинство в общем количестве сообществ региона имеет геолокацию

¹⁰ Дневная аудитория ВКонтакте выросла на 4 млн – до рекордных 50 млн пользователей [Электронный ресурс] // ВКонтакте : сайт. URL: <https://vk.com/press/users-monthly-activity> (дата обращения: 30.06.2022).

¹¹ Официальный сайт сервиса TargetHunter [Электронный ресурс]. URL: <https://targethunter.ru/> (дата обращения: 30.06.2022).

¹² От всех респондентов было получено информированное согласие на участие в исследовании и обработку полученных ответов с учетом соблюдения принципов обобщения и конфиденциальности результатов.

¹³ Granovetter M. The Strength of Weak Ties.

в г. Вологде и г. Череповце, то получилась определенная закономерность: чем ближе населенный пункт к крупным городам области, тем выше в нем доля от общего количества зарегистрированных пользователей, состоящих в исследуемых сообществах (например, для Грязовца, Кадникова, Шексны, Сокола она составляет 20–30 %). С увеличением географического расстояния данная доля имеет тенденцию к снижению.

Т а б л и ц а 1. География участников сообществ Вологодской области в социальной сети «ВКонтакте» (на 30 июня 2022 г.)¹⁴, %

Table 1. Geography of community members of the Vologda Region in the social network “VKontakte” (as of June 30, 2022), %

Населенный пункт / Locality	Доля в общем количестве пользователей в данном населенном пункте / Share in the total number of users in this locality	Доля в общем количестве участников сообществ Вологодской области / Share in the total number of community members in the Vologda Region
Грязовец / Gryazovets	29,5	0,31
Кадников / Kadnikov	29,3	0,08
Тотьма / Tot'ma	27,2	0,21
Череповец / Cherepovets	26,9	8,72
Вологда / Vologda	26,0	14,42
Шексна / Sheksna	24,5	0,26
Сокол / Sokol	19,2	0,68
Великий Устюг / Veliky Ustyug	14,6	0,47
Онега / Onega	5,9	0,08
Вельск / Velsk	5,7	0,16
Няндомы / Nyandoma	5,1	0,08
Кондопога / Kondopoga	3,9	0,10
Сегежа / Segezha	3,6	0,08
Котлас / Kotlas	3,4	0,18
Коряжма / Koryazhma	3,3	0,09

В характере таких зависимостей можно проследить также существующие реальные социальные связи в рамках развивающихся агломерационных процессов.

Если опуститься на локальный уровень и рассмотреть отдельно сообщества г. Вологды, г. Сокола и г. Грязовца, то можно увидеть сильное пересечение участников и наличие общих сегментов. Так, в настоящее время жители г. Вологды являются самой большой категорией среди участников сообществ г. Сокола (они составляют 11 % от их общего числа), а среди участников сообществ г. Грязовца на них приходится 14 %.

К таким же выводам можно прийти при анализе результатов социологических опросов населения г. Вологды. Так, наиболее тесное социально-экономическое взаимодействие жителей областного центра осуществляется с соседним Вологодским районом: 41,4 % ответивших имеют здесь дачу, земельный участок, загородный дом; 27,4 % жителей навещают родственников, проживающих в этом муниципальном районе; 25,4 % респондентов направляются туда на рыбалку, охоту и сбор ягод, т. е. так или иначе связаны с этими локальными обществами (табл. 2). Кроме того, порядка 13 % жителей работают в организациях, расположенных в Вологодском районе.

¹⁴ Источник: рассчитано автором по данным, собранным с помощью сервиса TargetHunter.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов г. Вологды на вопрос «С какой целью Вы и члены Вашей семьи посещаете следующие муниципальные районы Вологодской области?», % от числа опрошенных¹⁵

Table 2. Distribution of respondents' answers in the city of Vologda to the question "For what purpose do you and your family members visit the following municipal districts of the Vologda Region?", % of the number of respondents

Вариант ответа / Answer options	Годы / Years		
	2017	2019	2021
<i>Вологодский район / Vologda district</i>			
Имею свою дачу, земельный участок, загородный дом, квартиру / I have my own dacha, land plot, country house, apartment	42,3	53,3	41,4
Не посещаю этот район / I do not visit the district	34,3	23,3	35,5
Навещаю родственников / I visit relatives	32,8	32,1	27,4
Рыбалка, охота, сбор ягод и грибов / For fishing, hunting, picking berries and mushrooms	29,9	28,0	25,4
Осуществляю закупку продукции для личного потребления / I procure products for personal use	21,0	17,6	16,9
Посещаю культурные, спортивные мероприятия / I attend cultural, sport events	18,4	18,3	13,0
Имею здесь постоянную работу / I have a permanent job here	20,4	18,6	12,6
<i>Грязовецкий район / Gryazovetsky district</i>			
Не посещаю этот район / I do not visit the district	73,5	72,1	75,8
Рыбалка, охота, сбор ягод и грибов / For fishing, hunting, picking berries and mushrooms	14,5	8,9	11,0
Навещаю родственников / I visit relatives	13,0	9,5	10,0
Имею свою дачу, земельный участок, загородный дом, квартиру / I have my own dacha, land plot, country house,	6,9	5,0	7,3
Осуществляю закупку продукции для личного потребления / I procure products for personal use	1,4	0,5	2,5
Посещаю культурные, спортивные мероприятия / I attend cultural, sport events	1,9	0,6	2,3
<i>Сокольский район / Sokolsky district</i>			
Не посещаю этот район / I do not visit the district	72,0	66,8	70,1
Навещаю родственников / I visit relatives	13,3	11,9	14,6
Рыбалка, охота, сбор ягод и грибов / For fishing, hunting, picking berries and mushrooms	16,6	15,3	12,5
Имею свою дачу, земельный участок, загородный дом, квартиру / I have my own dacha, land plot, country house,	7,5	6,6	7,4
Посещаю санаторий, базы отдыха, туристические объекты / I visit sanatorium, recreation centers, tourist facilities	2,3	2,0	2,8
Осуществляю закупку продукции для личного потребления / I procure products for personal use	0,9	3,1	2,1

В Сокольском районе 14,6 % ответивших навещают родственников, 12,5 – направляются туда на рыбалку, охоту и сбор ягод, 7,4 % – имеют тут свою дачу, загородный дом и т. п. Аналогичная ситуация отмечается и в Грязовецком районе. Все это свидетельствует о том, что в настоящее время между Вологодой и близлежащими районами сложились тесные социальные, культурные, экономические и прочие связи.

Аналогичные выводы можно сделать для г. Череповца и окружающих его районов. В частности, порядка 37 % жителей города в настоящее время

¹⁵ Источник: результаты опросов жителей г. Вологды в 2017, 2019, 2021 гг.

имеют дачу, земельный участок, загородный дом в Череповецком районе (12 % – в Шекснинском, 8 % – в Белозерском), треть – навещают там родственников (15 и 13 % соответственно), 19 % – ездят туда на рыбалку, охоту и для сбора ягод/грибов (по 14 %). При этом почти 17 % жителей города постоянно работают в Череповецком районе.

При этом с точки межрегиональных связей Вологодская область имеет более тесные слабые социальные связи с Архангельской областью. В частности, об этом свидетельствует то, что около 3–6 % зарегистрированных пользователей из населенных пунктов этого субъекта Федерации состоят в сообществах Вологодской области. Определенные связи прослеживаются также с Республикой Карелия (г. Сегежа).

В таблице 3 представлена обобщающая информация по другим субъектам Европейского Севера России. Из нее следует, что Архангельская область более тесно связана с Вологодской областью и Республикой Коми; Республика Коми имеет более слабо выраженные межрегиональные социальные связи, но они тоже в основном представлены близлежащими географическими соседями. Социальные связи Ненецкого автономного округа преимущественно анклавируются внутри округа; внешние по отношению к нему связи имеют место в основном с Архангельской областью. Население Республики Карелия в данного рода контактах больше всего тяготеет к Ленинградской области и г. Санкт-Петербургу.

Т а б л и ц а 3. География участников сообществ субъектов Европейского Севера России в социальной сети «ВКонтакте» (по состоянию на 30 июня 2022 г.)¹⁶, %

Table 3. Geography of community members of subjects of the European North of Russia in the social network “VKontakte” (as of June 30, 2022), %

Населенный пункт / Locality	Доля в общем количестве пользователей в данном населенном пункте / Share in the total number of users in this locality	Доля в общем количестве участников сообществ исследуемого субъекта Федерации / Share in the total number of participants in communities of the studied subject of the Russian Federation
1	2	3
<i>Архангельская область / Arkhangelsk Region</i>		
Нарьян-Мар (Ненецкий автономный округ) / Naryan-Mar (Nenets Autonomous Area)	8,30	0,34
Сыктывкар (Республика Коми) / Syktyvkar (Komi Republic)	1,80	0,10
Великий Устюг (Вологодская область) / Veliky Ustyug (Vologda Region)	0,80	0,05
Вологда (Вологодская область) / Vologda (Vologda Region)	0,50	0,45
<i>Республика Коми / Komi Republic</i>		
Котлас (Архангельская область) / Kotlas (Arkhangelsk Region)	0,80	0,08
Киров (Кировская область) / Kirov (Kirov Region)	0,40	0,44

¹⁶ Источник: рассчитано автором по данным, собранным с помощью сервиса TargetHunter.

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3
Вологда (Вологодская область) / Vologda (Vologda Region)	0,20	0,22
Кострома (Костромская область) / Kostroma (Kostroma Region)	0,15	0,08
Сургут (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) / Surgut (Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra)	0,10	0,08
<i>Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area</i>		
Архангельск (Архангельская область) / Arkhangelsk (Arkhangelsk Region)	1,15	2,55
Северодвинск (Архангельская область) / Severodvinsk (Arkhangelsk Region)	0,48	0,41
Великий Устюг (Вологодская область) / Veliky Ustyug (Vologda Region)	0,48	0,08
Котлас (Архангельская область) / Kotlas (Arkhangelsk Region)	0,32	0,09
Сыктывкар (Республика Коми) / Syktyvkar (Komi Republic)	0,20	0,33
<i>Республика Карелия / Republic of Karelia</i>		
Тихвин (Ленинградская область) / Tikhvin (Leningrad Region)	5,10	0,11
Выборг (Ленинградская область) / Vyborg (Leningrad Region)	4,40	0,14
Вологда (Вологодская область) / Vologda (Vologda Region)	2,80	0,54
Великий Новгород (Новгородская область) / Veliky Novgorod (Novgorod Region)	2,40	0,42
Череповец (Вологодская область) / Cherepovets (Vologda Region)	2,30	0,33
Мурманск (Мурманская область) / Murmansk (Murmansk Region)	1,93	0,39
Псков (Псковская область) / Pskov (Pskov Region)	1,68	0,19
Санкт-Петербург / St. Petersburg	1,60	7,51
<i>Мурманская область / Murmansk Region</i>		
Псков (Псковская область) / Pskov (Pskov Region)	6,30	0,12
Выборг (Ленинградская область) / Vyborg (Leningrad Region)	2,30	0,10
Северодвинск (Архангельская область) / Severodvinsk (Arkhangelsk Region)	2,00	0,19
Петрозаводск (Республика Карелия) / Petrozavodsk (Republic of Karelia)	1,90	0,38
Архангельск (Архангельская область) / Arkhangelsk (Arkhangelsk Region)	1,60	0,41
Вологда (Вологодская область) / Vologda (Vologda Region)	0,90	0,25
Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,70	4,33

Не менее интересные выводы были выявлены при анализе родственных связей жителей северных регионов (отец, мать, бабушка, дедушка, брат, сестра), которые показывают не только существующие так называемые сильные социальные связи, но и характеризуют миграционные процессы на российском Севере с позиции смены поколений населения.

Так, в Вологодской области зарегистрированы 1 008 265 активных пользователей в социальной сети «ВКонтакте». С помощью сервиса TargetHanter были собраны их родители (если они были указаны) – 43 276 чел. При этом подавляющее большинство родителей у жителей Вологды (включая бабушек и дедушек) в настоящее время проживают в этом же субъекте Федерации (больше всего в г. Вологде – 23 %, в г. Череповце – 22 %). Если детализировать далее, то вторым по географии проживания родителей пользователей из Вологодской области будет Архангельская область (1 % – Вельск, Няндома, Котлас, Северодвинск), а далее Мурманская область (0,35 % – Мурманск, Мончегорск). Эти цифры свидетельствуют о том, что определенная часть населения мигрировала в Вологодскую область на постоянное место жительства с этих двух более северных субъектов Федерации.

Детей, внуков, братьев и сестер пользователей Вологодской области было собрано 168 419 чел. При этом большая часть из них в настоящее время проживает в г. Вологде – 20,5 %, г. Череповце – 17,5 %. Для объективного исследования процессов внутрирегиональной миграции населения были отдельно собраны пользователи, проживающие в Вологде и Череповце, и исключены из общей совокупности пользователей Вологодской области. У оставшейся группы людей мы проанализировали, где проживают их дети. В результате у большинства дети живут в г. Вологде (14,2 % пользователей) и г. Череповце (7,1 %). Эти цифры свидетельствуют о внутрирегиональной миграции населения с периферийных районов в крупные города области (табл. 4).

Таблица 4. География родственных связей участников сообществ субъектов Европейского Севера России в социальной сети «ВКонтакте» (по состоянию на 30 июня 2022 г.)¹⁷

Table 4. Geography of family ties of community members of the subjects of the European North of Russia in the social network “VKontakte” (as of June 30, 2022)

Территория проживания родителей пользователей (отец, мать, бабушка, дедушка) / Residence area of users' parents (father, mother, grandparents)	Процент выявленных пользователей / Percent of the identified users	Территория проживания детей, внуков, братьев/сестер пользователей / Residence area of children, grandchildren, brothers/sisters of users	Процент выявленных пользователей / Percent of the identified users
1	2	3	4
<i>Вологодская область / Vologda Oblast</i>			
г. Вологда / Vologda	23,00	г. Вологда / Vologda	20,50
г. Череповец / Cherepovets	22,00	г. Череповец / Cherepovets	17,50
Архангельская область (Вельск, Няндома, Котлас, Северодвинск) / Arkhangelsk Region (Velsk, Nyandoma, Kotlas, Severodvinsk)	1,00	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	4,70
Мурманская область (Мурманск, Мончегорск) / Murmansk Region (Murmansk, Monchegorsk)	0,35	г. Москва / Moscow	2,50

¹⁷ Источник: рассчитано автором по данным, собранным с помощью сервиса TargetHanter.

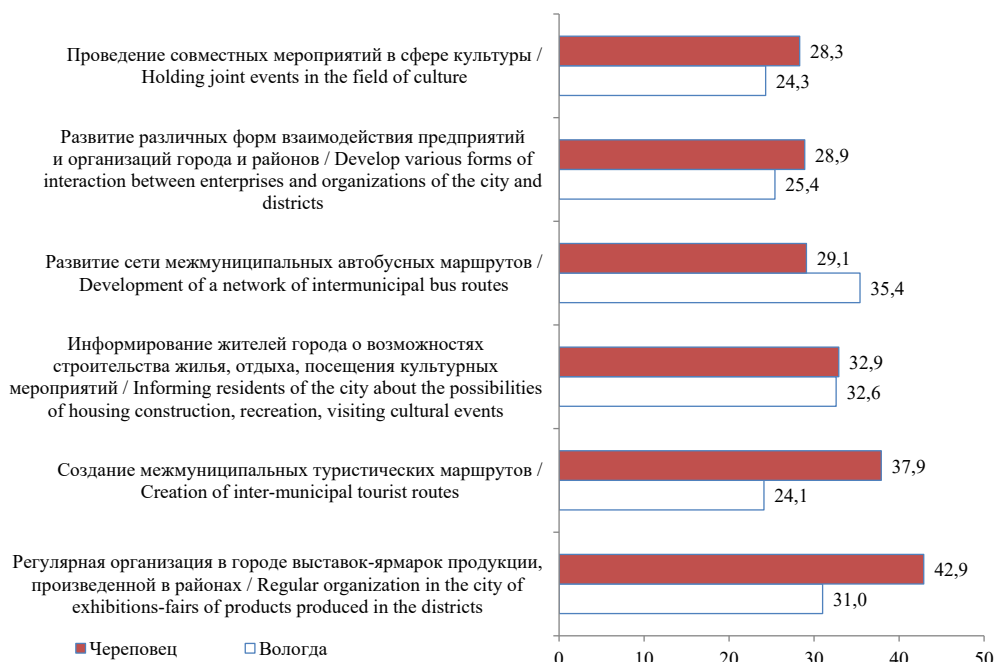
Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4
		Ярославская область (г. Ярославль) / Yaroslavl Region (Yaroslavl)	0,80
<i>Архангельская область / Arkhangelsk Region</i>			
г. Архангельск / Arkhangelsk	24,30	г. Архангельск / Arkhangelsk	28,10
г. Северодвинск / Severodvinsk	12,00	г. Северодвинск / Severodvinsk	13,20
г. Котлас / Kotlas	5,00	г. Котлас / Kotlas	5,20
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,86	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	2,82
г. Вологда / Vologda	0,31	г. Москва / Moscow	1,16
г. Ярославль / Yaroslavl	0,22	г. Вологда / Vologda	0,73
		г. Ярославль / Yaroslavl	0,57
<i>Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area</i>			
г. Нарьян-Мар / Naryan-Mar	50,22	г. Нарьян-Мар / Naryan-Mar	34,40
г. Архангельск / Arkhangelsk	1,87	г. Архангельск / Arkhangelsk	5,80
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	1,15	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	5,10
г. Киров / Kirov	0,58	г. Москва / Moscow	2,24
		г. Северодвинск / Severodvinsk	1,10
		г. Сыктывкар / Syktyvkar	0,90
<i>Республика Коми / Komi Republic</i>			
г. Сыктывкар / Syktyvkar	24,70	г. Сыктывкар / Syktyvkar	20,60
г. Ухта / Ukhta	9,48	г. Ухта / Ukhta	7,25
г. Воркута / Vorkuta	4,59	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	4,20
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,76	г. Москва / Moscow	2,80
г. Киров / Kirov	0,38	г. Киров / Kirov	1,12
г. Котлас / Kotlas	0,22	г. Вологда / Vologda	0,35
<i>Республика Карелия / Republic of Karelia</i>			
г. Петрозаводск / Petrozavodsk	30,90	г. Петрозаводск / Petrozavodsk	26,70
г. Кондопога / Kondopoga	3,80	г. Кондопога / Kondopoga	2,60
г. Сегежа / Segezha	3,80	г. Сортавала / Sortavala	2,30
г. Сортавала / Sortavala	3,40	г. Сегежа / Segezha	2,30
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	1,40	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	7,80
г. Кандалакша / Kandalaksha	0,22	г. Москва / Moscow	1,90
		г. Мурманск / Murmansk	0,64
<i>Мурманская область / Murmansk Region</i>			
г. Мурманск / Murmansk	27,90	г. Мурманск / Murmansk	25,30
г. Апатиты / Apatity	5,60	г. Апатиты / Apatity	5,25
г. Мончегорск / Monchegorsk	4,70	г. Мончегорск / Monchegorsk	3,70
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	1,990	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	7,80
г. Москва / Moscow	0,59	г. Москва / Moscow	2,25
г. Петрозаводск / Petrozavodsk	0,31	г. Петрозаводск / Petrozavodsk	0,73
г. Архангельск / Arkhangelsk	0,29	г. Воронеж / Voronezh	0,42

Следующим по популярности местом проживания детей, внуков вологжан являются г. Санкт-Петербург – 4,7 %, г. Москва – 2,5, Ярославль – 0,8 %. Таким образом, прослеживается центростремительный вектор миграции (учебная, рабочая) жителей северных регионов в крупные мегаполисы страны и более южные их регионы. «Южный» вектор миграции отмечается и для других субъектов ЕСР.

Для активизации межмуниципальных и межрегиональных социальных взаимодействий важным является обеспечение не только необходимого инфраструктурного обеспечения, но и поддержка производственно-хозяйственных, культурных, образовательных и иных связей. Так, результаты опроса 2021 г. показали, что 42,9 % респондентов в Череповце и 31,0 % в Вологде наиболее перспективным направлением развития социально-экономического взаимодействия между городом и прилегающими к нему районами считают регулярную организацию в городах выставок-ярмарок продукции, произведенной в районах; целесообразность создания межмуниципальных туристических маршрутов отметили 37,9 % жителей Череповца и 24,1 % жителей Вологды, информирования жителей о возможностях строительства индивидуального жилья на земельных участках и возможностях отдыха – 23,9 и 32,6 % соответственно (рис. 1). Более трети жителей областного центра акцентировали внимание на необходимости развития сети межмуниципальных автобусных маршрутов.

Р и с. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «На Ваш взгляд, какие направления взаимодействия целесообразно развивать между городом Вологдой и прилегающими к нему районами?», % от числа опрошенных¹⁸

F i g. 1. Distribution of respondents' answers to the question "In your opinion, what areas of interaction should be developed between the city of Vologda and its adjacent districts?", % of respondents

¹⁸ Источник: результаты опросов жителей крупных городов Вологодской области в 2021 г.

Именно поддержка и взаимоувязка процессов развития хозяйственно-производственных связей, инфраструктурной и социальной связности территорий становится объективной основой для реализации совместных межмуниципальных и межрегиональных проектов, являющихся материальной основой обеспечения пространственной интеграции на внутри- и межрегиональном уровнях.

Обсуждение и заключение. Как свидетельствуют результаты проведенного анализа, в настоящее время сохранились внутренние социальные связи субъектов Европейского Севера России как единого северного региона, однако наблюдаются тенденции к их пространственной трансформации, связанные в том числе с активным центростремительным вектором миграции населения в крупные города региона, а также в Санкт-Петербург и Москву.

Это ведет, с одной стороны, к активизации агломерационных процессов и наращиванию связей между этими городами и прилегающими к ним сельскими территориями, а с другой – к разрыву социальных связей с удаленными территориями.

На основе эмпирических данных была подтверждена гипотеза о наличии более тесных связей между соседними территориями. Особенно это проявляется между Архангельской и Вологодской областями (треугольник «Великий Устюг – Котлас – Коряжма»).

Как свидетельствует мировая практика, именно тесная социальная связность территорий, дополненная их географической близостью и инфраструктурной обустроенностью, выступает предпосылкой для успешной реализации совместных межмуниципальных (межрегиональных) проектов в экономической, социальной и экологической сферах [28].

В такой ситуации усилия региональных и местных органов власти Европейского Севера России, на наш взгляд, должны быть сконцентрированы на двух следующих магистральных направлениях. Во-первых, это инициация и поддержка реализации проектов в рамках формирующихся городских агломераций Севера (крупный/средний город и прилегающие к нему муниципалитеты), что позволит сформировать интегрированное социально-экономическое пространство агломераций, которые за счет эффективного использования положительных агломерационных эффектов могут стать новыми опорными точками северного пространства. Во-вторых, это поддержка совместных проектов развития за пределами крупных городских агломераций (например, в рамках рассматриваемого выше треугольника «Великий Устюг – Котлас – Коряжма»). Успешная реализация ряда таких проектов на практике позволит не только консолидировать ресурсы территорий для решения совместных проблем и задач, снизить негативные социально-экономические последствия для периферии Севера от гиперцентростремительного развития и локационного сжатия России в постсоветский период, но и обеспечить реальную пространственную интеграцию за счет восстановления и развития устойчивых социально-экономических связей по линии «крупный город – средний/малый город – село» в пространстве северного региона.

Научная значимость работы заключается в систематизации и расширении теоретико-методологических подходов к исследованию пространственной интеграции регионов и «мягких» факторов ее обеспечения, к числу которых в современных условиях относятся сложившиеся и развивающиеся во времени

социальные связи территорий; обосновании методического инструментария оценки уровня и направленности развития таких социальных связей.

Практическая значимость исследования состоит в выявлении тенденций и направлений пространственной трансформации социальных связей северных территорий России, оценке миграционных установок их жителей, что в совокупности послужит основой для научного обоснования эффективных управленческих решений в сфере регулирования и координации социально-экономического развития регионов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Шамахов В. А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы развития приморских агломераций // Управленческое консультирование. 2019. № 6 (126). С. 10–18. doi: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-6-10-18>
2. Кожевников С. А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 91–109. doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.5>
3. Бухарова Е. Б. Нужны новые механизмы государственной региональной политики // ЭКО. 2018. № 6. С. 38–49. doi: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-38-49>
4. Котов А. Территория требует связной работы: роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики (к 100-летию работы И. Г. Александра «Экономическое районирование России») // Пространственная экономика. 2021. Т. 17, № 1. С. 18–34. doi: <https://doi.org/10.14530/se.2021.1.018-034>
5. Полякова А. Г. Модернизация структуры экономического пространства региона // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 2, № 2. С. 28–31. URL: https://www.chsu.ru/upload/iblock/3a3/Вестник_2011_№2_т._2.pdf (дата обращения: 30.06.2022).
6. Бухвальд Е. М., Иванов О. Б. Актуальные проблемы пространственной интеграции российской экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 5. С. 7–32. URL: http://etap.instet.ru/images/etap/Etap_05_2015.pdf (дата обращения: 30.06.2022).
7. Воронина Т. В. Эволюция теоретических подходов к анализу развития международной экономической интеграции // Terra Economicus. 2010. Т. 8, № 3-3. С. 208–215. URL: https://te.sfedu.ru/evjur/data/2010/journal8_3_3.pdf (дата обращения: 30.06.2022).
8. Бакланов П. Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 11–19. URL: [http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2002_01\(01\).pdf](http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2002_01(01).pdf) (дата обращения: 30.06.2022).
9. Белоусова А. В. Межрегиональные взаимодействия: влияние на экономику региона (Хабаровский край) // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 127–137. doi: <https://doi.org/10.14530/se.2012.4.127-137>
10. Houtum Van H. III European Perspectives on Borderlands. An Overview of European Geographical Research on Borders and Border Regions // Journal of Borderlands Studies. 2000. Vol. 15, issue 1. Pp. 57–83. doi: <https://doi.org/10.1080/08865655.2000.9695542>
11. Herrschel T. City Regions, Polycentricity and the Construction of Peripherality Through Governance // Urban Research & Practice. 2009. Vol. 2, issue 3. Pp. 240–250. doi: <https://doi.org/10.1080/17535060903319103>
12. Лаженцев В. Н. Взаимосвязь теории и практики (пример методологии экономико-географического исследования) // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 3. С. 99–105. URL: <https://izvestia.komisc.ru/Archive/i03.pdf> (дата обращения: 30.06.2022).
13. Пилясов А. Н. Арктическое Средиземноморье. Предпосылки формирования нового макро-региона // ЭКО. 2010. № 12. С. 54–75. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/3229/2263> (дата обращения: 30.06.2022).
14. Marcuse P. Enclaves Yes, Ghettos No: Segregation and the State // Desegregating the City: Ghettos, Enclaves, and Inequality / ed. by D. P. Varady. Albany, NY : State University of New York Press, ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

2005. Pp. 15–30. URL: http://www.urbancenter.utoronto.ca/pdfs/curp/Marcuse_Segregationandthe.pdf (дата обращения: 30.06.2022).

15. Lee R. Integration // The Dictionary of Human Geography / ed. by D. Gregory [et al.]. Chichester : Wiley-Blackwell, 2009. 1071 p. URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/293183/0e6ff92cc7302976ef7c9f27cb6604b3f.pdf> (дата обращения: 30.06.2022).

16. Heller W. Identities and Conceptions of Border Area Populations in East-Central and South-East Europe – Thematic Aspects and Questions of an Actual Research Field // Journal of Urban and Regional Analysis. 2011. Vol. 3, issue 1. Pp. 5–12. doi: <https://doi.org/10.37043/JURA.2011.3.1.1>

17. Boschma R. Proximity and Innovation: A Critical Assessment // Regional Studies. 2005. Vol. 39, issue 1. Pp. 61–74. doi: <https://doi.org/10.1080/0034340052000320887>

18. Torre A., Rallet A. Proximity and Localization // Regional Studies. 2005. Vol. 39, issue 1. Pp. 47–59. doi: <https://doi.org/10.1080/0034340052000320842>

19. Рыцарев И. А., Кирш Д. В., Куприянов А. В. Кластеризация медиаконтента из социальных сетей с использованием технологии BigData // Компьютерная оптика. 2018. Т. 42, № 5. С. 921–927. URL: <https://www.computeroptics.ru/KO/Annot/KO42-5/420424.html> (дата обращения: 30.06.2022).

20. Замятина Н. Ю., Яшунский А. Д. Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 117–137. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.07>

21. Ивлиева О. Д., Яшунский А. Д. О расстояниях, которых не знает дружба // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4, № 1 (14). С. 64–76. doi: <https://doi.org/10.17323/usp41201964-76>

22. Лебединкина Н. С., Александрова Ю. К., Орлова В. В. Анализ миграционных потоков молодежи на территории субъектов Российской Федерации // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 2 (41). С. 57–72. doi: [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2\(41\)/1099](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2(41)/1099)

23. Смирнов И. П., Виноградов Д. М., Алексеев А. И. К Москве или к Санкт-Петербургу? Тяготение населения Тверской области по данным сети «ВКонтакте» // Известия Русского географического общества. 2019. Т. 151, вып. 6. С. 69–80. doi: <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151669-80>

24. Сулейманова О. А. Саамские веб-сообщества глазами модераторов (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 141–153. doi: <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.010>

25. Ушкин С. Г., Сапон Н. В. Протестные группы в социальной сети «ВКонтакте»: кластеризация пользователей и их типологические особенности // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 97–111. doi: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-8>

26. Чернышева Л., Гизатуллина Э. «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2021. № 13 (2). С. 39–71. doi: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71>

27. Васильева О. Е., Удовенко В. С. Социально-географический анализ сельских поселений на основе данных социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 6. С. 26–33. URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/479> (дата обращения: 30.06.2022).

28. Олейник А. Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. 2003. № 8. С. 132–149. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-8-132-149>

Поступила 13.07.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 12.10.2022.

Об авторе:

Кожевников Сергей Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией пространственного развития и размещения производительных сил Вологодского научного центра Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9063-6587>, kozhevnikov_sa@bk.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Shamakhov V.A. Strategy of Spatial Development of the Russian Federation and Prospect of Seaside Agglomerations Development. *Administrative Consulting*. 2019;(6):10–18. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-6-10-18>
2. Kozhevnikov S.A. Spatial and Territorial Development of the European North: Trends and Priorities of Transformation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(6):91–109. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.5>
3. Buharova E.B. We Need to Update the Mechanisms of State Regional Policy. *ECO Journal*. 2018;(6):38–49. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-38-49>
4. Kotov A. The Territory Requires Coherent Work: The Role of Interregional Interactions in Economic Recovery (To the 100th Anniversary of I.G. Aleksandrov's Work 'Economic Regionalization of Russia'). *Spatial Economics*. 2021;17(1):18–34. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14530/se.2021.1.018-034>
5. Polyakova A.G. Modernization of the Regional Economic Space Structure. *Cherepovets State University Bulletin*. 2011;2(2):28–31. Available at: https://www.chsu.ru/upload/iblock/3a3/Вестник_2011_№2_т._2.pdf (accessed 30.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Buchvald E.M., Ivanov O.B. Actual Problems of Spatial Integration the Russian Economy. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. 2015;(5):7–32. Available at: http://etap.instet.ru/images/etap/Etap_05_2015.pdf (accessed 30.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Voronina T.V. The Evolution of Theoretical Approach in International Economic Integration Analysis. *Terra Economicus*. 2010;8(3-3):208–215. Available at: https://te.sfedu.ru/evjur/data/2010/journal8_3_3.pdf (accessed 30.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Baklanov P.Ya. Integrational and Desintegrational Processes in the Far East of Russia. *Regional'nye issledovaniya*. 2002;(1):11–19. Available at: [http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2002_01\(01\).pdf](http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2002_01(01).pdf) (accessed 30.06.2022). (In Russ.)
9. Belousova A.V. The Inter-Regional Cooperation: the Impact on the Regional Economy (Khabarovsk Krai). *Spatial Economics*. 2012;(4):127–137. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14530/se.2012.4.127-137>
10. Houtum van H. III European Perspectives on Borderlands. An Overview of European Geographical Research on Borders and Border Regions. *Journal of Borderlands Studies*. 2000;15(1):57–83. doi: <https://doi.org/10.1080/08865655.2000.9695542>
11. Herrschel T. City Regions, Polycentricity and the Construction of Peripherality Through Governance. *Urban Research & Practice*. 2009;2(3):240–250. doi: <https://doi.org/10.1080/17535060903319103>
12. Lazhentsev V.N. The Relationship of Theory and Practice (An Example of the Methodology of Economic-Geographical Research). *Proceedings of the Komi Science Centre Ural Branch Russian Academy of Sciences*. 2010;(3):99–105. Available at: <https://izvestia.komisc.ru/Archive/i03.pdf> (accessed 30.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
13. Pilyasov A.N. [Arctic Mediterranean. Prerequisites for the Formation of a New Macro-Region]. *ECO Journal*. 2010;(12):54–75. Available at: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/3229/2263> (accessed 30.06.2022). (In Russ.)
14. Marcuse P. Enclaves Yes, Ghettos No: Segregation and the State. In: Varady D.P., ed. *Desegregating the City: Ghettos, Enclaves, and Inequality*. Albany, NY: State University of New York Press; 2005. p. 15–30. Available at: http://www.urbancenter.utoronto.ca/pdfs/curp/Marcuse_Segregationandthe.pdf (accessed 30.06.2022).
15. Lee R. Integration. In: Gregory D., Johnston R., Pratt G., Watts M.J., Whatmore S. (eds). *The Dictionary of Human Geography*. Chichester: Wiley-Blackwell; 2009. Available at: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/293183/0e6f92cc7302976ef7c9f27cb6604b3f.pdf> (accessed 30.06.2022).
16. Heller W. Identities and Concepts of Border Area Populations in East-Central and South-East Europe – Thematic Aspects and Questions of an Actual Research Field. *Journal of Urban and Regional Analysis*. 2011;3(1):5–12. doi: <https://doi.org/10.37043/JURA.2011.3.1.1>
17. Boschma R. Proximity and Innovation: A Critical Assessment. *Regional Studies*. 2005;39(1):61–74. doi: <https://doi.org/10.1080/0034340052000320887>

18. Torre A., Rallet A. Proximity and Localization. *Regional Studies*. 2005;39(1):47–59. doi: <https://doi.org/10.1080/0034340052000320842>
19. Rytsarev I.A., Kirsh D.V., Kupriyanov A.V. Clustering of Media Content from Social Networks Using BigData Technology. *Computer Optics*. 2018;42(5):921–927. Available at: <https://www.computeroptics.ru/KO/Annot/KO42-5/420424.html> (accessed 30.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
20. Zamyatina N.Yu., Yashunsky A.D. Virtual Geography of the Virtual Population. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018;(1):117–137. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.07>
21. Ivlieva O.D., Yashunsky A.D. On the Distances that Friendship Ignores. *Urban Studies and Practices*. 2019;4(1):64–76. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/usp41201964-76>
22. Lebedkina N.S., Aleksandrova Yu.K., Orlova V.V. Analysis of Migration Flows of Youth in the Territory of Subjects of the Russian Federation. *Journal of Wellbeing Technologies*. 2021;(2):57–72. (In Russ., abstract in Eng.) doi: [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2\(41\)/1099](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2(41)/1099)
23. Smirnov I.P., Vinogradov D.M., Alekseev A.I. To Moscow or to Saint Petersburg? Population Gravity of the Tver Region According to the Data of “VKontakte” Online Network. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2019;151(6):69–80. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151669-80>
24. Suleymanova O.A. The Saami Webcommunities in the Eyes of Moderators (On the Example of “VKontakte” Social Network). *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21*. 2021;12(4):141–153. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.010>
25. Ushkin S.G., Sapon N.V. Online Protest Communities on VKontakte: Clustering of Users and Typological Features. *Research Result. Sociology and Management*. 2022;8(2):97–111. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-8>
26. Chernysheva L., Gizatullina E. VKontakte and the Neighbors: Features and Practices of Hybrid Neighboring in a Large Housing Estate in Saint Petersburg, Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2021;(13):39–71. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71>
27. Vasilyeva O.E., Udovenko V.S. Socio-Geographical Analysis of Rural Settlements by the Instruments of VKontakte Social Network. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2018;(6):26–33. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/479> (accessed 30.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
28. Oleinik A. The Model of Network Capitalism. *Voprosy ekonomiki*. 2003;(8):132–149. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-8-132-149>

Submitted 13.07.2022; revised 27.09.2022; accepted 12.10.2022.

About the author:

Sergey A. Kozhevnikov, Cand. Sci. (Economics), Leading Researcher, Head of the Laboratory of Spatial Development and Distribution of Productive Forces of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorky St., Vologda 160014, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9063-6587>, kozhevnikov_sa@bk.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ /
ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY**

УДК 314.145:616-036.12

doi: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.107-122

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

**Пандемия COVID-19 в России: статистическая оценка
прямых и косвенных демографических потерь****Л. Н. Липатова**

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

*ln.lipatova@yandex.ru***Аннотация**

Введение. Как показывает демографическая история, такие события, как пандемия COVID-19, сказываются на развитии народонаселения довольно продолжительное время. Страны по-разному боролись с новой опасной инфекцией. Результаты предпринятых мер тоже кардинально различаются: некоторые страны по продолжительности жизни отброшены на много лет назад, в других этот показатель увеличился. Цель статьи – изучить демографические последствия первого года пандемии COVID-19 для России, что позволит оценить эффективность предпринятых противоэпидемиологических мер и лучше подготовиться к возникновению подобной ситуации в будущем.

Материалы и методы. Исследование базировалось на данных Росстата, материалах авторитетных международных организаций, публикациях ученых, занимающихся исследованием проблемы народонаселения. Анализ демографической ситуации проведен на основе системного подхода и специфических методов демографического анализа, контент-анализ был применен для обобщения материалов опубликованных научных исследований, для визуализации результатов использовался табличный метод.

Результаты исследования. В ходе проведенного исследования выявлено, что в первый год пандемии COVID-19 продолжительность жизни городского населения сократилась в большей степени, чем сельского. Рост смертности не затронул детей, подростков и молодых людей до 25 лет. Смертность среди женщин в России возросла в большей степени, чем среди мужчин, и это характерно для большинства возрастных групп. Наиболее уязвимыми перед вирусом оказались женщины 65–69 лет – прирост смертности в этой возрастной группе был самым большим.

Обсуждение и заключение. Кроме прямых демографических потерь от COVID-19, зафиксирован рост смертности от других причин. Миграционный прирост в Российской Федерации в первый год пандемии сократился в 2 раза, но оставался на уровне 2018 г. Вследствие введенных жестких ограничений на перемещение населения процесс урбанизации в стране замедлился, миграционная убыль сельского населения уменьшилась. Результаты проведенного исследования могут быть полезны для ученых, занимающихся вопросами демографического развития, а также использованы при оценке эффективности мер, предпринятых для борьбы с распространением коронавирусной инфекции в 2020 г.

© Липатова Л. Н., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, постковидный синдром, особенности демографического развития, естественная убыль населения, изменение структуры смертности по причинам, избыточная смертность, продолжительность жизни, число непрожитых лет жизни, международная миграция

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Липатова Л. Н. Пандемия COVID-19 в России: статистическая оценка прямых и косвенных демографических потерь // Регионология. 2023. Т. 31, № 1. С. 107–122. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.107-122>

Original article

COVID-19 Pandemic in Russia: Statistical Assessment of Direct and Indirect Demographic Losses

L. N. Lipatova

*North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation)
ln.lipatova@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The whole world is concerned about the severe socio-economic consequences of the pandemic, the most threatening of which should be considered the death of a large number of people, the general economic downturn, inflation reducing living standards, the threat of increasing hunger, the aggravation of humanitarian problems in poorly developed countries due to a reduction in foreign aid, etc. But if the negative economic consequences are compensated over time (many countries of the world, and Russia is one of the first on this list, have already returned to the pre-pandemic level in 2021), then the human losses suffered by many countries are irreplaceable. Doctors talk about the need to combat post-COVID syndrome, which can also worsen the health and quality of life of citizens. As demographic history shows, such events affect the development of the population for quite a long time. States have struggled with the new dangerous infection in different ways. The set of measures to counter COVID-19 in some countries was based on a policy of “zero tolerance”, others limited themselves to the introduction of only some temporary and not very strict prohibitions. The results of the measures taken also differ dramatically: some countries have been pushed back many years in terms of life expectancy, while in others this indicator has increased. The purpose of this article is to study the demographic consequences of the first year of the COVID-19 pandemic for Russia, which will assess the effectiveness of the anti-epidemic measures taken and better prepare for the occurrence of a similar situation in the future.

Materials and Methods. The study was based on data from Rosstat, materials from reputable international organizations, publications of scientists engaged in the study of population problems. The analysis of the demographic situation was carried out on the basis of the systematic approach and specific methods of demographic analysis, content analysis was used to summarize the materials of published scientific research, a tabular method was used to visualize the results.

Results. The study has revealed that in the first year of the COVID-19 pandemic, the life expectancy of the urban population decreased to a greater extent than that of the rural population. The increase in mortality did not affect children, adolescents and young people under 25 years of age. Mortality among women in the Russian Federation has increased to a greater extent than among men, and this is typical for most age groups. Women aged 65–69 were the most vulnerable to the virus – the increase in mortality in this age group was the largest.

Discussion and Conclusion. In addition to direct demographic losses from COVID-19 (144.7 thousand people in 2020), an increase in mortality from other causes – respiratory diseases, coronary heart disease, cerebrovascular diseases, as well as digestive diseases and accidental alcohol poisoning, which violated the long-term trend, has been recorded. Indirect demographic losses from COVID-19 in 2020, calculated by estimating the increase in mortality from these causes, amounted to 143.7 thousand people. Migration growth in the Russian Federation in the first year of the pandemic decreased by 2 times, but remained at the level of 2018. Due to the strict restrictions imposed on the movement of the population, the process of urbanization in the country has slowed down, the migration decline of the rural population has decreased. The results of the study can be useful for scientists dealing with demographic development, as well as used to assess the effectiveness of measures taken to combat the spread of coronavirus infection in 2020. Research in this direction should be continued after the publication of data for 2021 and the results of the All-Russian Population Census.

Keywords: COVID-19 pandemic, post-COVID syndrome, features of demographic development, natural population decline, changes in the structure of mortality due to causes, excess mortality, life expectancy, number of unlive years of life, international migration

Conflict of interests. The author declares that there is not conflict of interest.

For citation: Lipatova L.N. COVID-19 Pandemic in Russia: Statistical Assessment of Direct and Indirect Demographic Losses. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):107–122. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.107-122>

Введение. Демографическое развитие постсоветской России характеризуется естественной убылью населения, начавшейся в 1992 г. Непродолжительный период (2013–2015 гг.) в стране отмечалось небольшое превышение рождаемости над смертностью, но его величина была низкой – суммарно за 3 года численность населения Российской Федерации в результате его естественного движения увеличилась на 86,4 тыс. чел. Уже в 2017 г. этот прирост был значительно перекрыт, а в 2020 г. естественная убыль в России превысила 702 тыс. чел.¹.

2020 г. вошел в мировую историю как период жизнедеятельности людей в состоянии высокой степени неопределенности – на планете появился новый и очень опасный вирус; как ему противостоять, никто на начальном периоде не знал, защитные вакцины только начали разрабатывать. Одновременно нужно было лечить заболевших COVID-19, стараясь не пропустить и не запустить и другие опасные заболевания, оказывать помощь находящимся в изоляции гражданам из группы повышенного риска по COVID-19, и кроме этого поддерживать экономику, которая тоже сильно пострадала из-за введенных по всему миру ограничительных мер, направленных на рассредоточение населения и перекрытие путей распространения инфекции. Если экономические потери многие страны компенсировали уже в 2021 г., то демографические – невосполнимы. От COVID-19 умерло 6 332 тыс. чел.².

Поскольку, как предупреждают специалисты, пандемия COVID-19 не последняя и, скорее всего, не самая страшная, то ученым предстоит детально изучить, сравнить и оценить эффективность мер, предпринятых для минимизации последствий пандемии и сохранения жизни людей. В такой ситуации значимость научных исследований, основанных на использовании разных источников и методик, существенно возрастает, поскольку это повышает шансы приблизиться к истине, а значит, более полно представить картину происходящего, что, возможно, позволит выявить закономерности и особенности изучаемых процессов и на этой основе сохранить как можно больше человеческих жизней и минимизировать последствия для экономики, которые тоже отражаются на уровне и качестве жизни людей.

Цель статьи – проанализировать демографические изменения, произошедшие в Российской Федерации в 2020 г., выявить особенности естественного и механического движения населения, что позволит говорить об эффективности мер, предпринятых на начальном этапе пандемии, и оценить целесообразность их применения в последующем при возникновении подобной угрозы.

¹ Демографический ежегодник России. 2021 [Электронный ресурс] : стат. сб. М. : Росстат, 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf> (дата обращения: 10.04.2022).

² Коронавирус-монитор [Электронный ресурс]. URL: <https://coronavirus-monitor.info> (дата обращения: 24.06.2022).

Обзор литературы. Как показывает мировая демографическая история, последствия тех или иных событий и решений могут сказываться на динамике народонаселения длительное время: долго не затухают демографические волны, при всем желании невозможно быстро изменить возрастно-половую структуру населения, сложно перенаправить в «нужное русло» миграционные потоки. Многие россияне почти забыли о трудном периоде 1990-х гг., когда вследствие предпринятых очень болезненных мер резко увеличилась смертность, а репродуктивное поведение россиян изменилось настолько, что в мире стали говорить об исчезновении мировой державы³. Однако демографическая история и напомнила об этом «демографической ямой», в которой оказалась Россия, когда в репродуктивный возраст вступило малочисленное поколение граждан, родившихся во второй половине 1990-х гг. Поэтому с особой обеспокоенностью ученые ожидали снижения рождаемости в ковидный период из-за страха перед вызванными пандемией экономическими трудностями и последствиями для беременности [1, с. 698].

На показателях 2020 г. эти опасения будущих родителей сильно не отразились, поскольку в России вирус начал активно распространяться лишь в марте того года. Это значит, что в большинстве случаев при планировании рождения ребенка в 2020 г. пары не принимали во внимание опасность эпидемии. Статистика это подтвердила: снижение рождаемости в стране в целом в 2020 г. в сравнении с предыдущим годом замедлилось, а в 17 субъектах в первый год пандемии общий коэффициент рождаемости увеличился или остался на уровне 2019 г.⁴. Более того, специалисты выявили рост оценок гражданами ситуации в месте непосредственного проживания, а также небольшое кратковременное снижение оценок ситуации в семье и ближнем окружении с последующим быстрым подъемом до уровня, превысившего допандемийное значение⁵.

Отсутствие выраженного влияния на рождаемость в первый год пандемии отмечает и Г. Н. Ершова, проанализировавшая влияние COVID-19 на демографическую ситуацию в Республике Татарстан – автор, в частности, отмечает, что сокращение рождаемости в этой приволжской республике, как и в стране в целом, в 2020 г. не было настолько же сильным, как годом ранее⁶.

Ученые предупреждают, что существенное падение рождаемости может произойти в 2021 г., когда в полной мере проявится специфика репродуктивного поведения населения, характерная для 2020 г.⁷.

Последствия пандемии, вероятно, также будут сказываться на развитии народонаселения продолжительное время. Первые оценки демографических потерь, сделанные учеными, неоднозначны (есть государства, в которых роста смертности не произошло). Если в большинстве стран мира в 2020 г. ожидаемая продолжительность жизни уменьшилась, то в ряде стран этот показатель не

³ Зиверт Ш., Захаров С., Клигхольц Р. Исчезающая мировая держава. Демографическое будущее России и других бывших союзных государств / пер. с нем. Ю. Штраух ; науч. ред. С. В. Захаров. Берлин : Berlin Institute for Population and Development, 2011. 150 с.

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. М., 2021. С. 65–66.

⁵ Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М., 2020. 744 с.

⁶ Ершова Г. Н. COVID-19 как фактор конструирования демографической ситуации в Республике Татарстан : моногр. Казань : Изд-во «Познание» Казан. инновацион. ун-та, 2021. 178 с. doi: <https://doi.org/10.51285/978-5-8399-0787-4>

⁷ Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие : моногр. / А. В. Торкунов [и др.] ; под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова. М. : Аспект Пресс, 2021. С. 159.

изменился (например, в Дании, Исландии и Южной Корее) и даже увеличился (в Новой Зеландии, Норвегии и на Тайване) [2].

Поэтому исследования проблем распространения COVID-19 и его последствий проводятся не только медиками, экономистами, социологами, но и с позиции географии [3; 4]. Ученые, представляющие другие отрасли знания, также отмечают разное влияние пандемии COVID-19 на городские и сельские территории [5; 6].

Российские исследователи установили, что в регионах нашей страны сильно различаются и показатели заболеваемости COVID-19, и показатели смертности от коронавируса. Как особенно неблагоприятные в части распространения коронавирусной инфекции в 2020 г. учеными были названы обе столичные агломерации и северные поселки вахтовиков [2], а также некоторые регионы Северного Кавказа [7]. Наиболее высокой смертность от COVID-19, по мнению ученых, в 2020 г. была в европейской части России [8].

Особого внимания требует рост COVID-ассоциированной смертности, т. е. смертности от других причин, косвенно связанных с пандемией, – постковидного синдрома (или лонгковида), тяжелого течения хронических заболеваний, несвоевременной диагностики, несвоевременного оказания медицинской помощи и др. [5]. Кроме того, в первый год пандемии Росстат зафиксировал рост числа случаев смерти от случайного отравления алкоголем, прервавший многолетнюю обратную тенденцию⁸. Специалисты отмечают всплеск и утяжеление последствий употребления наркотиков⁹. Официальная статистика это подтверждает¹⁰.

Для оценки масштабов последствий пандемии COVID-19 ученые проводят демографические расчеты, основываясь на разных источниках и методах. Наиболее часто для оценки демографических потерь от COVID-19 используются показатели «избыточная смертность»¹¹ [9; 10], «число непрожитых лет» [2]. Поскольку эпидемиологический процесс развивается волнообразно, ученые предлагают определять сверхсмертность еженедельно [11]. Конечно, это позволило бы получить более точные данные, а следовательно, лучше подготовиться к подобной ситуации, но в открытых источниках такая информация отсутствует.

Согласно исследованию, проведенному группой ученых под руководством эпидемиолога Н. Ислама (Оксфордский университет), оценивших разницу между ожидаемой и реальной продолжительностью жизни в разрезе возрастных групп, в Российской Федерации продолжительность жизни мужчин уменьшилась на 2,33 года, женщин – на 2,14 года, и наибольшее число потерянных лет жизни в 2020 г. было характерно именно для России [2].

Изучив опубликованные исследования о влиянии пандемии на естественное движение населения, мы пришли к выводу, что достоверно оценить человеческие потери вследствие атаки SARS-CoV-2 практически невозможно. Во-первых, по

⁸ Здравоохранение в России. 2021 : стат. сб. М. : Росстат, 2021. С. 21–22.

⁹ Смертность от наркотиков в России возросла на 60 % на фоне пандемии [Электронный ресурс] // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/07/2021/60f1b7cc9a79472c99206f4d> (дата обращения: 18.05.2022).

¹⁰ Здравоохранение в России. С. 46.

¹¹ «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С. М. Плаксина, А. Б. Жулина, С. А. Фаризовой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 55–83.

той причине, что методики счета в разных странах отличаются. Во-вторых, не всегда своевременно и должным образом проводилось тестирование. Нередки случаи, когда диагноз COVID-19 не был установлен даже после пребывания в ковидном стационаре, поскольку проведенное тестирование его не выявило. В-третьих, как отмечают некоторые авторы, точность официальных данных о смертности от COVID-19 во многих странах сомнительна [2]. В-четвертых, кроме летальных исходов непосредственно от COVID-19 необходимо учитывать и потери, косвенно связанные с пандемией, поскольку вследствие перепрофилирования многих лечебных учреждений в инфекционные и большой загруженности звена скорой помощи не все нуждающиеся в медицинской помощи могли ее своевременно получить. В-пятых, необходимо учитывать и участвовавшие случаи смертности не только от болезней, но и от внешних причин, связанных с изоляцией и стрессом.

Второй фактор развития народонаселения – миграция. Демографическая ситуация и экономическое развитие ряда стран сильно зависят от внешней миграции, например, Новой Зеландии, Австралии, Канады, Германии и других стран. Различным аспектам международной миграции посвящены исследования таких зарубежных ученых, как А. И. Алеку [12], А. Геддес [13], Л. Грип [14], Д. МакКормак-Джордж [15], К. Нэттер [16], М. Шейн [17].

Зависимость демографической ситуации в нашей стране от внешней миграции не так высока, как в перечисленных странах: если, например, в Канаде коэффициент миграционного прироста в допандемийный период был равен 11,3 на 1 000 чел. населения (2017 г.), то в Российской Федерации он составлял 1,9 на 1 000 чел. населения (2019 г.)¹². Однако недооценивать этот фактор формирования населения и рабочей силы России и ее регионов нельзя, о чем предупреждают российские ученые [18–21].

Материалы и методы. Источник информации – данные Федеральной службы государственной статистики России, публикации периодической научной печати, данные интернет-источников.

Обобщение результатов опубликованных научных исследований проводилось на основе контент-анализа. Критический подход позволил выявить несоответствие между опубликованными материалами и данными официальной статистики; демографические изменения установлены на основе методов демографического анализа; расчет COVID-ассоциированных демографических потерь в результате роста смертности проводился путем определения числа избыточных смертей от других причин, по которым в 2020 г. зафиксирован разворот многолетнего тренда.

Результаты исследования. По данным Росстата, по показателю продолжительности жизни, который, по сути, отражает общую ситуацию в стране, включая и состояние здоровья населения, и уровень их жизни, и организацию здравоохранения, Россия в 2020 г. была отброшена на несколько лет назад: по продолжительности жизни мужчин – на уровень 2016 г., женщин – 2014 г. (табл. 1)

¹² Россия и страны мира. 2020 : стат. сб. М. : Росстат, 2020. С. 54.

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет¹³
 Table 1. Life expectancy at birth, years

Годы / Year	Все население / Total population			Городское население / Urban population			Сельское население / Rural population		
	всего / total	муж. / males	жен. / females	всего / total	муж. / males	жен. / females	всего / total	муж. / males	жен. / females
2010	68,94	63,09	74,88	69,69	63,82	75,39	66,92	61,19	73,42
2011	69,83	64,04	75,61	70,51	64,67	76,10	67,99	62,40	74,21
2012	70,24	64,56	75,86	70,83	65,10	76,27	68,61	63,12	74,66
2013	70,76	65,13	76,30	71,33	65,64	76,70	69,18	63,75	75,13
2014	70,93	65,29	76,47	71,44	65,75	76,83	69,49	64,07	75,43
2015	71,39	65,92	76,71	71,91	66,38	77,09	69,90	64,67	75,59
2016	71,87	66,50	77,06	72,35	66,91	77,38	70,50	65,36	76,07
2017	72,70	67,51	77,64	73,16	67,90	77,96	71,38	66,43	76,66
2018	72,91	67,75	77,82	73,34	68,11	78,09	71,67	66,75	76,93
2019	73,34	68,24	78,17	73,72	68,56	78,41	72,21	67,36	77,39
2020	71,54	66,49	76,43	71,81	66,67	76,61	70,69	65,97	75,82

За первый год пандемии продолжительность жизни российских мужчин уменьшилась на 1,75 года (или 2,6 %), женщин – на 1,74 года (2,2 %). Существенное различие в уровне относительных показателей динамики при примерно одинаковых абсолютных отклонениях измеряемых величин объясняется различающейся базой – продолжительность жизни мужчин в России была и остается меньше, чем женщин. Асимметрия показателя в 2010 г. составляла 11,71 года, в 2019 г. – 9,93 года, в 2020 г. – 9,94 года¹⁴. В 2010–2019 гг. произошло заметное сближение показателя, в 2020 г. различия в продолжительности жизни мужчин и женщин в России вновь немного увеличились.

Можно было бы предположить, что это связано с пандемией. Однако подобное наблюдалось в предшествующий непродолжительный, по демографическим меркам, период неоднократно: в 2001 г. асимметрия рассматриваемого показателя усилилась на 0,02 года, в 2003 г. – на 0,08, в 2004 г. – на 0,15, в 2005 г. – на 0,1, в 2014 г. – на 0,01 года¹⁵. Это не позволяет с полной уверенностью утверждать, что более существенное сокращение ожидаемой продолжительности жизни мужчин в России в 2020 г. произошло вследствие пандемии.

Городское население России пострадало от COVID-19 в большей степени, чем сельское: продолжительность жизни горожан уменьшилась на 1,91 года (или на 2,6 %), сельских жителей – на 1,52 года (или на 2,1 %). Продолжительность жизни мужчин, проживающих в городской местности, в абсолютных значениях сократилась немного больше, чем женщин, но в относительных из-за более низкой базы уменьшение показателя было более значительным – на 1,89 года (или на 2,8 %) и 1,8 года (или на 2,3 %) соответственно. В сельской местности в абсолютном измерении сильнее пострадала женская часть населения (уменьшение продолжительности жизни на 1,57 года против 1,39 года у мужчин), относительные отклонения по половым группам примерно одинаковы – минус 2,0 % и минус 2,1 % соответственно (табл. 1).

¹³ Таблица составлена автором по: Российский статистический ежегодник : стат. сб. М. : Росстат, 2021. С. 101.

¹⁴ Там же. С. 90.

¹⁵ Там же. С. 101.

Поскольку у мужчин, по статистике, продолжительность жизни меньше, чем у женщин¹⁶, считаем более правильным оценивать абсолютные изменения, а они не подтверждают того, что мужчины в пандемию пострадали сильнее, чем женщины. Об этом говорит тот факт, что асимметрия продолжительности жизни представителей разного пола в Российской Федерации в 2020 г. увеличилась незначительно – на 0,01 года, а также то обстоятельство, что такие и даже более значительные изменения разницы в продолжительности жизни полов в России происходили в допандемийный период довольно часто (2001, 2003, 2004, 2005, 2014 гг.).

Таким образом, на основании анализа данных Росстата о динамике продолжительности жизни в России в период пандемии с уверенностью можно утверждать только то, что продолжительность жизни россиян снизилась. Абсолютные изменения в продолжительности жизни представителей разных полов не позволяют говорить о том, что один из них оказался более подверженным тяжелому течению COVID-19.

Рассмотрим показатели смертности. В последние годы, благодаря реализуемым в стране многочисленным программам, направленным на охрану здоровья россиян, смертность заметно снизилась: с 16,4 умерших на 1 000 чел. населения в 2003 г. до 12,3 промилле в 2019 г. Пандемия COVID-19 нарушила многолетнюю тенденцию почти ежегодного снижения смертности (за исключением небольшого повышения показателя в 2005, 2010, 2014 и 2018 гг.). С началом пандемии коэффициент смертности резко увеличился и составил в 2020 г. 14,6 умерших на 1 000 чел. населения (табл. 2). Это позволяет говорить о том, что прирост смертности в России в 2020 г. в большей степени был прямо или косвенно связан с пандемией.

Т а б л и ц а 2. Коэффициенты смертности в Российской Федерации в 2000–2020 гг. (умершие на 1 000 чел. населения)¹⁷

Table 2. Mortality rates of the Russian Federation in 2000–2020 (deaths per 1000 population)

2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
16,4	15,9	16,1	15,1	14,6	14,5	14,1	14,2	13,5
2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
13,3	13,0	13,1	13,0	12,9	12,4	12,5	12,3	14,6

Анализ возрастных коэффициентов смертности показывает, что в первый год пандемии младенческая смертность по обоим полам продолжала снижаться, смертность детей и подростков не увеличилась. Рост смертности мужчин отмечается, начиная с 25–29 лет с усилением в каждой последующей возрастной группе, женщин – с 30–34 лет с волнообразными изменениями в более старших категориях. Это убедительно доказывает, что чем старше человек, тем больше риск тяжелого течения COVID-19 (табл. 3).

¹⁶ Россия и страны мира. 2020 : стат. сб. М. : Росстат 2020. С. 50–51.

¹⁷ Таблица составлена автором по: Демографический ежегодник России. 2021.

Т а б л и ц а 3. **Возрастные коэффициенты смертности** (умершие на 1 000 чел. населения соответствующей возрастной группы)¹⁸

Table 3. **Age-specific mortality rates** (deaths per 1000 population of relevant age group)

Возраст / Age	Мужчины / Males			Женщины / Females		
	2019	2020	2020 г. к 2019 г., %	2019	2020	2020 г. к 2019 г., %
Всего / Total	13,2	15,7	118,9	11,4	13,7	120,2
из них в возрасте, лет / of which at age, years						
0	5,3	5,0	94,3	4,4	3,9	88,6
1–4	0,3	0,3	100,0	0,3	0,2	66,7
5–9	0,2	0,2	100,0	0,1	0,1	100,0
10–14	0,3	0,3	100,0	0,2	0,2	100,0
15–19	0,8	0,8	100,0	0,4	0,4	100,0
20–24	1,4	1,4	100,0	0,5	0,5	100,0
25–29	2,0	2,1	105,0	0,7	0,7	100,0
30–34	3,5	3,7	105,7	1,2	1,3	108,3
35–39	5,6	5,9	105,4	2,0	2,1	105,0
40–44	7,8	8,5	109,0	2,7	3,1	114,8
45–49	9,5	10,7	112,6	3,4	4,1	120,6
50–54	13,0	14,6	112,3	4,6	5,5	119,6
55–59	18,7	21,2	113,4	6,7	8,0	119,4
60–64	28,4	32,4	114,1	9,8	12,0	122,4
65–69	39,1	46,7	119,4	15,2	18,8	123,7
70 и более / 70 and over	81,8	99,8	122,0	65,0	75,5	116,2
в трудоспособном возрасте / at working age	7,1	8,2	115,5	2,1	2,5	119,0
0–17	0,6	0,5	83,3	0,4	0,4	100,0

Смертность среди женщин в Российской Федерации возросла в большей степени, чем среди мужчин (на 20,2 % против 18,9 %). Можно было бы предположить, что это связано с более высокой продолжительностью жизни женщин и различиями возрастных структур, поскольку удельный вес пожилых, которые оказались в зоне повышенного риска тяжелого течения COVID-19, в составе женщин больше, чем среди мужчин. Однако существенные различия в динамике смертности по возрастным группам не подтверждают это предположение: сравнение возрастных коэффициентов смертности показало, что среди женщин прирост смертности был больше, чем среди мужчин, в большинстве возрастных групп; исключение составляют только категории 25–29 лет и 35–39 лет. Подобное соотношение наблюдается также в группе 70 лет и более, но в данном случае уместно напомнить, что продолжительность жизни российских мужчин не достигала в 2019 г. нижней границы этого интервала. Коэффициент смертности в трудоспособном возрасте мужчин, несмотря на то, что верхняя граница трудоспособности у них выше, увеличилась на 15,5 %, женщин – на 19,0 %.

Наиболее уязвимыми перед вирусом оказались женщины 65–69 лет – прирост смертности в этой возрастной группе составил почти 24 %. И это несмотря на то, что для работающих граждан 65 лет и старше в 2020 г. длительное время оформлялись электронные листки нетрудоспособности. По группе мужчин этого возраста прирост смертности тоже был очень большим – 19 %, больше только

¹⁸ Таблица составлена автором по: Здравоохранение в России. С. 20.

в самой старшей возрастной группе. Предпринятые в борьбе с коронавирусом меры могли не привести к ожидаемому результату по причине их массового нарушения, и в этом случае речь может идти о недостаточном контроле над соблюдением установленных ограничений. Так, прирост коэффициента смертности женщин 65–69 лет был не только больше, чем в возрастной категории 60–64 лет, на которую запрет не распространялся (т. е. они продолжали работать, а значит, пользоваться общественным транспортом и близко контактировать с коллегами по работе), но и в 1,5 раза превысил этот показатель среди женщин 70 лет и старше. Прирост смертности мужчин в возрасте 65–69 лет тоже был существенно больше, чем в предыдущей возрастной группе. Эта зафиксированная официальной статистикой особенность требует пристального внимания со стороны медицинских работников.

Таким образом, анализ динамики смертности в первый год пандемии COVID-19 показал, что смертность среди женщин увеличилась в большей степени, чем среди мужчин, особенно в трудоспособном возрасте; прирост смертности в возрасте 65–69 лет был очень высоким, а по группе женщин – самым высоким среди всех возрастных групп.

Согласно медицинской статистике, в 2020 г. в нашей стране коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19, стала причиной смерти 144,7 тыс. чел. Это в 2,5 раза больше, чем от инфаркта миокарда. Кроме того, 2020 г. характеризуется ростом смертности и от других причин. Вопреки многолетней тенденции снижения смертности от болезней органов дыхания, в 2020 г. по этому классу причин зафиксирован взрывной рост смертности – прирост числа смертей в расчете на 100 000 чел. населения составил 63,5 %.

Значительный рост смертности в первый год пандемии после многолетнего периода снижения отмечался и по таким болезням, как ишемическая болезнь сердца (прирост 15 %), цереброваскулярные болезни (7 %), инфаркт миокарда (прирост 6 %). В 2020 г. более чем на 9 % увеличился коэффициент смертности от болезней органов пищеварения. Хотя увеличение числа смертей, вызванных этими болезнями, отмечалось и в предыдущий год, оно не было столь значительным: в 2019 г. рассматриваемый показатель увеличился на 3 %, а в 2010–2015 гг., характеризующихся значительным ростом смертности от этих болезней, – на 8 %. На 4,5 % возросла смертность от случайных отравлений алкоголем, что тоже нарушило многолетнюю тенденцию (табл. 4).

Таблица 4. Умершие по основным классам причин смерти, на 100 000 чел. населения¹⁹

Table 4. Mortality by major causes of death, per 100 000 population

Класс причин смерти / Major causes of death	2005	2010	2015	2018	2019	2020
1	2	3	4	5	6	7
Умершие от всех причин / All causes of death	1 605,3	1 420,0	1 303,6	1 245,6	1 225,3	1 460,2
из них / of which:						
от новообразований / neoplasms	200,6	205,2	205,1	203,0	203,5	202,0
от болезней системы кровообращения / diseases of the circulatory system	905,4	806,4	635,3	583,1	573,2	640,8

¹⁹ Таблица составлена автором по: Здравоохранение в России. С. 21–22.

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5	6	7
из них / of which:						
от ишемической болезни сердца / from coronary heart disease	435,9	418,6	337,9	308,7	301,4	347,3
из них от инфаркта миокарда / of which from myocardial infarction	44,6	47,2	43,5	38,8	37,3	39,7
от цереброваскулярных болезней / from cerebrovascular diseases	324,1	260,6	198,3	179,5	177,6	190,2
от внешних причин смерти / external causes of death	220,1	151,8	121,3	98,5	93,8	95,3
из них / of which:						
от случайных отравлений алкоголем / accidental poisoning by alcohol	28,5	13,4	10,4	7,5	6,7	7,0
от всех видов транспортных несчастных случаев / all types of transport accidents	28,0	20,0	17,0	13,0	12,1	11,6
от самоубийств / suicides	32,1	23,4	17,4	12,4	11,7	11,3
от убийств / homicides	24,8	13,3	8,2	5,4	5,0	4,7
от болезней органов дыхания / diseases of the respiratory system	66,0	52,4	51,8	41,6	40,3	65,9
от болезней органов пищеварения / diseases of the digestive system	65,4	64,4	69,6	65,0	67,0	73,3
от некоторых инфекционных и паразитарных болезней / certain infectious and parasitic diseases	27,2	23,5	23,5	23,6	22,4	20,6
от болезни, вызванной вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) / from the disease caused by the human immunodeficiency virus (HIV)	1,1	4,7	10,6	14,6	13,7	12,6

Это позволяет говорить о том, что рост смертности населения России от болезней органов дыхания, системы кровообращения и заболеваний органов пищеварения в 2020 г. был связан с пандемией COVID-19. Если бы в 2020 г. от перечисленных причин умерло хотя бы не больше людей, чем годом ранее (хотя статистика фиксирует многолетнюю тенденцию к снижению, что позволяет предположить, что без COVID-19 смертность от этих причин в 2020 г. могла быть и ниже, чем в 2019 г.), то демографические потери были бы на 143,7 тыс. чел. меньше – это примерно столько же жизней, сколько было прервано непосредственно COVID-19. Такие результаты борьбы с заболеванием (когда на каждые 100 чел. умерших от ранее неизвестной инфекции умерло от других заболеваний на 99 чел. больше, чем годом ранее) заставляют усомниться в достоверности данных о причинах смерти.

Специалистам необходимо доподлинно установить, насколько рост смертности в 2020 г. в нашей стране был связан с COVID-19 и насколько эффективными были предпринятые меры, поскольку от этого зависит то, насколько подготовленной окажется отечественная система здравоохранения к новой вирусной атаке. Для такого анализа, в первую очередь, необходима максимально полная и точная статистическая информация, которой, надеемся, специалисты располагают, поскольку те данные, что опубликованы Росстатом, вызывают определенное недоверие. (Хотя понимаем, что эта служба только свела данные, полученные из других источников.) Надеемся также, что специалисты располагают и более

оперативной информацией, поскольку в открытых источниках доступны данные только за 2020 г., а информация за 2021 г., согласно графику публикаций Росстата, появится в конце 2022 г.

Второй компонент демографической динамики – миграция – значительного влияния на воспроизводство населения современной России в целом не оказывает: миграционный прирост в последние годы не превышает 0,2 % от численности населения страны. В первый год пандемии, когда практически все страны закрыли свои границы, миграционный прирост в Российской Федерации хотя и был в 2 раза меньше, чем годом ранее, но оставался на уровне 2018 г.²⁰, т. е. сокращение притока мигрантов шоком для страны не стало. Хотя периодически появлялась информация о нехватке рабочей силы, но эти вопросы оперативно решались.

Кроме того, что миграционный прирост в Российской Федерации в 2020 г. резко сократился, большие изменения произошли и в возрастно-половой структуре миграции. Если до пандемии в составе миграционного прироста преобладали мужчины, которых было на 1/3 больше, чем женщин, то в 2020 г. картина кардинально изменилась – женщин стало в 1,5 раза больше, чем мужчин (табл. 5). Это дает основания предположить, что поток сократился за счет трудовых мигрантов, среди которых в основном преобладают мужчины. В пользу этой гипотезы говорят и изменения возрастной структуры миграционного прироста: по обоим полам уменьшился удельный вес трудоспособного возраста и увеличились доли категорий моложе и старше трудоспособного возраста. Подтвердится ли данное предположение, станет известно в конце 2022 г., когда будут опубликованы данные Росстата за 2021 г.

Таблица 5. Миграционный прирост населения. Распределение по полу и возрастным группам, 2019–2020 гг.²¹

Table 5. Migration population growth. Distribution by sex and age groups, 2019–2020

Пол / Sex Возрастная группа / Age group	Миграционный прирост (всего) / Migration population growth (total)	
	2019	2020
1	2	3
Мужчины и женщины, чел. / Males and females, persons	285 103	106 474
Мужчины и женщины по основным возрастным группам, % / Males and females, by age groups, percent:		
моложе трудоспособного возраста / under working age	11,1	19,9
в трудоспособном возрасте / at working age	77,3	59,7
старше трудоспособного возраста / over working age	11,6	15,0
Мужчины, чел. / Males, persons	163 090	42 478
Мужчины по основным возрастным группам / Males by age groups:		
моложе трудоспособного возраста / under working age	10,2	25,1
в трудоспособном возрасте / at working age	83,7	65,9
старше трудоспособного возраста / over working age	6,1	9,1

²⁰ Российский статистический ежегодник : стат. сб. М. : Росстат, 2021. С. 90.

²¹ Таблица составлена автором по: Демографический ежегодник России : стат. сб. М. : Росстат, 2021. 7.5.

Окончание табл. 5 / End of table 5

1	2	3
Женщины, чел. / Females, persons	122 013	63 996
Женщины по основным возрастным группам, % / Females, by age groups, percent:		
моложе трудоспособного возраста / under working age	12,3	16,5
в трудоспособном возрасте / at working age	68,6	64,7
старше трудоспособного возраста / over working age	19,1	18,9

Положительно следует оценить то, что вследствие введенных жестких ограничений процесс урбанизации в нашей стране замедлился, и миграционная убыль сельского населения уменьшилась с 62 тыс. чел. в 2019 г. до 39 тыс. чел. в 2020 г.²²

Таким образом, снижение интенсивности механического движения населения в первый год пандемии не стало серьезным негативным фактором для демографического развития Российской Федерации. Более того, возрос интерес горожан к отдыху в сельской местности, что проявилось в спросе и ценах на загородную недвижимость²³. К положительному явлению также относится и то, что в 2020 г. в результате перераспределения населения между регионами численность сельских жителей немного возросла – на 15,2 тыс. чел., поддерживая наметившуюся тенденцию (ранее за многолетний период такое отмечалось только в 2018 (+1,2 тыс. чел.) и в 2019 гг. (+21,2 тыс. чел.)²⁴.

Обсуждение и заключение. Вследствие роста смертности в первый год пандемии COVID-19 продолжительность жизни россиян сократилась на 1,8 года и составила 71,54 года, что меньше, чем в 2017 г. Городская местность понесла большие демографические потери вследствие роста смертности, что проявилось в более существенном уменьшении продолжительности жизни городского населения по сравнению с сельскими жителями. Роста смертности детей и подростков в нашей стране в 2020 г. не произошло, как и молодежи до 25 лет. В каждой последующей возрастной группе мужчин зафиксировано усиление темпа роста показателей смертности, среди женщин это отмечается, начиная с 30-летнего возраста.

Смертность среди женщин в Российской Федерации возросла в большей степени, чем среди мужчин, и это характерно для большинства возрастных групп. Коэффициент смертности в трудоспособном возрасте мужчин, несмотря на то, что верхняя граница трудоспособности у них выше, увеличилась в меньшей степени, чем этот показатель по группе женщин. Наиболее уязвимыми перед вирусом оказались женщины 65–69 лет – прирост смертности в этой возрастной группе был самым большим.

Кроме прямых демографических потерь от COVID-19 (144,7 тыс. чел. в 2020 г.), зафиксирован нарушивший многолетнюю тенденцию рост смертности от других причин – болезней органов дыхания, ишемической болезни сердца, цереброваскулярных болезней, а также от болезней органов пищеварения и случайных отравлений алкоголем. Косвенные демографические потери от COVID-19 в 2020 г., рассчитанные путем оценки прироста смертности от перечисленных причин, составили не менее 143,7 тыс. чел.

²² Демографический ежегодник России. 7.1.

²³ Коронавирус вызвал рост спроса к загородному жилью в России [Электронный ресурс] // РБК : сайт. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5f855f6b9a79476336e30ae0> (дата обращения: 10.05.2022).

²⁴ Демографический ежегодник России. 7.1.

Миграционный прирост в Российской Федерации в первый год пандемии сократился в 2 раза, но оставался на уровне 2018 г. Изменения возрастно-половой структуры миграционного прироста дают основания предположить, что сокращение произошло в основном за счет трудовых мигрантов, а значит, при стабилизации эпидемиологической ситуации и открытии границ следует ожидать восстановления потока. Вследствие введенных жестких ограничений на перемещение населения, процесс урбанизации в стране замедлился, миграционная убыль сельского населения уменьшилась.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны для ученых, занимающихся вопросами демографического развития, а также использованы при оценке эффективности мер, предпринятых для борьбы с распространением коронавирусной инфекции в 2020 г. Исследования в этом направлении должны быть продолжены после публикации данных за 2021 г. и результатов Всероссийской переписи населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ибрагимова А. А., Ильдарханова Ч. И. Естественное воспроизводство российского населения в период пандемии коронавирусной инфекции: риски и последствия (на примере Республики Татарстан) // Регионология. 2021. Т. 29, № 3. С. 686–708. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.686-708>
2. Effects of COVID-19 Pandemic on Life Expectancy and Premature Mortality in 2020: Time Series Analysis in 37 Countries / I. Nazrul [et al.] // BMJ. 2021. Vol. 375. doi: <https://doi.org/10.1136/bmj-2021-066768>
3. Земцов С. П., Бабуринов В. Л. COVID-19: пространственная динамика и факторы распространения по регионам России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 4. С. 485–505. doi: <https://doi.org/10.31857/S2587556620040159>
4. Панин А. Н., Рыльский И. А., Тикунов В. С. Пространственные закономерности распространения пандемии COVID-19 в России и мире: картографический анализ // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2021. № 1. С. 62–77. URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/810> (дата обращения: 10.04.2022).
5. Сабгайда Т. П. Структура избыточной смертности, обусловленной пандемией новой коронавирусной инфекции, у городских и сельских жителей // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. № 5. doi: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-5-1>
6. Липатова Л. Н. Особенности демографического развития сельских территорий в условиях пандемии // Регионология. 2022. Т. 30, № 1 (118). С. 155–177. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.155-177>
7. Хасанова Р. Р., Зубаревич Н. В. Рождаемость, смертность населения и положение регионов в начале второй волны пандемии // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28, № 1. С. 77–87. URL: http://www.edrussia.ru/images/pdf/2021/01/red_0121_Khasanova_Zubarevich.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
8. Щепин В. О., Хабриев Р. У. Особенности смертности населения Российской Федерации, Центрального округа и города Москвы в 2020 г. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 2. С. 189–193. doi: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-2-189-193>
9. Excess Mortality: The Gold Standard in Measuring the Impact of COVID-19 Worldwide? / T. Beancy [et al.] // Journal of the Royal Society of Medicine. 2020. Vol. 113, issue 9. Pp. 329–334. doi: <https://doi.org/10.1177/0141076820956802>
10. Кашепов А. В. Избыточная смертность населения в 2020–2021 гг. // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 5, ч. 2. С. 200–207. doi: <https://doi.org/10.17513/vaael.1706>
11. COVID-19: A Need for Real-Time Monitoring of Weekly Excess Deaths / D. A. Leon [et al.] // The Lancet. 2020. Vol. 395, issue 10234. doi: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30933-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30933-8)

12. Alecu A. I., Drange I. Barriers to Access? Immigrant Origin and Occupational Regulation // *Nordic Journal of Migration Research*. 2019. Vol. 9, issue 1. Pp. 37–59. doi: <http://doi.org/10.2478/njmr-2019-0001>
13. Geddes A., Scholten P. The Politics of Migration and Immigration in Europe. SAGE Publications Ltd, 2016. 288 p. doi: <https://doi.org/10.4135/9781473982703>
14. Grip L. Knocking on the Doors of Integration: Swedish Integration Policy and the Production of a National Space // *Journal of International Migration and Integration*. 2020. Vol. 21, issue 3. doi: <https://doi.org/10.1007/s12134-019-00691-y>
15. McCormack-George D. Equal Treatment of Third-Country Nationals in the European Union: Why Not? // *European Journal of Migration and Law*. 2019. Vol. 21, issue 1. Pp. 53–82. doi: <https://doi.org/10.1163/15718166-12340042>
16. Natter K. Rethinking Immigration Policy Theory Beyond “Western Liberal Democracies” // *Comparative Migration Studies*. 2018. Vol. 6, no. 4. doi: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0071-9>
17. Schain M. The Border: Policy and Politics in Europe and the United States. Oxford : Oxford University Press, 2019. 299 p. URL: <https://global.oup.com/academic/product/the-border-9780199938698?lang=en&cc=ru> (дата обращения: 15.05.2022).
18. Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13. EDN: PCPDNV
19. Гудков Л. Почему мы не любим приезжих? // *Мир России*. 2007. Т. 16, № 2. С. 48–82. URL: <https://mirros.hse.ru/index.php/mirros/article/view/5178> (дата обращения: 12.05.2022).
20. Денисова Г. С. Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области // *Регионология*. 2021. Т. 29, № 1. С. 126–151. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.126-150>
21. Зорин В. Ю. Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019. № 9 (3). С. 40–50. doi: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50>
22. Рязанцев В. С. Внешняя миграционная политика России: концептуальное обоснование и инструменты реализации // *Международные процессы*. 2016. Т. 14, № 4 (47). С. 22–29. doi: <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.2>

Поступила 27.06.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

Об авторе:

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, д. 57/43), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ibragimova A.A., Ildarhanova Ch.I. Natural Reproduction of the Population of Russia during the Coronavirus Pandemic: Risks and Consequences (The Case of the Republic of Tatarstan). *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(3):686–708. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.686-708>
2. Nazrul I., Jdanov D.A., Shkolnikov V.M., et al. Effects of COVID-19 Pandemic on Life Expectancy and Premature Mortality in 2020: Time Series Analysis in 37 Countries. *BMJ*. 2021;375. doi: <https://doi.org/10.1136/bmj-2021-066768>
3. Zemtsov S.P., Baburin V.L. COVID-19: Spatial Dynamics and Diffusion Factors across Russian Regions. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2020;(4):485–505. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S2587556620040159>
4. Panin A.N., Rilskiy I.A., Tikunov V.S. Spatial Patterns of COVID-19 Distribution in Russia and the World: Cartographic Analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2021;(1):62–77. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/810> (accessed 10.04.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Sabgayda T.P. The Structure of Excess Mortality Due to the Novel Coronavirus Infection Pandemic in Urban and Rural Residents. *Social Aspects of Population Health*. 2021;(5). (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-5-1>

6. Lipatova L.N. Features of the Demographic Development of Rural Areas in Russia in a Pandemic. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(1):155–177. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.155-177>
7. Khasanova R.R., Zubarevich N.V. Birth Rate, Mortality and Situation of Regions at the Onset of the Second Wave of Pandemic. *Russian Economic Developments*. 2021;28(1):77–87. Available at: http://www.edrussia.ru/images/pdf/2021/01/red_0121_Khasanova_Zubarevich.pdf (accessed 12.05.2022).
8. Shchepin V.O., Khabriev R.U. The Characteristics of Population Mortality of the Russian Federation, the Central Federal Okrug and City of Moscow in 2020. *Problemy sotsialnoi gigiyeny, zdoravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2021;29(2):189–193. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-2-189-193>
9. Beaney T., Clarke J., Jain V., et al. Excess Mortality: The Gold Standard in Measuring the Impact of COVID-19 Worldwide? *Journal of the Royal Society of Medicine*. 2020;113(9):329–334. doi: <https://doi.org/10.1177/0141076820956802>
10. Kashpov A.V. Excess Mortality of the Population in 2020–2021. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*. 2021;(5-2):200–207. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17513/vael.1706>
11. Leon D.A., Shkolnikov V.M., Smeeth L., Magnus P., Pechholdová M., Jarvis C.I. COVID-19: a Need for Real-Time Monitoring of Weekly Excess Deaths. *The Lancet*. 2020;395(10234). doi: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30933-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30933-8)
12. Alecu A.I., Drange I. Barriers to Access? Immigrant Origin and Occupational Regulation. *Nordic Journal of Migration Research*. 2019;9(1):37–59. doi: <http://doi.org/10.2478/njmr-2019-0001>
13. Geddes A., Scholten P. The Politics of Migration and Immigration in Europe. SAGE Publications Ltd; 2016. doi: <https://www.doi.org/10.4135/9781473982703>
14. Grip L. Knocking on the Doors of Integration: Swedish Integration Policy and the Production of a National Space. *Journal of International Migration and Integration*. 2020;21(3). doi: <https://doi.org/10.1007/s12134-019-00691-y>
15. McCormack-George D. Equal Treatment of Third-Country Nationals in the European Union: Why Not? *European Journal of Migration and Law*. 2019;21(1):53–82. doi: <https://doi.org/10.1163/15718166-12340042>
16. Natter K. Rethinking Immigration Policy Theory beyond “Western Liberal Democracies”. *Comparative Migration Studies*. 2018;6(4). doi: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0071-9>
17. Schain M. The Border: Policy and Politics in Europe and the United States. Oxford: Oxford University Press; 2019. Available at: <https://global.oup.com/academic/product/the-border-9780199938698?lang=en&cc=ru> (accessed 15.05.2022).
18. Abashin S.N. Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism. *Ethnographic Review*. 2012;(4):3–13. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: PCPDNV
19. Gudkov L. Why Do We Dislike the Non-Residents? *Universe of Russia*. 2007;16(2):48–82. Available at: <https://mirros.hse.ru/index.php/mirros/article/view/5178> (accessed 12.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
20. Denisova G.S. Sociological Evaluation of the Influence of International Migration on the Socio-Economic Development of the Rostov Region. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(1):126–150. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.126-150>
21. Zorin V.Yu. The Migration Situation in the Russian Federation: Problems and Solutions. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;(9):40–50. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50>
22. Ryazantsev S.V. Foreign Migration Policy of Russia. *International Trends*. 2016;14(4):22–29. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.2>

Submitted 27.06.2022; revised 16.09.2022; accepted 26.09.2022.

About the authors:

Lyudmila N. Lipatova, Dr. Sci. (Sociology), Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Department of Economics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Ave., Vasilevsky Island, St. Petersburg 199178, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 330.341:314.17

doi: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.123-142

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Человеческий капитал на территориях с разным уровнем благополучия: измерение и влияние

А. В. Нешатаев

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)
a.v.neshataev@urfu.ru

Аннотация

Введение. В современных внешнеполитических проблемах развития России возрастает необходимость формирования и сохранения человеческого капитала территорий. Воспроизводство и эффективное применение человеческого капитала находит свое отражение в создании новых технологий. В то же время социально-экономическое состояние депрессивных территорий обусловлено низким уровнем реализации человеческого капитала. Накопление человеческого капитала может способствовать развитию депрессивных территорий. Цель статьи – по материалам проведенного исследования оценить человеческий капитал муниципальных образований с разным уровнем социально-экономического положения.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались данные муниципальной статистики. Для измерения человеческого капитала территории применялся индексный метод, в рамках которого статистические показатели были объединены в следующие блоки: демография, образование, здоровье и спорт, экономика, культура.

Результаты исследования. Выявлена корреляционная связь между значениями образовательного и демографического индексов. Обнаружена взаимосвязь между уровнем социально-экономического положения территории и образовательным индексом. Благодаря наличию не только необходимой инфраструктуры формирования человеческого капитала, но и сильной экономики территории развиваются наиболее быстро. В то же время не была определена взаимосвязь между текущим экономическим положением территорий и индексом развития качества человеческого капитала десятилетней давности. Некоторые депрессивные муниципальные образования характеризуются достаточно высокими показателями рождаемости при наличии социальной инфраструктуры, способствующей развитию человеческого капитала и качества человеческих ресурсов. Концентрация учреждений формирования человеческого капитала в региональном центре может иметь негативное влияние на экономическое развитие других муниципалитетов региона, особенно со слаборазвитой инфраструктурой.

Обсуждение и заключение. Подтверждается необходимость воздействия на региональную политику управления человеческим капиталом на депрессивных территориях. Предлагается принятие на законодательном уровне механизмов определения депрессивных территорий и мер их поддержки. Указанные выводы могут быть использованы исполнительными органами власти по формированию стратегии пространственного развития страны.

Ключевые слова: человеческий капитал, социально-экономическое благополучие, региональная экономика, депрессивные территории, развитые территории

© Нешатаев А. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Для цитирования: Нешатаев А. В. Человеческий капитал на территориях с разным уровнем благополучия: измерение и влияние // Регионология. 2023. Т. 31, № 1. С. 123–142. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.123-142>

Original article

Human Capital in Territories with Different Level of Socio-Economic Well-Being: Assessment and Influence

A. V. Neshataev

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russian Federation)*

a.v.neshataev@urfu.ru

Abstract

Introduction. In modern foreign policy problems of Russia's development, the need to implement the formation and preservation of the human capital of the population is increasing. Formation and effective use of human capital influences the creation of new technologies and products. At the same time, for many less developed regions – the so-called depressed territories – their socio-economic condition is associated with a low level of reproduction and implementation of the human capital of the population. The accumulation of human capital can have a beneficial effect on the development of depressed territories. The purpose of the article is to assess the human capital of municipalities with different levels of socio-economic status.

Materials and Methods. The study has used a database of statistical indicators of municipalities of the Perm region. To assess the human capital of the population, we have used the index method, in which statistical indicators are combined into blocks: demography, education, health and sports, economics, culture.

Results. A correlation between the values of the educational and demographic indices has been revealed. We have found a relationship between the level of socio-economic status of the territory and the educational index. Territories develop most rapidly in the presence of not only the necessary infrastructure for the formation of human capital, but also a developed economy. None of the development indices of the quality of human capital (education, health and sports, culture) have a direct impact on the economic growth of territories. In some depressed municipalities, there is a high birth rate of the population in the presence of social infrastructure and the quality of human resources necessary for the development of human capital.

Discussion and Conclusion. The practical significance of the study is determined by the need to influence the regional policy of human capital management in peripheral and depressed territories. It is proposed to adopt at the legislative level mechanisms for identifying depressed areas and measures to support them. This article can be used in public administration to create a strategy for the spatial development of the country.

Keywords: human capital, socio-economic well-being, regional economy, depressed areas, developed areas

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (The Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

For citation: Neshataev A.V. Human Capital in Territories with Different Level of Socio-Economic Well-Being: Assessment and Influence. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):123–142. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.123-142>

Введение. Современные внешнеполитические проблемы развития России влияют на изменение стратегических концепций и возможностей социально-экономического развития страны и регионов. В первую очередь это относится к благоприятствованию устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации с целью обеспечения национальной безопасности страны. В этих условиях возрастает необходимость реализации внутреннего экономического потенциала, который может быть выражен формированием и сохранением человеческого капитала, воспроизводство которого обеспечило экономический прорыв во многих развитых странах мира в XX в.

Однако социально-экономическое развитие регионов происходит неравномерно. Обычно низкий уровень благополучия приводит к негативным последствиям в виде возникновения депрессивных территорий, которые часто характеризуются криминогенной обстановкой, алкоголизацией населения, склонностью жителей к самоубийствам, слабым уровнем покупательской способности, отсутствием предпринимательской инициативы, низкой производительностью труда и т. д. С одной стороны, социально-экономическое состояние многих менее развитых регионов связано с низким уровнем формирования и реализации человеческого капитала населения. Создание условий для развития человеческого капитала может оказать положительное влияние для процветания депрессивных территорий, для улучшения благосостояния общества (работники могут заниматься более квалифицированным трудом, становятся более продуктивными, а также возрастает скорость создания научно-технических инноваций). С другой стороны, некоторые депрессивные территории все же обладают необходимыми условиями для формирования человеческого капитала, но неблагоприятное социально-экономическое положение порождает депрессивные настроения населения, которые способствуют воспроизводству пассивности [1], что препятствует реализации экономического потенциала данной территории. В этом случае дополнительные возможности развития в виде притока человеческих ресурсов получают более благополучные районы и города. Кроме того, депрессивные территории часто становятся регионами-драйверами количественного воспроизводства населения¹. В свою очередь, повышение уровня рождаемости входит в число приоритетных задач государственной политики страны.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования оценить человеческий капитал территорий, которые различаются между собой по уровню социально-экономического положения. Таким образом, определяются наиболее значимые условия среды формирования человеческого капитала, оказывающей наибольшее воздействие на социально-экономическое состояние всего региона.

Научная новизна исследования связана, во-первых, с новизной объекта исследования, в качестве которого выступают территории с разным уровнем социально-экономического благополучия. Во-вторых, мы произвели наиболее многомерную и комплексную оценку человеческого капитала с использованием большего количества статистических переменных.

Обзор литературы. В основе классических концепций человеческого капитала Г. Беккера и Т. Шульца лежат процессы обучения и здоровьесбережения². Современные исследования позволили значительно расширить представления о сущности человеческого капитала. За рубежом широкое распространение получил

¹ Ростовская Т. К., Шабунова А. А. Демографическое самочувствие регионов России: национальный демографический доклад. М.: Перспектива. 2021. 138 с.

² Schultz T. W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51, issue 1. Pp. 1–17; Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70, issue 5. Pp. 9–49.

лично-психологический подход, согласно которому формирование человеческого капитала зависит не только от внешних факторов, но от внутренних возможностей человека [2]. Например, при развитии человеческого капитала к таковым можно отнести социальную активность, профессиональную заинтересованность, навыки коммуникации, сознательность, экстраверсию, дисциплину, эмоциональный контроль и т. д. [3]. То есть в первую очередь характеристики самих граждан способствуют воспроизводству человеческого капитала, что ведет к развитию страны.

При этом в развивающихся странах высокий уровень человеческого капитала не всегда приводит к генерации инноваций [4] и часто не способствует значительному росту доходов [5]. При этом для развивающихся стран эффективность формирования человеческого капитала зависит от существующих институциональных механизмов [6]. По мнению В. Е. Гимпельсона, именно по этой причине в России неэффективно используется имеющийся человеческий капитал. Так, из-за жесткого регулирования деятельности бизнеса при недостаточной поддержке рядовые предприниматели не имеют возможности войти в высокотехнологичные секторы экономики, вследствие чего отсутствует спрос на высококвалифицированный персонал [7].

Далее нами рассматривались подходы к оценке человеческого капитала населения. Одним из первых, попытавшихся произвести оценку доходности инвестиций в человеческий капитал, был Дж. Минсер, предложивший расчет взаимосвязи размера заработной платы от количества лет обучения и опыта трудовой деятельности³. Х. Бадингер и Г. Тондл рекомендовали использовать для оценки человеческого капитала конечный результат его реализации – производительность экономики страны, выраженную числом патентов и занятых граждан с высшим образованием, долей экспорта [8]. Ч. Джонс и Р. Холл измеряли человеческий капитал территории через совокупные доходы населения, учитывающие производительность труда, число лет обучения, степень урбанизации и географические особенности⁴.

Также оценку человеческого капитала производят относительно деятельности органов публичного управления, от которых зависит эффективность формирования и использования человеческого капитала. В этом случае могут быть задействованы объемы государственных расходов на здравоохранение и образование [9; 10] или доступность получения образования, которая может включать число бюджетных мест на душу населения в профессиональных образовательных учреждениях и стоимость обучения в них [11]. Х. Наваль, Х. Силва, Х. Васкес-Гренно выделяют в качестве определяющего фактора развития и накопления человеческого капитала объемы времени, затрачиваемые на повышение квалификации или профессиональную переподготовку [12]. При этом негативно влияют на накопление человеческого капитала высокая доля бездомных граждан, отсутствие транспортного соединения, преобладание сельскохозяйственного сектора, низкий уровень поддержки местного производства [13; 14].

Некоторые статистические индикаторы измерения человеческого капитала, предложенные зарубежными авторами, отсутствуют в российской муниципальной статистике. В. Г. Закшевский и З. В. Гаврилова использовали индексный метод оценки человеческого капитала, состоящий из 3 показателей (здравоохранение, образование, культура) [15], к числу недостатков данной методики можно отнести небольшое число переменных (всего по 3 в каждой группе). М. А. Пархомчук и О. И. Солодухина использовали совокупное значение

³ Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66, issue 4. Pp. 281–302.

⁴ Hall R. E., Jones C. I. Why Do Some Countries Produce So Much More Output Per Worker Than Others? // *The Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114, issue 1. Pp. 83–116.

человеческого капитала, исходя из четырех групп индикаторов: образовательный, социальный, здоровьесберегательный и морально-нравственный капитал [16]. И. А. Гурбан и А. Л. Мызина предложили для оценки состояния человеческого капитала показатели пяти блоков: научно-исследовательского, образовательного, трудового, социокультурного и демографического [17]. В своей методике С. А. Грачев, О. А. Доничев и Т. Б. Малкова также сгруппировали индикаторы оценки состояния человеческого капитала в модули: демография, образование, труд, наука и культура [18]. П. В. Мельников классифицирует количественные и качественные индикаторы, способствующие воспроизводству человеческого капитала [19]; М. Ю. Дьяков использует набор переменных, демонстрирующих совокупные расходы государства, предприятий и граждан на факторы повышения конкурентоспособности кадровых ресурсов [20].

В целом при оценке человеческого капитала часто используются статистические данные, отображающие состояние человеческого капитала через образование, здравоохранение, культуру, спорт и экономику. Можно заметить, что, по мнению многих исследователей, немалая роль в формировании человеческого капитала принадлежит органам публичной власти, чья деятельность во многом определяет функционирование социальной инфраструктуры развития человеческого капитала и влияет на векторы развития экономики территории.

Материалы и методы. В ходе исследования мы использовали статистические показатели в разрезе муниципальных образований Пермского края⁵.

На основе результатов изученных эмпирических исследований, посвященных оценке человеческого капитала муниципальных образований, были разработаны следующие блоки статистических переменных: демография, образование, здоровье и спорт, культура, экономика. Раздел «Демография» отражает количественную компоненту формирования человеческого капитала территории, т. е. непосредственно воспроизводство населения; «Образование» – доступность образовательного процесса и результаты исследовательской деятельности; «Здоровье и спорт» – обеспечение населения медицинскими услугами, здоровье населения и возможности активизации спортивного потенциала; «Культура» – духовно-нравственные установки, принятые в обществе. Блоки «Образование», «Здоровье и спорт» и «Культура» мы относим к качественной компоненте формирования человеческого капитала. Раздел «Экономика» демонстрирует социально-экономическое состояние территории. Состав каждого из перечисленных блоков приведен в таблице 1. Стоит отметить, что мы были ограничены данными муниципальной статистики, которая содержит значительно меньшее число статистических показателей по сравнению с региональной статистикой.

Чтобы значения всех признаков, замеренных в разных масштабах и разных единицах, могли быть использованы для дальнейшего совместного анализа, мы провели их стандартизацию по формуле (1):

$$X_p = \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad (1)$$

где X_p – стандартизированное значение X -показателя для p -муниципального образования; X_i – значение X -показателя для p -муниципального образования; $X_{\max}$ – максимальное значение X -показателя среди всех муниципальных образований; $X_{\min}$ – минимальное значение X -показателя среди всех муниципальных образований.

⁵ База данных показателей муниципальных образований Пермского края [Электронный ресурс]. URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst57/DBInet.cgi> (дата обращения: 05.10.2022).

Таблица 1. Статистические индикаторы измерения человеческого капитала территории⁶
 Table 1. Statistical indicators for assessing the human capital of a territory

Блоки статистических индикаторов / Statistical indicator groups	Статистические показатели / Statistical indicators
1	2
Демография / Demography	<p>Общий коэффициент рождаемости / Total birth rate</p> <p>Общий коэффициент смертности / Total death rate</p> <p>Общий коэффициент брачности / Total marriage rate</p> <p>Общий коэффициент разводимости / Total divorce rate</p> <p>Доля женщин молодого возраста (до 35 лет) / Proportion of women under 35 years of age</p> <p>Общий коэффициент миграционного прироста / Total rate of net migration</p>
Образование / Education	<p>Число реорганизованных общеобразовательных организаций с 2005 г. / Number of closed schools since 2005</p> <p>Доля участников ЕГЭ по русскому языку, получивших более 80 баллов / Share of Unified State Exam participants in the Russian language who received more than 80 points</p> <p>Число организаций дошкольного образования на душу населения / Number of preschool organizations per capita</p> <p>Число общеобразовательных организаций на душу населения / Number of secondary schools per capita</p> <p>Число мест в организациях дошкольного образования на душу населения / Number of places in preschool organizations per capita</p> <p>Расходы муниципального бюджета на образование на душу населения, тыс. руб. / Municipal budget expenditures on education per capita, thousand roubles</p> <p>Число бюджетных мест очной формы обучения по программам среднего профессионального образования / Number of free full-time study places in secondary vocational education</p> <p>Число направлений подготовки по программам бакалавриата / Number of areas of study for bachelor's programs</p> <p>Количество населения с высшим образованием на душу населения в возрасте 15 лет и более / Number of population aged over 15 with higher education per capita</p>
Здоровье и спорт / Health and sports	<p>Число больничных организаций / Number of hospitals</p> <p>Число фельдшерско-акушерских пунктов на душу населения / Number of feldsher-obstetric stations per capita</p> <p>Число больничных коек на душу населения / Number of hospital beds per capita</p> <p>Число терапевтических коек на душу населения / Number of therapeutic beds per capita</p> <p>Число врачей всех специальностей на душу населения / Number of doctors per capita</p> <p>Укомплектованность врачами, % / Staffing of doctors, %</p> <p>Число среднего медицинского персонала на душу населения / Number of nurses per capita</p> <p>Укомплектованность средним медицинским персоналом, % / Staffing of nurses, %</p> <p>Численность занимающихся в детско-юношеских спортивных школах на душу населения / The number of children involved in sports schools per capita</p> <p>Число спортивных сооружений на душу населения / Number of sports facilities per capita</p> <p>Доля населения, занимающегося спортом, % / Proportion of the population involved in sports, %</p> <p>Расходы муниципального бюджета на физкультуру и спорт в расчете на душу населения, тыс. руб. / Municipal budget expenditures on physical culture and sports per capita, thousand roubles</p>

⁶Здесь и далее в статье таблицы и рисунки составлены автором.

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2
Культура / Culture	<p>Число зарегистрированных преступлений на душу населения / Number of recorded crimes per capita</p> <p>Число библиотек на душу населения / Number of libraries per capita</p> <p>Число посещений библиотек на душу населения / Number of library visits per capita</p> <p>Число организаций культурно-досугового типа на душу населения / Number of cultural and leisure organizations per capita</p> <p>Объемы продаж алкогольной продукции на душу населения / Volumes of alcohol sales per capita, roubles</p> <p>Расходы муниципального бюджета на культуру на душу населения, тыс. руб. / Municipal budget expenditures for culture per capita, thousand roubles</p>
Экономика / Economy	<p>Уровень зарегистрированной безработицы, % / Unemployment rate, %</p> <p>Объем отгруженных товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами на душу населения, тыс. руб. / Volumes of goods and services produced, thousand roubles</p> <p>Среднемесячная заработная плата работников организаций, руб. / Average salary, roubles</p> <p>Удельный вес прибыльных организаций в общем числе, % / Share of profitable organizations, %</p> <p>Число субъектов малого и среднего предпринимательства на душу населения / Number of entrepreneurs per capita</p> <p>Доля собственных доходов местного бюджета, % / Share of own revenues of the municipal budget, %</p> <p>Собственные доходы местного бюджета на душу населения, тыс. руб. / Own revenues of the municipal budget per capita</p> <p>Среднегодовые инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования на душу населения (2016–2020 гг.), тыс. руб. / Average annual volume of investments of local organizations for 2016–2020, thousand roubles</p>

Далее стандартизированные переменные были сгруппированы по выделенным блокам формирования человеческого капитала и произведен расчет индексов через вычисление средних значений каждого блока для каждого муниципального образования.

Для определения уровня благополучия муниципальных образований использовались значения экономического индекса. Муниципальные образования были проранжированы по данному индексу и разделены на 5 уровней: благополучные, развитые, средние, отстающие и депрессивные (табл. 2). Для наиболее объективной идентификации муниципальных образований по уровням социально-экономического положения определение их границ осуществлялось исходя из наличия существенных разрывов между значениями экономического индекса.

Результаты исследования. Была выявлена взаимосвязь между значениями образовательного и экономического индексов (коэффициент Спирмена – 0,625). Это свидетельствует о том, что качество образования населения способствует повышению квалификации работников. Кроме того, получение высшего образования увеличивает доход примерно вдвое, а среднего профессионального образования – обеспечивает прибавку к заработку порядка 15–25 % [21], вследствие чего возрастает конкурентоспособность отдельных отраслей экономики региона. То есть система образования крайне важна для социально-экономического развития муниципальных образований. Однако здесь важно упомянуть, что учреждения профессионального образования часто располагаются именно на более развитых территориях.

Т а б л и ц а 2. Классификация муниципальных образований Пермского края по экономическому индексу⁷

Table 2. Classification of municipalities of the Perm region by economic index

Социально-экономическое положение / Socio-economic situation	Минимальное значение / Minimum	Максимальное значение / Maximum	Муниципальные образования / Municipalities
Благополучное / Prosperous	0,395	0,532	г. о. Пермь / Urban district Perm г. о. Березники / Urban district Berezniki Пермский м. р-н / Permsky municipal area г. о. Соликамск / Urban district Solikamsk г. о. Чайковский / Urban district Chaykovsky
Развитое / Developed	0,299	0,364	г. о. Краснокамск / Urban district Krasnokamsk г. о. Губаха / Urban district Gubaha г. о. Чернушка / Urban district Chernushka г. о. Добрянка / Urban district Dobryanka г. о. Кунгур / Urban district Kungur Кунгурский м. р-н / Kungursky municipal area Частинский м. о. / Chastinsky municipal district Ординский м. о. / Ordinsky municipal district Куединский м. о. / Kuedinsky municipal district
Среднее / Average	0,264	0,286	г. о. Оса / Urban district Osa г. о. Красновишерск / Urban district Krasnovishersk г. о. Лысьва / Urban district Lysva Уинский м. о. / Uinsky municipal district г. о. Чусовой / Urban district Chusovoy Карагайский м. о. / Karagaysky municipal district г. о. Кудымкар / Urban district Kudymkar г. о. Очер / Urban district Ocher г. о. Верещагино / Urban district Vereschagino г. о. Нытва / Urban district Nyтва
Отстающее / Underdeveloped	0,229	0,252	Кочёвский м. о. / Kochevsky municipal district г. о. Суксун / Urban district Suksun Берёзовский м. о. / Berezovsky municipal district Кишертский м. о. / Kishertsky municipal district г. о. Гремячинск / Urban district Gremyachinsk Юсьвинский м. о. / Yusvinsky municipal district г. о. Октябрьский / Urban district Oktyabrsky Бардымский м. о. / Bardymsky municipal district г. о. Горнозаводск / Urban district Gornozavodsk г. о. Ильинский / Urban district Ilinsky
Депрессивное / Depressed	0,153	0,213	Александровский м. о. / Alekandrovsky municipal district Косинский м. о. / Kosinsky municipal district Гайнский м. о. / Gainsky municipal district Сивинский м. о. / Sivinsky municipal district г. о. Оханск / Urban district Ohansk г. о. Кизел / Urban district Kizel Еловский м. о. / Elovsky municipal district Кудымкарский м. о. / Kudymkarsky municipal district Большесосновский м. о. / Bolshesosnovsky municipal district Юрлинский м. о. / Yurlinsky municipal district г. о. Чердынь / Urban district Cherdyn

⁷ Здесь и далее в таблицах: г. о. – городской округ, м. р-н – муниципальный район, м. о. – муниципальный округ.

Также обнаружена средняя корреляционная связь между значениями образовательного и демографического индексов (коэффициент Спирмена – 0,603). Возможно, это обусловлено тем, что образовательные организации являются объектом миграционного притяжения молодежи, которая в дальнейшем способствует увеличению рождаемости на данной территории. В свою очередь, закрытие учебных заведений может провоцировать отток населения, желающего получить образование. Так, в Пермском крае территории, имеющие коэффициент миграционной убыли более 8, часто имеют 2–4 направления подготовки по программам среднего профессионального образования или вовсе не обладают таковыми.

В то же время соотнесение демографического индекса и групп муниципальных образований в зависимости от их социально-экономического положения оказалось не столь однозначным. Результаты наших предыдущих исследований выявили наличие различий в уровне рождаемости территорий в зависимости от их социально-экономического положения: чем ниже уровень благополучия населения, тем выше показатели рождаемости⁸. Однако именно благополучные территории являются лучшими по демографическому индексу (табл. 3). Данный результат обусловлен тем, что в данном индексе использовался ряд демографических показателей, а не только рождаемость: на благополучных территориях выше миграционный приток, соответственно, больше молодежи, что, в свою очередь, снижает уровень демографического старения населения и общие показатели смертности.

Таблица 3. Медианное значение индексов в разрезе групп муниципальных образований по социально-экономическому положению

Table 3. Median value of indices in the context of groups of municipalities by socio-economic status

Показатель / Indicator	Благополучные / Prosperous	Развитые / Developed	Средние / Average	Отстающие / Underdeveloped	Депрессивные / Depressed
1	2	3	4	5	6
Образовательный индекс / Education index	0,400	0,258	0,284	0,229	0,231
Медико-спортивный индекс / Medical and sports index	0,344	0,276	0,322	0,267	0,317
Культурный индекс / Cultural index	0,363	0,303	0,361	0,388	0,362
Демографический индекс / Demographic index	0,529	0,507	0,475	0,447	0,451

Можно предположить, что относительно высокие значения медико-спортивного индекса экономически средних и депрессивных территорий в некоторой степени связано с их специализацией на спорте. Во-первых, в условиях ограниченной самореализации человеческого потенциала спорт может рассматриваться

⁸ Нешатаев А. В., Багирова А. П. Репродуктивные ориентации населения депрессивной территории: факторы и прогнозы // III Всероссийский демографический форум с международным участием : материалы форума (г. Москва, 3–4 декабря 2021 г.). М. : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. С. 67–71. doi: <https://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.14>

как социальный лифт. Во-вторых, часто население депрессивных территорий проживает в сельской местности, где для ведения домохозяйства в большей степени используется физическая сила, что может способствовать развитию спортивных кондиций.

На следующем этапе нами рассчитан индекс развития качества человеческого капитала, включающий в себя сумму образовательного, медико-спортивного и культурного индексов через формулу (2):

$$Q_p = 1,5E_p + M_p + C_p, \quad (2)$$

где Q_p – индекс развития качества человеческого капитала для p -муниципального образования; E_p – образовательный индекс p -муниципального образования; M_p – медико-спортивный индекс p -муниципального образования; C_p – культурный индекс p -муниципального образования.

В индекс развития качества человеческого капитала нами не был включен демографический индекс, так как, на наш взгляд, он не отображает инфраструктурные условия развития качества человеческого капитала и качественную компоненту населения, а характеризует, в большей степени, возможности количественного воспроизводства населения.

Для образовательного индекса был установлен повышающий коэффициент 1,5. Это обуславливается признанием теорией человеческого капитала ключевой роли образования в обеспечении экономического развития, так как именно образование способствует созданию знаний и умений, которые в дальнейшем используются в процессе трудовой деятельности, что подтверждается обнаруженной нами взаимосвязью между степенью развитости системы образования с экономическим положением территорий.

Рассчитанные индексы развития качества человеческого капитала в разрезе муниципальных образований Пермского края представлены в таблице 4.

Расчеты показали, что первый квартиль по индексу развития качества человеческого капитала среди муниципальных образований Пермского края почти на половину (5 из 12) состоит из территорий, идентифицированных как депрессивные и отстающие. Это связано с наличием в данных муниципалитетах значений выше среднего по ряду показателей. Возможно, эти муниципалитеты в меньшей степени попали под процессы реорганизации сферы формирования человеческого капитала, что как раз отобразилось на значениях индекса развития качества человеческого капитала. Кроме того, само население депрессивных и отстающих территорий, имеющих высокие значения качества человеческого капитала, часто обладает благоприятными характеристиками в сфере образования (высокие результаты ЕГЭ), культуры (частое посещение библиотек, низкая преступность и алкоголизм) и спорта (занятие спортом). То есть, несмотря на наличие условий формирования человеческого капитала, в конечном счете это не отображается на их экономическом развитии.

В ходе сравнения медианных значений индекса развития качества человеческого капитала в разрезе групп социально-экономического состояния можно заметить значительный отрыв экономически благополучных муниципальных образований (рис. 1). Накоплению человеческого капитала на данных территориях способствует синергия наличия необходимой инфраструктуры и человеческих ресурсов по формированию человеческого капитала и возможностей его непосредственного применения в трудовой деятельности.

Т а б л и ц а 4. Индексы развития качества человеческого капитала по муниципальным образованиям Пермского края

Table 4. Indices of the development of the quality of human capital by municipalities of the Perm Territory

Муниципальное образование / Municipalities	Индекс качества человеческого капитала / Index of the quality of human capital	Образование / Education	Здоровье и спорт / Health and sports	Культура / Culture	Уровень благополучия / Socio-economic situation
1	2	3	4	5	6
г. о. Пермь / Urban district Perm	1,858	0,593	0,472	0,497	Благополучный / Prosperous
г. о. Чайковский / Urban district Chaykovsky	1,426	0,449	0,344	0,408	Благополучный / Prosperous
Сивинский м. о. / Sivinsky municipal district	1,340	0,294	0,441	0,458	Депрессивный / Depressed
Кочёвский м. о. / Kochevsky municipal district*	1,337	0,336	0,389	0,443	Отстающий / Underdeveloped
г. о. Березники / Urban district Berezniki	1,333	0,400	0,370	0,362	Благополучный / Prosperous
Юрлинский м. о. / Yurlinsky municipal district*	1,333	0,343	0,397	0,421	Депрессивный / Depressed
Частинский м. о. / Chastinsky municipal district	1,293	0,387	0,340	0,373	Развитое / Developed
г. о. Октябрьский / Urban district Oktyabrsky	1,280	0,277	0,360	0,504	Отстающий / Underdeveloped
г. о. Кудымкар / Urban district Kudymkar*	1,277	0,440	0,413	0,203	Средний / Average
г. о. Нытва / Urban district Nyтва	1,208	0,351	0,281	0,400	Средний / Average
г. о. Соликамск / Urban district Solikamsk	1,207	0,367	0,301	0,356	Благополучный / Prosperous
Большесосновский м. о. / Bolshesosnovsky municipal district	1,190	0,331	0,317	0,378	Депрессивный / Depressed
Пермский м. р-н / Permsky municipal area	1,175	0,335	0,309	0,363	Благополучный / Prosperous
г. о. Чусовой / Urban district Chusovoy	1,171	0,238	0,329	0,485	Средний / Average
г. о. Чернушка / Urban district Chernushka	1,150	0,351	0,249	0,374	Развитый / Developed
г. о. Горнозаводск / Urban district Gornozavodsk	1,147	0,277	0,339	0,393	Отстающий / Underdeveloped
Еловский м. о. / Elovsky municipal district	1,132	0,342	0,314	0,305	Депрессивный / Depressed
г. о. Очер / Urban district Ocher	1,127	0,290	0,353	0,340	Средний / Average

Продолжение табл. 4 / Continuation of table 4

1	2	3	4	5	6
Карагайский м. о. / Karagaysky municipal district	1,120	0,277	0,324	0,381	Средний / Average
Кудымкарский м. о. / Kudymkarsky municipal district*	1,120	0,231	0,388	0,385	Депрессивный / Depressed
г. о. Верещагино / Urban district Vereschagino	1,113	0,333	0,300	0,314	Средний / Average
г. о. Лысьва / Urban district Lysva	1,103	0,331	0,273	0,334	Средний / Average
Гайнский м. о. / Gainsky municipal district*	1,100	0,255	0,356	0,362	Депрессивный / Depressed
Уинский м. о. / Uinsky municipal district	1,095	0,206	0,320	0,466	Средний / Average
Кунгурский м. р-н Kungursky municipal area	1,077	0,231	0,276	0,454	Развитый / Developed
Бардымский м. о. / Bardymsky municipal district	1,071	0,256	0,372	0,315	Отстающий / Underdeveloped
г. о. Ильинский / Urban district Ilinsky	1,061	0,224	0,252	0,472	Отстающий / Underdeveloped
Берёзовский м. о. / Berezovsky municipal district	1,053	0,234	0,261	0,441	Отстающий / Underdeveloped
Куединский м. о. / Kuedinsky municipal district	1,047	0,271	0,338	0,303	Развитый / Developed
г. о. Красновишерск / Urban district Krasnovishersk	1,023	0,204	0,324	0,393	Средний / Average
г. о. Кунгур / Urban district Kungur	0,996	0,319	0,241	0,277	Развитый / Developed
г. о. Оса / Urban district Osa	0,995	0,278	0,307	0,270	Средний / Average
Косинский м. о. / Kosinsky municipal district*	0,967	0,230	0,405	0,216	Депрессивный / Depressive
г. о. Губаха / Urban district Gubaha	0,942	0,213	0,336	0,286	Развитый / Developed
г. о. Суксун / Urban district Suksun	0,930	0,184	0,271	0,382	Отстающий / Underdeveloped
г. о. Кизел / Urban district Kizel	0,928	0,210	0,261	0,351	Депрессивный / Depressed
г. о. Краснокамск / Urban district Krasnokamsk	0,924	0,258	0,259	0,278	Развитый / Developed
Ординский м. о. / Ordinsky municipal district	0,908	0,128	0,320	0,397	Развитый / Developed
Юсьвинский м. о. / Yusvinsky municipal district*	0,895	0,182	0,263	0,359	Отстающий / Underdeveloped

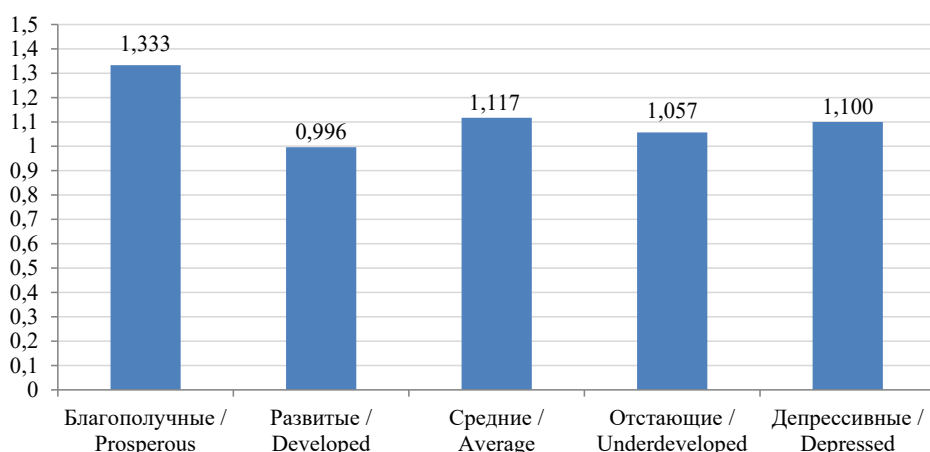

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5	6
Кишертский м. о. / Kishertsy municipal district	0,863	0,177	0,237	0,360	Отстающий / Underdeveloped
г. о. Добрянка / Urban district Dobryanka	0,854	0,234	0,262	0,241	Развитый / Developed
Александровский м. о. / Alekandrovsky municipal district	0,845	0,202	0,233	0,309	Депрессивный / Depressed
г. о. Чердынь / Urban district Cherdyn	0,823	0,138	0,227	0,389	Депрессивный / Depressed
г. о. Оханск / Urban district Ohansk	0,768	0,181	0,230	0,267	Депрессивный / Depressed
г. о. Гремячинск / Urban district Gremyachinsk	0,737	0,214	0,182	0,235	Отстающий / Underdeveloped

* Муниципальные образования Коми-Пермяцкого округа / Municipal area of the Komi-Permyatsky District.

Полученные результаты демонстрируют, что наименьшие значения индекса развития качества человеческого капитала представлены в группе развитых муниципальных образований. Вероятно, одной из причин более высоких значений индекса качества человеческого капитала в средних, отстающих и депрессивных территориях по сравнению с развитыми является то, что у первых вследствие менее благополучного экономического положения бюджетные организации выступают в роли градообразующих предприятий. В этих условиях закрытие учреждений здравоохранения, образования, культуры и спорта воспринимается населением более негативно, что может сказываться на рейтинге региональной и местной власти. Следовательно, сохранение и развитие учреждений формирования человеческого капитала на отстающих и депрессивных территориях имеет политические предпосылки поддержания административной стабильности в большей степени, чем в развитых муниципалитетах.

Р и с. 1. Медианное значение индекса развития качества человеческого капитала в разрезе групп социально-экономического положения

Fig. 1. Median value of the development index of the human capital quality in the context of groups of socio-economic status

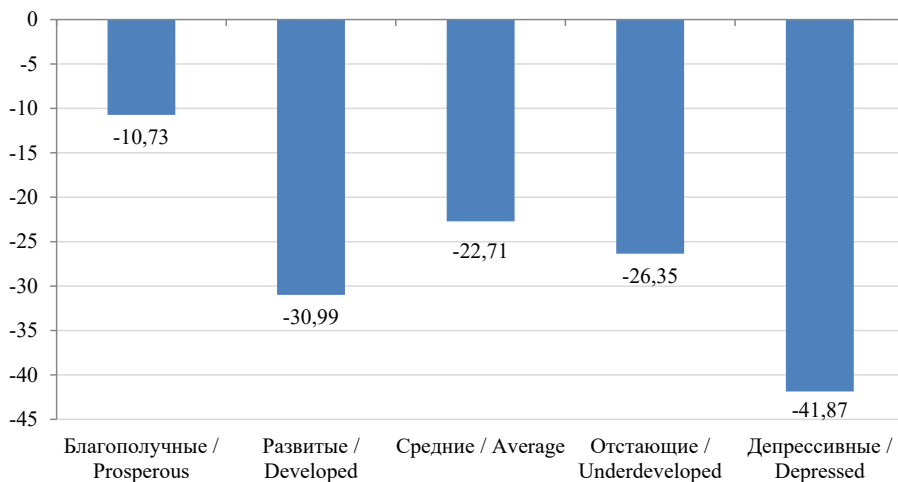
Также можно сделать предположение, что по причине наличия возможностей использования трудовых ресурсов на развитых территориях не уделяется должного внимания формированию человеческого капитала. Взаимосвязь может заключаться в том, что муниципальные образования, отнесенные к группе развитых, являются более экономически благополучными, соответственно, обладают большими возможностями применения труда. В этом случае жители, проживающие в менее богатых территориях, в поисках работы или большего дохода переезжают в развитые муниципалитеты. Исходя из этого, в развитых муниципалитетах снижается необходимость интенсивного развития качества человеческого капитала, так как трудовые возможности данных территорий выступают объектами миграционного притяжения населения, формирование человеческого капитала которого может осуществляться отстающими и депрессивными территориями.

Более высокие значения индекса качества человеческого капитала на депрессивных территориях могут быть обусловлены ориентациями населения на необходимость саморазвития личности, инструментами достижения которого являются образование, культура и спорт. Возможно, в условиях неблагополучия местности данные сферы в большей степени рассматриваются жителями в качестве социальных лифтов, нежели в более развитых территориях.

Исходя из низких значений индекса качества человеческого капитала среди развитых территорий, нами была выдвинута гипотеза, что именно в данных муниципальных образованиях произошел наименьший экономический рост. Учитывая, что отдача от инвестиций в человеческий капитал требует определенного количества времени, то для выявления влияния условий формирования человеческого капитала на экономическое развитие территорий были произведены расчеты тех же индексов за 2012 г. В результате не были обнаружены даже средние корреляционные связи между текущим экономическим индексом или изменениями значений экономического индекса с 2012 по 2021 г. и индексом развития качества человеческого капитала, образовательным, медико-спортивным, культурным и демографическим индексами за 2012 г. Это свидетельствует о невысокой эффективности использования человеческого капитала и указывает на недостаточное количество идей, обеспечивающих рост возможностей для устойчивого экономического развития [22; 23].

Вследствие расчета изменений экономического индекса за период с 2012 г. было выявлено, что в муниципалитетах всех групп социально-экономического положения произошло его снижение (рис. 2). При общем снижении только у регионального центра Пермского края улучшились значения экономического индекса (на 20 %), чему в том числе могла поспособствовать высокая степень централизации учреждений воспроизводства человеческого капитала, а также более благоприятное социально-экономическое состояние Перми по сравнению с другими муниципальными образованиями региона. Таким образом, снижение экономического индекса произошло также и на всех остальных благополучных территориях.

Следовательно, увеличивается дифференциация между муниципальными образованиями с разным уровнем социально-экономического благополучия. Так, наибольший экономический спад за последнее десятилетие наблюдается именно на депрессивных территориях, в половине которых экономический индекс снизился почти в 2 раза.

Р и с. 2. Медианные изменения экономического индекса в разрезе групп социально-экономического положения за 2012–2021 гг., %

F i g. 2. Median values of changes in the economic index by groups of socio-economic status for 2012–2021, %

В то же время снижение экономического индекса у развитых муниципалитетов превосходит аналогичный показатель среди средних и отстающих территорий. Во-первых, это может быть также связано с концентрацией финансовых, человеческих и политических ресурсов в региональном центре, что могло привести к снижению конкурентоспособности экономики развитых муниципалитетов. Во-вторых, большой спад развитых территорий, возможно, обусловлен эффектом высокой базы, когда более высокий уровень благополучия предполагает большие возможности экономического падения в отличие от средних и отстающих территорий. В-третьих, значительное снижение показателей экономического индекса среди развитых муниципальных образований в некоторой степени подтверждает вышеупомянутое предположение, что отсутствие возможностей формирования человеческого капитала сказывается на их благополучии.

Здесь не последнюю роль играет тот факт, что депрессивные территории часто имеют однородную, преимущественно лесохозяйственную и сельскохозяйственную, экономику. Это связано в том числе, со сформировавшейся специализацией территорий: создание в советское время предприятий различных отраслей экономики и транспортной инфраструктуры до сих пор играет значимую роль в социально-экономическом благополучии территорий⁹. В случае отсутствия или ликвидации крупных организаций, являющихся основными налогоплательщиками и предоставляющих рабочие места, происходят негативные процессы на территории. Из-за плохой самообеспеченности муниципалитет оказывается не в состоянии самостоятельно создать необходимые условия для процветания территории. Возникает ситуация, когда менее благополучные муниципалитеты, воспроизводящие и развивающие человеческий капитал, выступают в качестве доноров человеческих ресурсов для более развитых городов.

Наиболее отчетливо данные процессы можно проследить на примере Коми-Пермяцкого автономного округа. Как депрессивный регион он в целях развития

⁹ Даутова Д. М., Марков А. В. Проблемы развития малых городов России // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. ун-та им. И. Н. Ульянова, 2020. С. 114–118.

территории был объединен с Пермской областью. Однако присоединение к более благоприятному региону не дало ожидаемых результатов. Прекратили свою деятельность ряд крупных предприятий, в которых значительная доля акций принадлежала Коми-Пермяцкому округу, что повлияло на сокращение в 2 раза объемов сельскохозяйственной продукции, снижение на 25 % объемов инвестиций в основной капитал и уменьшение в 5 раз объемов обрабатывающих производств. Сложилась ситуация, когда реализовать накопленный человеческий капитал стало затруднительно, что негативным образом сказалось на дальнейшем социально-экономическом развитии территории. Вследствие этого в 20 раз возросла миграционная убыль населения (в 2005 г. отток населения составлял 67 чел. в год, а в 2020 г. – уже 1 350 чел.); наблюдается уровень безработицы, более чем в 2 раза превышающий средние значения по краю (2,92 и 1,23 % соответственно); в южных районах округа наименьшая зарплата по региону (около 28 тыс. руб. при среднекраевой зарплате в 50 тыс. руб.); доля собственных доходов бюджетов коми-пермяцких муниципальных образований (в среднем около 6 %) почти в 3 раза ниже краевой медианы (17,1 %)

Обсуждение и заключение. На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Выявлена корреляционная связь между значениями образовательного и демографического индексов. Развитая система образования способствует миграционному притяжению молодого населения, которое оказывает благоприятное влияние на снижение смертности, и увеличению брачности. При этом более высокие показатели рождаемости наблюдаются на наименее развитых территориях.

2. Обнаружена прямая взаимосвязь между уровнем благополучия территории и индексом образования, что свидетельствует о значимой роли образования в экономическом развитии. Возможно, именно поэтому среди развитых территорий, имеющих наименьшие значения образовательного индекса, произошло наибольшее падение экономического индекса. Для преодоления негативных экономических тенденций в муниципалитетах данной группы необходимы инвестиции для создания дополнительной инфраструктуры формирования человеческого капитала и привлечения высококвалифицированных кадров.

3. Существенная роль принадлежит и возможностям использования накопленного человеческого капитала в профессиональной деятельности, которая определяется степенью экономического развития. Именно благодаря наличию не только необходимой инфраструктуры формирования человеческого капитала, но и развитой экономики муниципальных образований, идентифицированные как благополучные, развиваются наиболее быстро. Некоторые отстающие и депрессивные территории, несмотря на наличие условий воспроизводства человеческого капитала, без развитой экономики не в состоянии реализовать свой потенциал.

4. Усиливается концентрация человеческих и финансовых ресурсов в столицах субъектов Российской Федерации. Не последняя роль принадлежит сложившейся централизации учреждений формирования человеческого капитала, когда в региональных центрах сосредоточено их подавляющее число. Такая централизация имела место быть в условиях советской системы распределения выпускников учебных заведений, но в нынешних условиях это не всегда соответствует запросам рынка труда. Например, сомнительно наличие лесного вуза в городе, в радиусе 100 км которого не ведется лесозаготовка или переработка.

5. Индексы качества человеческого капитала (образования, здоровья и спорта, культуры) не оказывают прямого воздействия на экономический рост территорий, но в тоже время и не способствуют стабилизации экономического положения депрессивных территорий и сохранению человеческого капитала на них.

6. В некоторых депрессивных муниципальных образованиях выявлен относительно высокий уровень воспроизводства населения при развитой инфраструктуре формирования человеческого капитала и качества самого населения, что демонстрирует наличие перспектив ряда территорий. Одной из них является слаборазвитость сферы услуг на депрессивных территориях¹⁰, что открывает возможности для развития в этом направлении. Однако, по нашему мнению, переход к сфере услуг и цифровизации не является панацеей преодоления депрессивного статуса ряда территорий. Во-первых, как мы можем заметить, далеко не все наименее экономически развитые муниципальные образования обладают необходимыми возможностями и условиями формирования человеческого капитала. Во-вторых, важно опираться на актуальные потребности регионального рынка труда, учитывая экономическую специализацию территории. Например, для муниципалитета с преимущественно сельскохозяйственной экономикой существует большая потребность в специализированных кадрах (ветеринары, агрономы, трактористы). В-третьих, более традиционный уклад жизни населения такой территории ограничивает возможности развития сервисной экономики – отсутствуют потребности на те или иные услуги, а также распространены формы семейно-родовой взаимопомощи.

В данный момент на законодательном уровне отсутствуют принципы определения депрессивных территорий и меры их поддержки, что представляет особую значимость в условиях необходимости пространственного развития страны и обеспечения естественного прироста населения. Так как ряд менее благополучных территорий является донором человеческих ресурсов для экономически развитых городов и районов, то в целях более эффективного развития всего региона необходимо содействовать сохранению и развитию учреждений воспроизводства человеческого капитала (детских садов, школ, больниц) в депрессивных муниципальных образованиях.

Наше исследование доказывает не только наличие у менее благополучных территорий потенциала, выраженного условиями и качеством человеческого капитала, но и демонстрирует возможное негативное влияние концентрации учреждений формирования человеческого капитала для территориального развития региона в целом.

Результаты исследования могут быть полезны отраслевым министерствам регионального развития, в частности Министерству территориального развития Пермского края. Наиболее эффективное воспроизводство и управление человеческим капиталом оказывает влияние на социально-экономическое состояние территорий, что необходимо учитывать при создании программ сбалансированного пространственного развития страны.

Дальнейшие исследования по данной тематике могут быть направлены на социологическое изучение трудовой мотивации населения в зависимости от социально-экономического положения места их проживания и факторов, влияющих на сохранение, отъезд и привлечение трудовых ресурсов.

¹⁰ Кравченко А. Л. Феномен труда в теориях постиндустриального общества // *Advances in Science and Technology* : сб. ст. XLIII междунар. науч.-практ. конф. (15 марта 2022 г.). М. : ООО «Актуальность.РФ», 2022. С. 144–145.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Butterworth P., Rodgers B., Windsor T. D. Financial Hardship, Socio-Economic Position and Depression: Results from the PATH Through Life Survey // *Social Science and Medicine*. 2019. Vol. 69, issue 2. Pp. 229–237. doi: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.05.008>
2. Santos-Pinto L. Human Capital Accumulation and the Evolution of Overconfidence // *Games*. 2020. Vol. 11, issue 4. Pp. 3–19. doi: <https://doi.org/10.3390/g11040046>
3. A Psychological Approach to Human Capital / H. J. Kell [et al.] // *ETS Research Report Series*. 2018. Issue 1. doi: <https://doi.org/10.1002/ets2.12218>
4. Capozza C., Divella M. Human Capital and Firms' Innovation: Evidence from Emerging Economies // *Economics of Innovation and New Technology*. 2019. Vol. 28, issue 7. Pp. 741–757. doi: <https://doi.org/10.1080/10438599.2018.1557426>
5. Brown P., James D. Educational Expansion, Poverty Reduction and Social Mobility: Reframing the Debate // *International Journal of Educational Research*. 2020. Vol. 100. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2020.101537>
6. Oluwatobi S., Olurinola I., Alege P., Ogundipe A. Knowledge-Driven Economic Growth: The Case of Sub-Saharan Africa // *Contemporary Social Science*. 2020. Vol. 15, issue 1. Pp. 62–81. doi: <https://doi.org/10.1080/21582041.2018.1510135>
7. Гимпельсон В. Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // *Вопросы экономики*. 2016. № 10. С. 129–143. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143>
8. Badinger H., Tondl G. Trade, Human Capital and Innovation: The Engines of European Regional Growth in the 1990s // *European Regional Science Association* / ed. by B. Fingleton. Heidelberg : Springer Berlin, 2002. Pp. 215–239. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-662-07136-6_8
9. Bosi S., Lloyd-Braga T., Nishimura K. Externalities of Human Capital // *Mathematical Social Sciences*. 2021;112:145–158. doi: <https://doi.org/10.1016/j.mathsocsci.2021.03.013>
10. Dhal S. To Live or to Leave? – The Ethical Factors Influencing the Parsi Community's Health // *Indian Journal of Public Health Research & Development*. 2019. Vol. 10, issue 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/331627671_To_Live_or_to_Leave-The_Ethical_Factors_Influencing_the_Parsi_Community's_Health (дата обращения: 31.07.2022).
11. Bairoliya N., Miller R. Demographic Transition, Human Capital and Economic Growth in China // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2021. Vol. 127. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2021.104117>
12. Naval J., Silva J., Vázquez-Grenno J. Employment Effects of On-the-job Human Capital Acquisition // *Labour Economics*. 2021. Vol. 67. doi: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101937>
13. Guillaumont P., McGillivray M., Wagner L. Performance Assessment, Vulnerability, Human Capital, and the Allocation of Aid among Developing Countries // *World Development*. 2021. Vol. 90. Pp. 17–26. doi: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.05.005>
14. Nguyen H. H., Nguyen N. V. Factor Affecting Poverty and Policy Implication of Poverty Reduction: A Case Study for the Khmer Ethnic People in Tra Vinh Province, Viet Nam // *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*. 2019. Vol. 6, issue 1. Pp. 315–319. doi: <https://doi.org/10.13106/JAFEB.2019.VOL6.NO1.315>
15. Закшевский В. Г., Гаврилова З. В. Методические подходы к измерению человеческого капитала сельских территорий // *Продовольственная политика и безопасность*. 2019. № 4. С. 203–218. doi: <https://doi.org/10.18334/ppib.6.4.41546>
16. Пархомчук М. А., Солодухина О. И. Разработка методики оценки эффективности формирования и использования человеческого капитала // *Экономические науки*. 2016. № 136. С. 30–33. URL: https://ecsn.ru/files/pdf/201603/201603_30.pdf (дата обращения: 31.07.2022).
17. Гурбан И. А., Мызин А. Л. Системная диагностика человеческого капитала регионов России: методологический подход и результаты оценки // *Экономика региона*. 2012. № 4. С. 32–39. EDN: **PJOB AZ**
18. Грачев С. А., Доницев О. А., Малкова Т. Б. Человеческий капитал как ресурс инновационного развития региона // *Экономический анализ: теория и практика*. 2016. № 5. С. 64–77. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=68807> (дата обращения: 31.07.2022).

19. Мельников П. В. Оценка эффективности функционирования муниципального образования как основа развития человеческого капитала // Экономические науки. 2022. № 207. С. 54–60. doi: <https://doi.org/10.14451/1.207.54>
20. Дьяков М. Ю. Экономическая оценка человеческого капитала региона // Экономика региона. 2022. № 2. С. 556–568. doi: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-18>
21. Капелюшников Р. И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37–68. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-37-68>
22. Ускова Т. В., Бабич Л. В. Использование человеческого капитала в контексте устойчивого развития региона // Регионоведение. 2021. Т. 29, № 4. С. 820–839. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.820-839>
23. Карелин И. Н. Эффективность использования человеческого капитала в регионах Российской Федерации // Вестник НГУЭУ. 2021. № 1. С. 168–180. doi: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2021-1-168-180>

Поступила 01.08.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 17.10.2022.

Об авторе:

Нешатаев Александр Васильевич, ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0145-7841>, Researcher ID: AAG-5745-2021, a.v.neshataev@urfu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Butterworth P., Rodgers B., Windsor T.D. Financial Hardship, Socio-Economic Position and Depression: Results from the PATH Through Life Survey. *Social Science and Medicine*. 2019;69(2):229–237. doi: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.05.008>
2. Santos-Pinto L. Human Capital Accumulation and the Evolution of Overconfidence. *Games*. 2020;11(4):3–19. doi: <https://doi.org/10.3390/g11040046>
3. Kell H.J., Robbins S.B., Su R., Brenneman M. A Psychological Approach to Human Capital. *ETS Research Report Series*. 2018;(1). doi: <https://doi.org/10.1002/ets2.12218>
4. Capozza C., Divella M. Human Capital and Firms' Innovation: Evidence from Emerging Economies. *Economics of Innovation and New Technology*. 2019;28(7):741–757. doi: <https://doi.org/10.1080/10438599.2018.1557426>
5. Brown P., James D. Educational Expansion, Poverty Reduction and Social Mobility: Reframing the Debate. *International Journal of Educational Research*. 2020;100. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2020.101537>
6. Oluwatobi S., Olurinola I., Alege P., Ogundipe A. Knowledge-Driven Economic Growth: The Case of Sub-Saharan Africa. *Contemporary Social Science*. 2020;15(1):62–81. doi: <https://doi.org/10.1080/21582041.2018.1510135>
7. Gimpelson V. Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubt. *Voprosy ekonomiki*. 2016;(10):129–143. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143>
8. Badinger H., Tondl G. Trade, Human Capital and Innovation: The Engines of European Regional Growth in the 1990s. In: Fingleton B., editor. European Regional Science Association. Heidelberg: Springer Berlin; 2002. p. 215–239. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-662-07136-6_8
9. Bosi S., Lloyd-Braga T., Nishimura K. Externalities of Human Capital. *Mathematical Social Sciences*. 2021;112:145–158. doi: <https://doi.org/10.1016/j.mathsocsci.2021.03.013>
10. Dhal S. To Live or to Leave? – The Ethical Factors Influencing the Parsi Community's Health. *Indian Journal of Public Health Research & Development*. 2019;10(2). Available at: <https://www.>

researchgate.net/publication/331627671_To_Live_or_to_Leave-The_Ethical_Factors_Influencing_the_Parsi_Community's_Health (accessed 31.07.2022).

11. Bairoliya N., Miller R. Demographic Transition, Human Capital and Economic Growth in China. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2021;127. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2021.104117>
12. Naval J., Silva J., Vázquez-Grenno J. Employment Effects of On-the-job Human Capital Acquisition. *Labour Economics*. 2021;67. doi: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101937>
13. Guillaumont P., McGillivray M., Wagner L. Performance Assessment, Vulnerability, Human Capital, and the Allocation of Aid Among Developing Countries. *World Development*. 2021;90:17–26. doi: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.05.005>
14. Nguyen H.H., Nguyen N.V. Factor Affecting Poverty and Policy Implication of Poverty Reduction: A Case Study for the Khmer Ethnic People in Tra Vinh Province, Viet Nam. *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*. 2019;6(1):315–319. doi: <https://doi.org/10.13106/JAFEB.2019.VOL6.NO1.315>
15. Zakshevskiy V.G., Gavrilova Z.V. Methodological Approaches to Measuring Human Capital of Rural Areas. *Prodovolstvennaya politika i bezopasnost*. 2019;6(4):203–218. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18334/ppib.6.4.41546>
16. Parkhomchuk M.A., Solodukhina O.I. Development Methodology for Assessing the Effectiveness of the Formation and use of Human Capital. *Economicheskije nauki*. 2016;(136):30–33. Available at: https://ecs.ru/files/pdf/201603/201603_30.pdf (accessed 31.07.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Gurban I.A., Myzin A.L. System Diagnostics of the Human Capital State of the Russian Regions: Conceptual Approach and Assessment Results. *Economy of Regions*. 2012;(4):32–39. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [PJOBAB](https://elibrary.ru/PJOBAB)
18. Grachev S.A., Donichev O.A., Malkova T.B. Human Capital as a Resource of Region's Innovative Development. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2016;(5):64–77. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=68807> (accessed 31.07.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
19. Melnikov P.V. Assessment of the Efficiency of Municipal Education as the Basis for the Development of Human Capital. *Ekonomicheskie nauki*. 2022;(207):54–60. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14451/1.207.54>
20. Dyakov M.Yu. Economic Assessment of Regional Human Capital. *Economy of Regions*. 2022;(2):556–568. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-18>
21. Kapelyushnikov R.I. Returns to Education in Russia: Nowhere Below? *Voprosy ekonomiki*. 2021;(8):37–68. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-37-68>
22. Uskov T.V., Babich L.V. Effective Use of Human Capital in the Context of Sustainable Development of the Region. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(4):820–839. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.820-839>
23. Karelin I.N. Efficiency of Human Capital Use in Regions of the Russian Federation. *Vestnik NSUEM*. 2021;(1):168–180. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2021-1-168-180>

Submitted 01.08.2022; revised 05.10.2022; accepted 17.10.2022.

About the author:

Alexander V. Neshataev, Assistant, Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0145-7841>, Researcher ID: [AAG-5745-2021](https://orcid.org/0000-0002-0145-7841), a.v.neshataev@urfu.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 314.15(470.26+470+571)

doi: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Профессиональные факторы и механизмы привлечения в Калининградскую область мигрантов из регионов России

К. Ю. Волошенко¹А. В. Лялина¹✉Ю. Ю. Фарафонова¹А. А. Новикова²

¹ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(г. Калининград, Российская Федерация)

² Калининградский государственный технический университет
(г. Калининград, Российская Федерация)

✉ anuta-mazova@mail.ru

Аннотация

Введение. Для миграционно привлекательных регионов, особенно эксклавной Калининградской области, все большую актуальность приобретают вопросы обеспечения экономической безопасности. Увеличение миграционного прироста из других регионов России, помимо очевидных преимуществ, создает и дополнительные вызовы, которые связаны с притоком в регион кадров, профессионально-квалификационный уровень которых не соответствует потребностям регионального рынка труда. Цель статьи – проанализировать соответствия механизмов регулирования внутристранового миграционного потока профессиональным факторам притяжения в Калининградской области для обеспечения ее экономической безопасности.

Материалы и методы. Основу исследования составили материалы Калининградстата о развитии миграционной ситуации в Калининградской области в 2014–2021 гг.; использованы также результаты интервью с представителями различных секторов региональной экономики, в том числе из числа мигрантов, проведенных авторами статьи летом 2022 г. Осуществлен контент-анализ различных источников в области реализации трудовой политики и политики привлечения кадров (информационно-справочные порталы и ресурсы международных, национальных и региональных учреждений, официальные статистические данные Международной организации по миграции и Росстата). Результаты контент-анализа систематизированы и логически структурированы.

Результаты исследования. На примере Калининградской области выбраны такие целевые сферы, испытывающие дефицит кадров, как медицина, образование и наука, информационно-коммуникационные технологии, а также малый и средний бизнес. Для них проанализированы профессиональные факторы мобильности специалистов по результатам проводимых зарубежных и отечественных исследований. Систематизирована практика применения механизмов селекции миграционного потока как на уровне внешней миграции, так и внутристранового перемещения.

Обсуждение и заключение. Для каждой целевой группы специалистов сформулирован и обсуждается перечень факторов притяжения и механизмы, которые впоследствии могут быть использованы для разработки программ привлечения кадров в Калининградскую область. Результаты исследования представляют интерес и могут быть использованы и в других регионах России, осуществляющих политику по привлечению востребованных специалистов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, межрегиональная миграция, селекция миграционного потока, факторы притяжения мигрантов, механизмы селекции миграционного потока, эксклав, Калининградская область

© Волошенко К. Ю., Лялина А. В., Фарафонова Ю. Ю., Новикова А. А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-27-20064 (<https://rscf.ru/project/22-27-20064>).

Для цитирования: Профессиональные факторы и механизмы привлечения в Калининградскую область мигрантов из регионов России / К. Ю. Волошенко [и др.] // Регионология. 2023. Т. 31, № 1. С. 143–165. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>

Original article

Work-Related Pull Factors and Mechanisms for Attracting Internal Migrants to the Kaliningrad Region

K. Yu. Voloshenko^a, A. V. Lialina^{a✉}, Yu. Yu. Farafonova^a, A. A. Novikova^b

^a Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation)

^b Kaliningrad State Technical University (Kaliningrad, Russian Federation)

✉ anuta-mazova@mail.ru

Abstract

Introduction. The importance of economic security issues for migration-attractive regions, especially the exclave Kaliningrad region, is growing. Increasing migration gain from Russia's regions both brings obvious benefits and poses additional challenges. These include those related to the influx of workers whose professional qualifications do not suit the needs of the regional labour market. Thus, the article aims to analyze the compliance of the mechanisms for regulating internal migration with the work-related pull factors to ensure the Kaliningrad region's economic security.

Materials and Methods. The study relies on Kaliningradstat's regional migration data for 2014–2021 and the interviews with representatives of various sectors of the regional economy, including migrants, conducted by the authors in the summer of 2022. The paper provides systematized and structured results of the content analysis of various sources on the implementation of labour policy and, in particular, the policy of attracting workforce (information and reference portals and websites of international, national and regional institutions, official statistical data by IOM and Rosstat).

Results. Drawing on the example of the Kaliningrad region, the study considers several understaffed fields of occupation, including medicine, research and education, ICT, and small and medium-sized enterprises. Based on international and Russian research it analyses work-related mobility factors for each of them. It also classifies the practice of using external and internal migration selection mechanisms.

Discussion and Conclusion. Based on the survey of migrants and employers in the Kaliningrad region, the study develops and discusses a list of pull factors and mechanisms for each considered workforce group that can be used to design policies for attracting workforce to the Kaliningrad region. The study results can be used in Russian regions willing to attract in-demand specialists.

Keywords: economic security, internal migration, selective migration policy, pull factors, selective migration mechanisms, exclave, Kaliningrad region

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. This research was funded by the Russian Science Foundation. Project No. 22-27-20064 (<https://rscf.ru/project/22-27-20064>).

For citation: Voloshenko K.Yu., Lialina A.V., Farafonova Yu.Yu., Novikova A. A. Work-Related Pull Factors and Mechanisms for Attracting Internal Migrants to the Kaliningrad Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):143–165. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>

Введение. По данным Международной организации по миграции (МОМ) на сегодняшний день в мире насчитывается 272 млн международных и 740 млн внутренних мигрантов. Для России внутренняя миграция, как и для большинства стран мира, стала более массовым явлением. Согласно данным официальной статистики Росстата, на внутрирегиональную и межрегиональную миграцию

приходится почти 90 % всех мигрантов, или 3,6 млн чел.¹. При этом в межрегиональном перемещении участвует 1,3 % всего населения страны, из которых две трети – лица трудоспособного возраста. В то же время лишь небольшая часть российских регионов (по данным 2019 г. – 19 субъектов²) выступают реципиентами в межрегиональной миграции. Еще меньшее число регионов может обеспечить полное замещение естественной убыли трудоспособного населения миграционным приростом [1]. Несмотря на предпринимаемые усилия по релокации наиболее востребованных в регионе кадров, до сих пор не удалось оптимизировать входящие миграционные потоки. В условиях необходимости повышения производительности труда, научно-технологического и инновационного уровня экономики на фоне традиционных и нарождающихся вызовов и угроз экономической безопасности Калининградской области остро стоит вопрос обеспечения кадровой потребности. С одной стороны, это такие традиционные сферы, в которых существует дефицит высококвалифицированных кадров, как медицина, информационно-коммуникационные технологии, наука и образование; с другой – это потребность в дополнительной рабочей силе, учитывая необходимость ориентации эксклава в современных геополитических и геоэкономических условиях на активное развитие существующих и новых ключевых производств в интересах роста ее самообеспечения и большей включенности в межрегиональные хозяйственные связи в границах Российской Федерации.

При оценке экономической безопасности миграция населения, как правило, включается в состав социально-демографической или экономико-демографической компонент [2–4]. Миграционная ситуация в регионе с позиции экономической безопасности считается удовлетворительной, если ее возможное негативное влияние или деструктивное воздействие компенсируется конструктивным³. Это объясняется двойственным характером миграции в терминологии экономической безопасности (потенциал-формирующее и потенциал-разрушающее воздействие) [5]. К потенциал-формирующему воздействию относится сбалансированность рынка труда, рост предпринимательской активности, социально-демографические эффекты, приток и закрепление молодежи и др. Потенциал-разрушающее воздействие миграции связано с ростом напряженности на рынке труда, социальной напряженностью, сдерживанием роста реальных доходов, ростом цен и т. д. Очевидно, что часть проблем, вызванных отрицательными миграционными эффектами, возможно устранить активными усилиями по регулированию миграционных потоков и адаптации мигрантов. Для Калининградской области, как и для многих регионов России, это относится не только к международной миграции, но и к межрегиональной.

Несмотря на то, что в России уже достаточно давно реализуются различные программы релокации кадров внутри страны (например, для учителей, медиков, жителей удаленных или периферийных территорий), в научном сообществе не сформирован единый взгляд на научную обоснованность таких механизмов. По мнению ряда ученых, регулирование внутристрановой миграции не может опираться на механизмы миграционной политики, а связано с реализацией отдельных

¹ Численность и миграция населения России в 2021 г. Стат. бюллетень. М. : Росстат, 2022.

² Население России 2019. 27 ежегодный демографический доклад / под ред. С. В. Захарова. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2022. 344 с.

³ Лялина А. В. Миграционная безопасность // Проблемы экономической безопасности регионов Западного побережья России : моногр. / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2019. С. 174–190.

мер региональной политики⁴. Прежде всего это касается инвестирования в создание рабочих мест, развитие жилищной и транспортной инфраструктуры. Такой подход обуславливает критику селективной миграционной политики, которая заключается в неприемлемости дискриминации мигрантов как по признакам расовой и гендерной принадлежности, так и по принадлежности к отдельным профессиям и отраслям [6]. С другой стороны, в условиях необходимости стимулирования перераспределения населения, прежде всего трудового потенциала, в пределах крупных по территории и сложных по административному устройству государств, опыт использования механизмов селекции в отношении конкретных категорий работников показывает свою эффективность как с точки зрения экономики, общества, так и самих мигрантов [7]. Поэтому другая часть научного сообщества активно занимается изучением эффективности существующих мер релокации кадров в пределах одного государства и разрабатывает научные основы для их усовершенствования [8–12].

В настоящем исследовании под селекцией миграционного потока мы понимаем «включение в него востребованных в регионе специалистов определенного профессионально-квалификационного состава и создание условий для повышения эффективности интеграции на рынке труда лиц, которые потенциально могут испытывать трудности или разочарования по причине низкой осведомленности о регионе, возможностях трудоустройства или проживания» [13, с. 118]. Такой подход предполагает прежде всего позиционирование региона в общестрановом пространстве и нацелен на повышение информированности потенциальных мигрантов о возможностях и условиях проживания в регионе. Он не подразумевает воздействие на мигранта, его поведение и конституционные права на свободу перемещения. Адекватные меры селекции применительно к разным целевым группам мигрантов могут способствовать повышению эффективности принимаемых мер и механизмов в рамках программ по повышению мобильности кадров и привлечению наиболее востребованных специалистов.

Цель статьи – по материалам проведенного исследования оценить обусловленность применяемых сегодня механизмов релокации кадров внутри страны профессиональными факторами миграции и выявить возможности расширения политики селекции миграционного потока на примере Калининградской области. Поэтому в ходе исследования был проведен теоретический обзор работ, посвященных способам и механизмам привлечения специалистов, в том числе в рамках внешней и внутренней селективной миграционной политики. Отдельное внимание представляли результаты социологических исследований, позволяющие установить, какие профессиональные факторы влияют на мобильность специалистов и к каким из них они наиболее чувствительны. Полученный результат будет использован в дальнейшем при проведении полуструктурированных интервью среди мигрантов Калининградской области для выявления факторов и механизмов привлечения работников таких ключевых сфер, как медицина, образование и наука, ИКТ, а также малый и средний бизнес.

Обзор литературы. В научной литературе вопросам селекции миграционного потока уделяется достаточно большое внимание как с точки зрения теоретического обоснования, так и практики реализации такого подхода в России и за рубежом.

Селекция миграционного потока является одной из функций миграции и заключается в изменении качественного состава населения разных территорий, что связано с неравномерным участием в миграции различных

⁴ Деминцева Е. Б., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М. : Центр стратегических разработок, 2018. 55 с.

социально-демографических групп [14]. Основное свойство селекции, согласно Л. Л. Рыбаковскому, состоит в избирательности, т. е. «выборе отдельных элементов одной общей совокупности и их привнесение в другую» [14, с. 58].

При этом и в российской, и в зарубежной практике селективность является ключевым принципом миграционной политики применительно к внешней миграции (из-за рубежа). Это объясняется тем, что нагрузка со стороны внешней миграции на наиболее передовые в сфере миграционного регулирования государства несопоставимо больше, чем со стороны внутренней, поэтому вызовы и риски, ею продуцируемые, более изучены. Принцип селективности строится на строго дифференцированном подходе к различным категориям прибывающих мигрантов с акцентом на оптимизацию объемов и структуры входящего миграционного потока с учетом ее экономической выгоды, гуманитарных соображений и политической приемлемости [15–17].

В практике зарубежных стран сформировались три подхода к селекции мигрантов: регулирование миграции, обусловленное предложением по канадской модели «человеческого капитала» или австралийской «неокорпоративистской» модели с широким участием государства, рынка труда и бизнеса (например, балльная система); регулирование миграции, обусловленное спросом при взаимодействии с работодателями (например, в России, США, «синяя карточка» в Европейском союзе); гибридный подход, направленный одновременно на привлечение высококвалифицированных сотрудников и удовлетворение кадрового голода [18; 19].

Для достижения желаемого результата в части регулирования внешней и внутристрановой миграции сегодня применяется множество инструментов и механизмов. В совокупности они призваны регулировать «качество мигрантов» [20] – уровень образования, определяющий среднюю заработную плату в регионе-реципиенте⁵, а также способности, талант, мотивацию, готовность к риску [21]. Для международных мигрантов одним из наиболее насущных вопросов выхода на рынок труда остается нострификация, которая в разных странах решается по-разному: через установление шкалы соответствия полученного образования принятой на территории вселения классификации (например, в Новой Зеландии) или через утверждение перечня документов, подтверждающих высокий уровень квалификации и выдающихся способностей (в США).

Наиболее проработанными и часто используемыми механизмами являются следующие: ограничения и преференции при получении разрешительных документов на въезд, пребывание/проживание и осуществление трудовой деятельности, устанавливаемые, как правило, для иностранных трудящихся-мигрантов⁶, предоставление жилья (льготные условия найма жилья и ипотеки, земельные участки и др.) [22; 23], доплаты и подъемные на переезд, консьерж-сервис, сборы для нежелательной миграции (для работодателя или работника), информационное сопровождение и поддержка, продвижение (информационные порталы и сервисы, деятельность мигрантских сообществ, диаспор и диаспоральных организаций, таргетная реклама, кампании, информирующие о приоритетных сферах занятости для мигрантов, ярмарки) [24; 25].

При этом в целях установления ограничений или преференций на предоставление поддержки применяются перечни дефицитных профессий (например,

⁵ Borjas G. J. Self-Selection and the Earnings of Immigrants // *The American Economic Review*. 1987. Vol. 77, issue 4. Pp. 531–553.

⁶ Денисенко М. Б. Механизмы регулирования трудовой миграции в развитых странах. М. : МАКС Пресс, 2011. 64 с.

в Испании, в России) или балльная оценка потенциального мигранта (например, в Канаде, Австралии) по критериям владения иностранными языками, наличия миграционных связей со страной назначения, возрастной категории, финансового благополучия, территории вселения (город/село, столица/периферия).

В отношении межрегиональной миграции, когда переселенцам не требуется разрешительных документов на въезд и работу в другом регионе, механизмы селекции в большей степени должны определяться факторами, в особенности профессионального характера, побуждающими мигрантов к смене места жительства. При этом создание в целом благоприятной среды для внутристрановой мобильности выступает неотъемлемым элементом такой политики.

Если ранее основными факторами притяжения являлись уровень заработной платы, возможности трудоустройства, расстояние, доступность жилья⁷ [26–30], то теперь к ним добавляются общий уровень комфорта и безопасная среда (экология, благоприятное отношение к мигрантам в обществе), транспортная доступность и цифровая связанность, качество и доступность образования и здравоохранения [31–33]⁸. Согласно Е. С. Вакуленко и Н. В. Мкртчян, основными притягивающими факторами межрегиональной миграции в России служат развитая инфраструктура, благоприятная экология, высокий уровень жизни, в том числе продолжительность жизни и доходы населения, менее выраженные проблемы бедности и неравенства в распределении доходов [34].

В то же время для представителей ряда отраслей присуща своя специфика мотивации к миграции. Рассмотрим отдельные примеры.

Медицина. М. Симард отмечает, что профессиональные причины являются ведущими для медицинских кадров как в процессе принятия решения о миграции, так и в последующих решениях остаться или вернуться обратно [35]. Акцент современных исследований причин миграции медицинских кадров внутри страны сосредоточен главным образом на релокации специалистов на периферию. В 2010 г. Всемирной организацией здравоохранения были разработаны глобальные рекомендации по совершенствованию найма и удержания трудовых ресурсов здравоохранения в сельских районах. Среди факторов удержания выделяются адекватный доход (в том числе компенсация за работу в сельской местности или отдаленных районах), соответствующая рабочая нагрузка, возможности получения медицинского образования для жителей сельских или отдаленных территорий, доступ к консультациям специалистов и непрерывному образованию, возможности карьерного роста супруга и образование детей, жилищные пособия, компенсация транспортных издержек [36; 37]. В России миграцию медицинских кадров определяет совокупность материальных (эффективный контракт, система доплат, возможности карьерного роста и пр.) и нематериальных факторов (преданность профессии, стремление помогать людям, возможность профессионально развиваться и лучше лечить пациентов, социальное уважение и престиж профессии врача в обществе и т. д.) [38; 39].

Миграция работников здравоохранения, получившая дополнительный интерес со стороны научного сообщества в период пандемии COVID-19, вновь актуализировала роль институциональных механизмов в этом процессе [30; 35; 40]. Действие государственных программ, льготы на предоставление жилья, подъемные и компенсационные выплаты, а также создание благоприятных условий

⁷ Sahota G. S. An Economic Analysis of Internal Migration in Brazil // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. Pp. 218–245.

⁸ Towards 2035. Strategic Foresight. Making Migration and Integration Policies Future Ready. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD), 2020. URL: <https://www.oecd.org/migration/mig/migration-strategic-foresight.pdf> (дата обращения: 23.06.2022).

для работы становятся основными факторами притяжения в условиях высокой конкуренции за квалифицированные кадры.

ИКТ-сфера. Миграцию работников ИКТ-сферы часто детерминируют такие профессиональные факторы, как увеличение проектной работы и внутрифирменное перемещение, возможности работать в крупных и известных компаниях, благоприятная среда для предпринимательства и стартапов. В то же время все чаще ИКТ-специалисты выбирают высокое качество среды нового места проживания или пребывания (например, более благоприятные природно-климатические условия или развитая городская инфраструктура, в том числе для отдыха и досуга), образ которого у них сложился при туристическом посещении [41].

Наука и образование. Для научных кадров традиционно важны факторы, связанные с проведением исследований (потребность в преодолении когнитивных и ресурсных ограничений, в тесном личном контакте с коллегами по проекту, в коллаборации)⁹, а также традиционные экономические факторы [42] и факторы, обусловленные стадией жизненного цикла мигранта [43]. Напротив, миграционная политика редко является фактором, принимаемым во внимание при академической мобильности [44]. Гораздо более значимыми оказываются престижность учреждения, возможности карьерного роста, инфраструктура и оборудование, а также финансирование исследований.

Малый и средний бизнес. В основе решения о релокации бизнеса лежат как, собственно, потенциальное улучшение условий для деятельности компании, так и возможности трудоустройства членов семей и их предпочтения по месту жительства [45]. Все чаще перемещение бизнеса сопутствует миграции по иным соображениям, особенно в случае самозанятых [37; 46; 47]. При этом подчеркивается, что вместо привлечения внешних компаний региональным правительствам следует сконцентрироваться на улучшении условий для уже действующих на территории, так как бизнес-климат станет важным фактором притяжения и для новых компаний.

На основе обобщения проведенного теоретического обзора и анализа практик регулирования миграции в ходе исследования выделены механизмы для целей селекции внутреннего миграционного потока. Проведен последующий анализ соответствия механизмов и профессиональных факторов притяжения мигрантов в регион. Полученные результаты позволяют установить, в какой степени действующая в регионе система мер поддержки привлечения специалистов отвечает особенностям профессиональной мобильности, и также разработать на этой основе предложения в части селекции миграционного потока региона.

Материалы и методы. Исследование основано на системном представлении о характеристиках протекающих миграционных процессов в Калининградской области. Эксклавная Калининградская область относится к регионам России с высоким миграционным приростом. Область входит в топ-5 регионов России по значению сальдо миграции (16 чел. на 1 000 чел. населения в 2021 г.). Вследствие активного импортозамещения отдыха россиян в период после 2014 г. и ограничений на международные поездки в период пандемии COVID-19 межрегиональная миграция вышла на первое место в формировании миграционного прироста в регионе (62 % в 2021 г.), утроившись по отношению к данным 2014 г. Значительно выросла миграционная связанность области с другими регионами России, особенно с традиционными регионами-донорами (Дальним Востоком, Сибирью, Северо-Западом). Однако, несмотря на то, что миграция полностью

⁹ Katz J. S., Martin B. R. What is Research Collaboration? // Research Policy. 1997. Vol. 26, issue 1. Pp. 1–18.

компенсирует естественную убыль трудоспособного населения (в 2021 г. на 178 %), в регионе до сих пор не обеспечивается приток и закрепление специалистов требуемого профессионального уровня и квалификации.

Таким образом, нами установлено, что экономическая безопасность и резидентность эксклава, в том числе в новых условиях 2022 г., а следовательно, и селективный подход к миграции эксклава обусловлены: 1) в большей степени величиной межрегиональной миграции, в меньшей – международной; 2) профессионально-квалификационной структурой мигрантов, так как среди них распространены явления безработицы, нисходящей трудовой мобильности и снижения финансового благосостояния; 3) широтой географии регионов-доноров, что исключает возможную конкуренцию регионов за кадры, а также снижает риски сокращения притока мигрантов целевых групп, наиболее востребованных в регионе.

Для выявления конкретных направлений формирования и реализации селективного подхода к миграции в Калининградской области было проведено 60 полуструктурированных интервью с наемными работниками и представителями малого и среднего бизнеса из числа мигрантов, а также работодателями. Цель исследования состояла в выявлении факторов и сдерживающих барьеров межрегиональной трудовой миграции в регион, а также определению наиболее эффективных и желательных мер поддержки и интеграции с точки зрения таких работников-мигрантов. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству. Выделено шесть целевых групп: здравоохранение; образование и наука; ИКТ; рекреация и туризм; малый и средний бизнес; работодатели целевых групп. Квота в каждой группе составляла не менее 10 чел. По работодателям квота в 10 чел. распределялась по 5 целевым группам. Таким образом, в каждой целевой группе было опрошено не менее 2 работодателей. Поиск респондентов осуществлялся с использованием личных контактов и связей, региональных профессиональных сообществ с использованием метода «снежного кома».

Систематизация и логическое структурирование мер и механизмов селекции, а также регулирования внутристрановой миграции опирались на результаты контент-анализа различных подобранных источников о реализации трудовой политики и, в особенности, политики привлечения кадров (информационно-справочные порталы и ресурсы международных, национальных и региональных учреждений, отраслевые порталы и группы в социальной сети «ВКонтакте»). В целом использование указанных выше методов позволило типологизировать механизмы селекции миграционного потока, представленные в зарубежной и отечественной практике, установить их соответствие факторам притяжения мигрантов в Калининградскую область.

Результаты исследования. В результате изучения отечественной и зарубежной практик регулирования миграции выделено пять основных групп механизмов для целей селекции внутреннего миграционного потока: организационно-административные, экономические, инфраструктурные, институциональные, социальные (рис. 1).

Материальные стимулы миграции профессионалов нашли отражение в экономических и инфраструктурных механизмах селекции и регулирования миграции. Экономические механизмы включают финансовые инструменты стимулирования мигрантов, в их числе льготы и преференции в предоставлении жилья, выплаты и доплаты к окладам, субсидии на переезд и обустройство, компенсация расходов на обучение.

Механизмы селекции и регулирования миграции на внутристрановом уровне	Содержание механизмов и меры привлечения мигрантов		
	Федеральный уровень	Региональный/ муниципальный уровень	Локальный уровень (организации)
Организационно-административные Разрешительные условия и меры для отдельных категорий мигрантов	Приоритетные территории миграции		
	Дефицитные профессии, специальности, приоритетные отрасли		
	Новые программы обучения		
	Обязательное распределение и ротация специалистов		
	Меры общественного признания, награды		
Экономические Компенсация затрат, субсидии, финансовые инструменты стимулирования мигрантов	Льготная ипотека (субсидирование процентов и взноса), возмещение затрат по займу		
	Служебное жилье		
	Компенсация за аренду жилья		
	Единовременные выплаты и доплаты к окладам		
	Субсидии на переезд специалисту и членам его семьи		
	Земельный участок в пользование		
	Компенсация расходов на коммунальные платежи		
	Компенсация расходов на обустройство		
	Дополнительная стипендия обучающимся по договорам целевого найма		
Институциональные Развитие институтов поддержки переезда мигрантов, создание условий для пребывания мигрантов	Удержание студентов, оканчивающих вузы		
	Информация (сферы занятости и профессии, ярмарки, реклама)		
	Институты продвижения имиджа региона и его отдельных территорий		
	Создание виртуальных платформ и меры социальной поддержки «виртуальных» мигрантов		
	Программы карьерного роста		
	Поддержка профессиональных сетей		
Инфраструктурные Развитие инфраструктуры территории и улучшение условий проживания	Развитие транспортной и жилой инфраструктуры		
	Инвестирование в создание рабочих мест		
	Поддержка бизнес-климата		
	Оснащение рабочих мест (в том числе безопасная рабочая среда)		
	Инвестирование в промышленную инфраструктуру (в том числе ИКТ)		
Социальные Обеспечение благоприятных условий для работы и проживания специалистов и членов их семей	Содействие в трудоустройстве		
	Содействие в устройстве детей в дошкольные/школьные учреждения и т. д.		
	Медицинское и социальное обеспечение		
	Обучение (в том числе стажировки и целевое обучение)		
	Услуги по переезду (продажа старого и подбор нового жилья, транспортировка и хранение вещей и др.)		
	Субкультура организации		

Р и с. 1. Механизмы селекции и регулирования внутренней миграции (зарубежный и отечественный опыт)¹⁰

¹⁰ Здесь и далее в статье рисунки составлены авторами.

National migration selection and regulation mechanisms	Description of mechanisms and measures to attract migrants		
	Federal level	Regional / municipal level	Local level (organizations)
Organizational and administrative Permitting conditions and measures for certain categories of migrants	Priority migration areas		
	In-demand professions, occupations, priority industries		
	New training programmes		
	Mandatory placement and rotation of skilled workers		
	Public recognition measures, awards		
Economic Cost compensation, subsidies, financial instruments to encourage migration	Preferential mortgage schemes (subsidies covering interest or down payment), reimbursement of borrowing costs		
	Corporate housing		
	Rental assistance benefits		
	Benefits (lump-sum payments and salary supplements)		
	Relocation grants to a skilled worker and their family		
	Land plot		
	Utility allowance		
		Settlement expenses reimbursement	
		Additional scholarship for students under employer-sponsored education agreements	
Institutional Development of institutions to support migrants creating conditions for migrants integration		Graduate retention	
	Information (spheres of occupation, vacancy fairs, advertising)		
	Institutions promoting the image of the region and its territories as migration destinations		
	Virtual platforms and measures for social support for "virtual" migrants		
			Career development programmes
	Support for professional networks		
Infrastructural Development of the territory's infrastructure and improvement of living conditions	Development of transport and residential infrastructure		
	Investments in job creation		
	Comfortable business environment		
	Adequate workplace conditions		
	Investments in industrial infrastructure (including ICT)		
Social Ensuring favourable working and living conditions for skilled workers and their families		Employment assistance	
		Assistance in moving children to preschool/ school facilities, etc.	
		Medical and social security	
		Training (incl. internships and targeted training)	
		Relocation services (selling old and selecting new homes, transportation and storage of belongings, etc.)	
			Corporate subculture

Fig. 1. Mechanisms for selection and regulation of internal migration (national and international practice)

Основная роль в разработке наиболее затратных с материальной точки зрения механизмов (прежде всего в вопросах жилищного обустройства) принадлежит государственным органам власти на федеральном или региональном уровне. В то же время в рамках конкурентной борьбы за таланты частные компании реализуют самостоятельную политику по привлечению кадров, предполагающую финансовую помощь мигрантам.

Тесно связана с экономическими и группа инфраструктурных механизмов, включающая меры по развитию критически важной инфраструктуры территории вселения мигрантов и членов их семей, необходимой для обеспечения высокого уровня жизни (жилье и транспорт, ИКТ, социальная инфраструктура и др.), а также рабочего места (ИКТ и оборудование), в том числе с точки зрения его безопасности.

Следующие две группы механизмов – институциональные и социальные – призваны отвечать нематериальным стимулам миграции профессионалов. Институциональные механизмы предполагают развитие институтов поддержки переезда и создание условий для пребывания мигрантов. К ним относятся информационное обеспечение и деятельность институтов продвижения имиджа региона за его пределами, а также создание виртуальных платформ и реализация мер социальной поддержки для «виртуальных» мигрантов. На локальном и региональном уровнях реализуются механизмы поддержки развития профессиональных сетей и программ карьерного роста.

В России селективность миграционного потока на уровне внутристрановой миграции обеспечена реализацией ряда государственных программ и отдельных мер привлечения специалистов на федеральном и региональном уровнях.

Так, в 14 регионах России с низкой плотностью населения (большинство на Дальнем Востоке и в Сибири) для привлечения специалистов на производственные предприятия действует Программа повышения трудовой мобильности (оплата переезда, предоставление жилья, выплата единовременной денежной компенсации (в том числе на питание в некоторых регионах), надбавки к заработной плате). Работодатели также получают государственную финансовую поддержку по релокации кадров. Кроме того, действуют такие федеральные программы, как «Земский доктор» и «Земский фельдшер», предусматривающие выплаты медицинским работникам, проживающим в населенных пунктах с численностью до 50 тыс. чел., «Земский учитель» (единовременная выплата в размере до 2 млн руб. для учителей, согласившихся проработать 5 лет в сельской школе), предоставление льготной ипотеки (ИКТ-сфера).

Регионы предпринимают шаги по сокращению кадрового дефицита, предлагая специалистам дополнительные меры поддержки. Например, в Мурманской области реализуется проект «Арктический доктор», предоставляющий медицинским работникам большие выплаты, чем в рамках программ «Земский доктор» и «Земский фельдшер», чтобы стимулировать интерес к Заполярью, в Кировской области – программа «Вятский доктор», в Ямало-Ненецком автономном округе бюджетные работники получают 80 % северных надбавок с первого дня работы.

Калининградская область активно вовлечена в реализацию ряда обозначенных выше федеральных программ («Земский доктор», «Земский фельдшер», «Земский учитель»), но действует и региональная Программа повышения мобильности кадров, отдельные меры для поддержки работников сферы медицины, образования, бизнеса и ИКТ. Системно они обозначены на рисунке 2 в сопоставлении с профессиональными факторами миграции. В качестве основного критерия в выборе профессиональных факторов притяжения по

целевым группам принималось во внимание: 1) насколько они учитываются в уже представленных механизмах регулирования; 2) насколько значимо их влияние с точки зрения мотивации специалистов к профессиональной мобильности по результатам проведенного авторами статьи социологического исследования и более ранних работ.

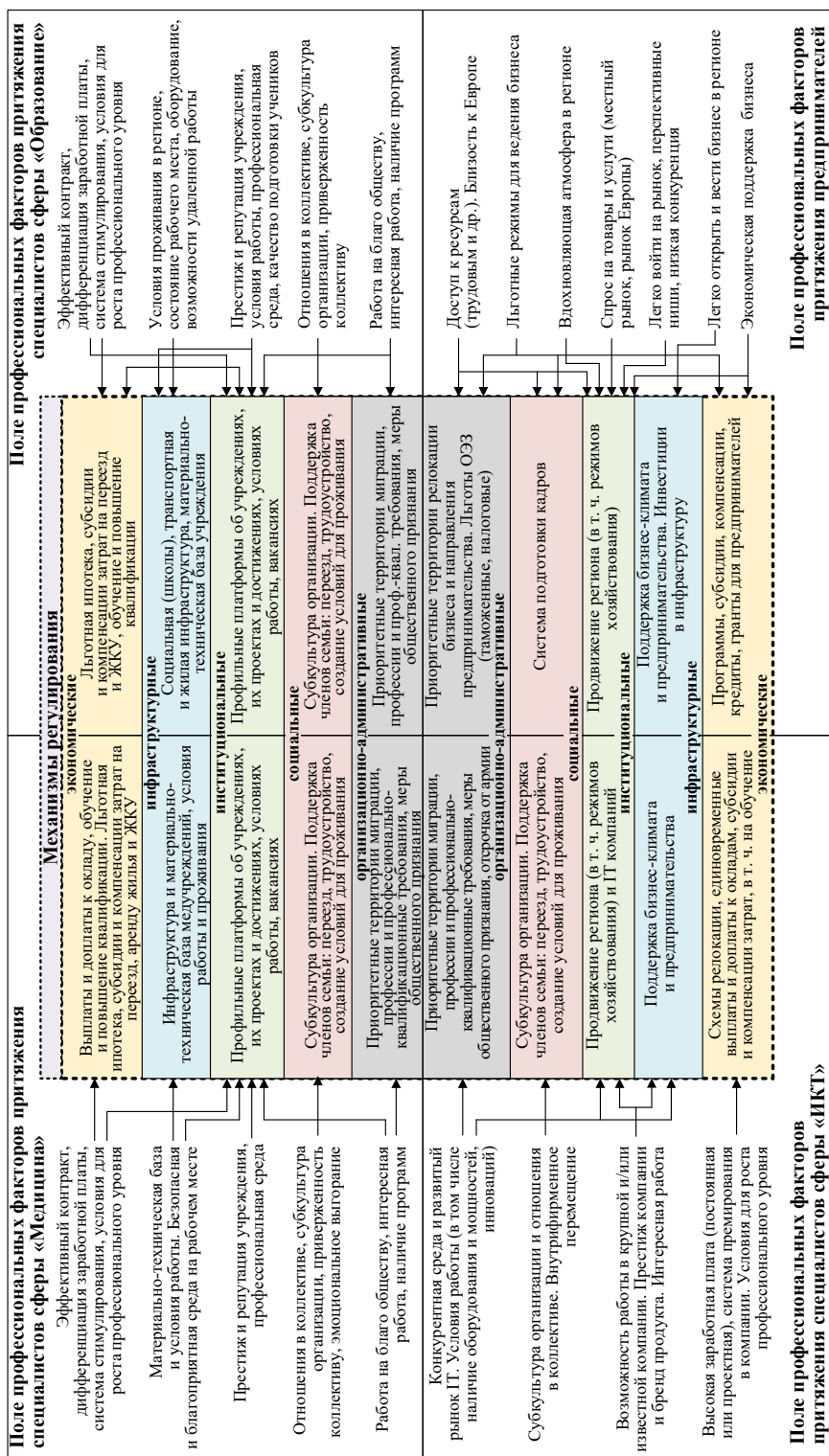
На первый взгляд кажется, что каждый из рассмотренных профессиональных факторов нашел отражение в сложившейся в регионе системе привлечения и адаптации наиболее востребованных специалистов в Калининградской области (рис. 2). С другой стороны, при более детальном рассмотрении особенностей предоставляемых мер поддержки верифицируется ряд «узких мест».

Во-первых, на фоне приоритизации экономических механизмов регулирования институциональные механизмы, в значительной степени раскрывающие потенциал региона и отвечающие потребностям мигрантов в информации, на сегодняшний день существенно отстают в проработке и реализации. Потенциал данной группы механизмов заключается в разработке системного подхода к продвижению возможностей трудоустройства и ведения бизнеса в регионе, успешных практик релокации профессионалов и предпринимателей, описанию иных групп механизмов поддержки мигрантов и членов их семей.

Во-вторых, экономические механизмы регулирования отвечают профессиональным мотивам мигрантов лишь отчасти, поскольку ориентированы в большей степени на закрепление специалистов в регионе (программы льготной ипотеки), чем на привлечение – механизмы обеспечения временным жильем до сих пор задействованы не в полной мере (лишь в двух муниципалитетах области). Кроме того, действующая сегодня экономическая поддержка в существенной мере дифференцирована (как по возрасту, так и по уровню образования заявителей, преподаваемым предметам среди учителей), что часто не отвечает реальным потребностям «на местах». Стоит также учитывать, что экономические механизмы регулирования миграции работников бюджетных сфер (медицина, образование) коренным образом не решают проблемы их экономической непривлекательности для жителей других регионов России (особенно северных, где установлены «северные» надбавки к окладам).

В-третьих, несмотря на то, что уровень развития инфраструктуры образовательных учреждений, сферы ИКТ, поддержки предпринимательства (всевозможные сервисы для бизнеса) в целом формируют сильные стороны региона, оснащенность медицинских учреждений пока не в полной мере отвечает интересам наиболее востребованных высококвалифицированных специалистов. При этом в целом инфраструктурные механизмы регулирования миграции, включающие инвестирование в создание и развитие социальной, транспортной, промышленной и жилой инфраструктуры, вносят значительный вклад в повышение привлекательности как отрасли, так и самого региона.

В-четвертых, рынок услуг по оказанию содействия мигранту и его семье в переезде и адаптации в регионе на сегодняшний день пока не развит ни со стороны частного бизнеса, ни в формате государственного сервиса «единого окна». Социальные механизмы, которые традиционно представляют собой вторичную поддержку мигрантов (так называемый консьерж-сервис) через создание условий для переезда и проживания самого переселенца и членов его семьи, реализуются в большинстве случаев самими организациями, привлекающими работников. Существенным ограничением здесь выступают финансовые возможности организаций, поэтому часто такая поддержка доступна только крупным и/или частным компаниям.

Р и с. 2. Соответствие механизмов регулирования внутреннего потока профессионального фактора притяжения в Калининградской области

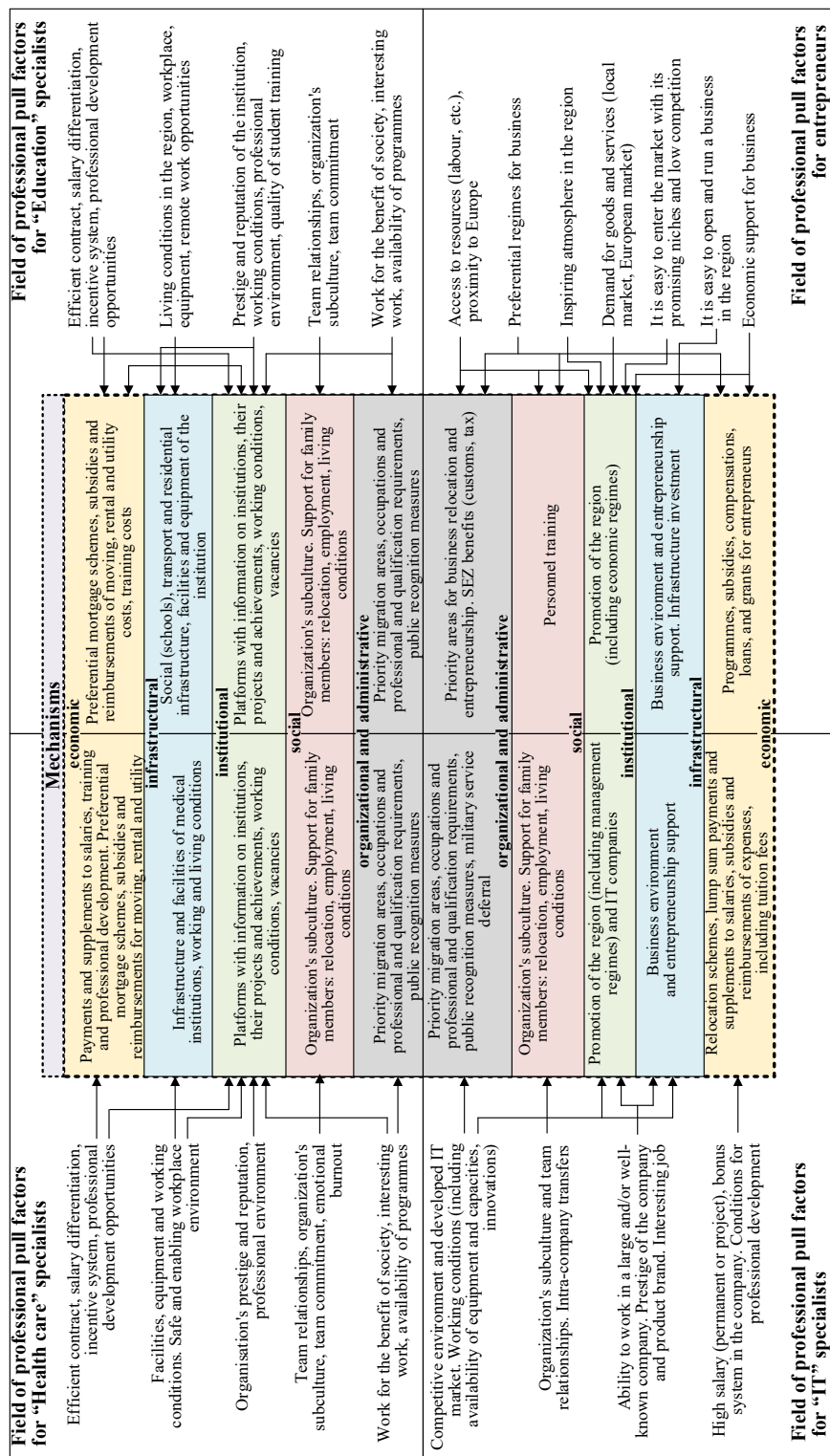

Fig. 2. Correspondence between the mechanisms for regulation of internal migration and the pull factors of migration to the Kaliningrad Region by occupation

В-пятых, социальные механизмы поддержки релокации бизнеса, заключающиеся в первую очередь в формировании необходимых (как по количеству, так и по качеству подготовки) трудовых ресурсов в регионе, также не в полной мере соответствуют мотивации предпринимателей к миграции. Так, например, ощущается острый «голод» квалифицированных кадров для сферы ИКТ. В то же время предпринимаемые шаги по усилению взаимодействия бизнеса и образовательных организаций, а также селекции абитуриентов, в том числе за счет иногородних, способствуют решению указанной проблемы.

Наконец, в-шестых, несмотря на все предпринимаемые организационно-административные механизмы, которые формируют «рамочные» условия для развития отраслей и секторов региональной экономики, ее внутренней и внешней конкуренции, некоторые перспективные отрасли испытывают «ресурсные» ограничения. Так, Калининградская область является «особым» регионом России, на территории которого установлены особые режимы хозяйствования (например, Особая экономическая зона), реализуются крупные федеральные проекты (строительство крупных медицинских и образовательных учреждений федерального значения), осуществляется субсидирование транспортной связанности региона с другими субъектами Федерации (например, субсидирование авиаперелетов), регион входит в перечень субъектов приоритетного обеспечения кадрами (Программа повышения мобильности кадров). В то же время в одной из «якорных» для региона отраслей – ИКТ – до сих пор не создано специализированного ИТ индустриального парка или технопарка (за исключением Технополиса GS, для которого ИТ является лишь частью более широкой специализации), концентрирующего на территории региона трудовой потенциал для релокации ИТ-бизнеса.

Обсуждение и заключение. Выявленные диспропорции в соответствии механизмов регулирования внутривострановой миграции профессиональным факторам притяжения в Калининградской области определяют направления их расширения и повышения эффективности в интересах селекции миграционного потока. Учитывая опыт применения селективного подхода к миграции за рубежом и ее регулирования в России, предлагается в первую очередь использовать следующие меры.

Во-первых, безусловно, продвижение Калининградской области для целей межрегиональной миграции должно опираться на основные факторы привлекательности региона, но также отражать реальную ситуацию в экономической и социальной сферах региона. Целесообразно повышать доступность информации о регионе в целом (отраслях и конкурентной среде на рынке, тенденциях развития) и хозяйствующих субъектах на ее территории (состоянии инфраструктуры, обеспеченности и качестве оборудования в учреждениях региона, возможностях карьерного роста и обучения) с учетом потребности в ней со стороны разных категорий мигрантов (согласно возрасту, профессионально-квалификационному составу, сфере занятости и т. д.). Необходимо расширять каналы предоставления информации за счет активного использования социальных сетей, интернет-каналов блогеров, проведения крупных всероссийских мероприятий, осуществлять таргетную рекламу организаций региона в медийном пространстве других субъектов Федерации.

Во-вторых, целесообразно усовершенствовать имеющиеся целевые экономические механизмы привлечения специалистов в регион (в рамках федеральных и региональных программ), сместив акцент на поддержку временного проживания специалиста в регионе. Ключевым механизмом здесь должно стать обеспечение привлекаемых специалистов временным служебным жильем или компенсация

расходов по найму жилья. В части применения экономических механизмов, направленных на закрепление специалистов в регионе (прежде всего, льготная ипотека), должны быть сняты необоснованные ограничения (по возрасту, уровню образования и др.). Целевой принцип предоставления существующей экономической поддержки привлекаемым профессионалам может быть достигнут за счет внедрения балльной системы оценки трудового потенциала специалистов. Приоритетными направлениями должны стать возраст работника, его профессиональный опыт, профессионально-квалификационный уровень. При этом попадание специальности мигранта в перечень дефицитных профессий обеспечивает преимущественное право на получение поддержки. Это позволит реализовать селективный подход к установлению конкретных мер и размера поддержки в зависимости от количества набранных потенциальным мигрантом баллов. Меры поддержки могут быть дифференцированы по категориям: «Молодой профессионал» – меры для начинающих свой профессиональный путь специалистов, набирающих в рамках балльной системы минимальное количество баллов; «Опытный профессионал» – меры для специалистов с большим опытом работы; «Высококвалифицированный специалист» – меры для представителей остродефицитных профессий с большим опытом работы. Содержание предлагаемых мер поддержки и их размера должно определяться профессиональными ориентирами привлекаемых работников. Для молодых профессионалов это возможности обучения и стажировок, аренда жилья, содействие в обеспечении детей детским садом или яслями; для опытных профессионалов – льготная ипотека, обеспечение детей школьными учреждениями, содействие в трудоустройстве родственников; для высококлассных специалистов – наиболее широкие льготы и возможности. Кроме того, необходимо активнее задействовать ведущие вузы области для целевого привлечения и последующего закрепления на региональном рынке труда абитуриентов и молодых профессионалов из других вузов и регионов страны.

В-третьих, необходимо систематизировать и углубить работу по адаптации мигрантов, включающую в том числе информационное сопровождение, информационно-аналитическую поддержку предпринимателей, мониторинг межрегиональной миграции и особенностей адаптации мигрантов на рынке труда с целью своевременного выявления актуальных проблем (безработицы и нисходящей траектории трудовой мобильности). Для этих целей могут быть разработаны специальные информационные платформы и ресурсы о наиболее актуальных вопросах адаптации мигрантов в регионе (трудоустройство, аренда и покупка недвижимости, доступ к образовательным и медицинским услугам, решение бытовых вопросов). Вопросы статистического мониторинга могут быть включены в выборочные обследования населения России по проблемам занятости посредством дифференцирования респондентов по миграционному статусу.

В целом полученные в ходе исследования конкретные результаты представляют интерес как для специалистов в области миграции, так и регионоведов, специалистов и практиков в области региональной политики и управления. Предлагаемый авторами селективный подход к регулированию миграции с использованием механизмов, соответствующих профессиональным факторам притяжения, позволяет усовершенствовать имеющиеся и действующие меры привлечения специалистов в регион, изменив целевой принцип предоставления поддержки. Это требует как разработки теоретико-методологических положений формирования и реализации мер по селекции миграционного потока, так и оценки эффективности федеральных и региональных программ повышения мобильности и стимулирования притока кадров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лялина А. В. Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 73–84. URL: [http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_4\(66\).pdf](http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_4(66).pdf) (дата обращения: 23.06.2022).
2. Лялякин Ю. А. К вопросу о сущности и содержании миграционной безопасности Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4 (36). С. 76–80. EDN: VDAPOL
3. Назаров М. В. Миграционная безопасность: понятие, сущность и принципы // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 32–35. EDN: YJGUHN
4. Ткачева Н. А. Миграционная безопасность российского общества в условиях обострения этносоциальных противоречий // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2011. № 1. С. 55–63. URL: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6294> (дата обращения: 23.06.2022).
5. Цветков В. А., Дудин М. Н., Лясников Н. В. Аналитические подходы и методы оценки экономической безопасности региона // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 1. С. 1–12. doi: <https://doi.org/10.17059/2019-1-1>
6. Lim D. Selecting Immigrants by Skill: A Case of Wrongful Discrimination? // Social Theory and Practice. 2017. Vol. 43, issue 2. Pp. 369–396. doi: <https://doi.org/10.5840/soctheorpract20172157>
7. Interventions for Health Workforce Retention in Rural and Remote Areas: A Systematic Review / D. Russell [et al.] // Human Resources for Health. 2021. Vol. 19. doi: <https://doi.org/10.1186/s12960-021-00643-7>
8. Caldera Sánchez A., Andrews D. Residential Mobility and Public Policy in OECD Countries // OECD Journal: Economic Studies. 2011. Vol. 11. Pp. 1–22. doi: https://doi.org/10.1787/eco_studies-2011-5kg0vswqt240
9. Clark W. A. V. Intervening in the Residential Mobility Process: Neighborhood Outcomes for Low-Income Populations // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2005. Vol. 102, issue 43. Pp. 15307–15312. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.0507308102>
10. The Economics of Internal Migration: Advances and Policy Questions / N. Jia [et al.] // Finance and Economics Discussion Series. 2022. Vol. 003. doi: <https://doi.org/10.17016/FEDS.2022.003>
11. Johnson M., Ladd H., Ludwig J. The Benefits and Costs of Residential Mobility Programs for the Poor // Housing Studies. 2002. Vol. 17, issue 1. Pp. 125–138. doi: <https://doi.org/10.1080/02673030120105947>
12. Seko M., Sumita K. Effects of Government Policies on Residential Mobility in Japan: Income Tax Deduction System and the Rental Act // Journal of Housing Economics. 2007. Vol. 16, issue 2. Pp. 167–188. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jhe.2007.06.001>
13. Волошенко К. Ю., Лялина А. В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 102–128. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>
14. Рыбаковский Л. Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 56–63. doi: <https://doi.org/10.7868/S0132162517100063>
15. Ситарчук Е. А. Селективная миграционная политика как фактор динамики внешнего потенциала трудовых ресурсов: зарубежный опыт // Вестник РГЭУ ИНХ. 2011. № 1 (33). С. 121–127. URL: [https://vestnik.rsue.ru/doc/vestnik/1\(33\)2011.pdf](https://vestnik.rsue.ru/doc/vestnik/1(33)2011.pdf) (дата обращения: 23.06.2022).
16. Egan M. S. Statements on Race and Class: The Fairness of Skills-Based Immigration Criteria // Ethics & Global Politics. 2020. Vol. 13, issue 2. Pp. 108–122. doi: <https://doi.org/10.1080/16544951.2020.1761192>
17. Ellermann A., Goenaga A. Discrimination and Policies of Immigrant Selection in Liberal States // Politics & Society. 2019. Vol. 47, issue 1. Pp. 87–116. doi: <https://doi.org/10.1177/0032329218820870>
18. Koslowski R. Shifts in Selective Migration Policy Models // High-Skilled Migration: Drivers and Policies / ed. by M. Czaika. Oxford University Press, 2018. Pp. 108–129. doi: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198815273.003.0006>

19. Macaluso M. The Influence of Skill-Based Policies on the Immigrant Selection Process // *Economia Politica*. 2022. Vol. 39. Pp. 595–621. doi: <https://doi.org/10.1007/s40888-022-00264-w>
20. Титова Т. П. Селективная иммиграционная политика: стратегии и практики привлечения высококвалифицированных специалистов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. № 10-3. С. 103–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/selektivnaya-immigratsionnaya-politika-strategii-i-praktiki-privlecheniya-vysokokvalifitsirovannyh-spetsialistov> (дата обращения: 23.06.2022).
21. Bertoli S., Stillman S. All That Glitters is Not Gold: Wages and Education for US Immigrants // *Labour Economics*. 2019. Vol. 61. doi: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.101749>
22. China's Successful Recruitment of Healthcare Professionals to the Worst-Hit City: A Lesson Learned / P. Zhu [et al.] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18, issue 16. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph18168737>
23. Shen Y., Li B. Policy Coordination in the Talent War to Achieve Economic Upgrading: The Case of Four Chinese Cities // *Policy Studies*. 2020. Vol. 43, issue 3. Pp. 443–463. doi: <https://doi.org/10.1080/01442872.2020.1738368>
24. International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects / H. De Haas [et al.] // *Population and Development Review*. 2019. Vol. 45, issue. 4. Pp. 885–922. doi: <https://doi.org/10.1111/padr.12291>
25. Sandoz L. Mobilities of the Highly Skilled towards Switzerland: The Role of Intermediaries in Defining “Wanted Immigrants”. Springer, 2019. 224 p. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-21122-6>
26. Etzo I. Determinants of Interregional Migration in Italy: A Panel Data Analysis // *Journal of Regional Science*. 2011. Vol. 51, issue 5. Pp. 948–966. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2011.00730.x>
27. Selectivity and Internal Migration: A Study of Refugees' Dispersal Policy in Sweden / Y. Habersfeld [et al.] // *Frontiers in Sociology*. 2019. Vol. 4. doi: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00066>
28. Igarashi A. How do Initial Migrants Choose their Locations? Interregional Migration in Japan from 1899 to 1938 // *Journal of Regional Science*. 2022. Vol. 62, issue 4. Pp. 1032–1047. doi: <https://doi.org/10.1111/jors.12586>
29. Romano P. Internal Migration in Italy. Long-run Analysis of Push and Pull Factors Across Regions and Macro-areas of the Country // *Migration Letters*. 2016. Vol. 13, no. 3. Pp. 443–454. doi: <https://doi.org/10.33182/ml.v13i3.295>
30. Zhou J., Chi-Man Hui E. Housing Prices, Migration, and Self-selection of Migrants in China // *Habitat International*. 2022. Vol. 119. doi: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2021.102479>
31. Laajimi R., Le Gallo J. Push and Pull Factors in Tunisian Internal Migration: The role of Human Capital // *Growth and Change*. 2022. Vol. 53, issue 2. Pp. 771–799. doi: <https://doi.org/10.1111/grow.12607>
32. Zanabazar A., Kho N. S., Jigjiddorj S. The Push and Pull Factors Affecting the Migration of Mongolians to the Republic of South Korea // *International Conference on Entrepreneurial Competencies in a Changing World (ECCW 2020)*. 2021. Vol. 90. doi: <https://doi.org/10.1051/shs-conf/20219001023>
33. Boese M., Moran A. The Regional Migration-Development Nexus in Australia: What Migration? Whose Development? // *Frontiers in Sociology*. 2021. Vol. 6. doi: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.602487>
34. Vakulenko E. S., Mkrtchyan N. V. Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age // *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2020. Vol. 13. Pp. 609–630. doi: <https://doi.org/10.1007/s12061-019-09320-8>
35. Simard M. Retention and Departure Factors Influencing Highly Skilled Immigrants in Rural Areas: Medical Professionals in Québec, Canada // *International Migration and Rural Areas – Cross National Comparative Perspectives* / eds by B. Jentsch, M. Simard. London : Routledge, 2009. Pp. 43–73. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315589466>
36. A Critical Review of Rural Medical Workforce Retention in Australia / J. Humphreys [et al.] // *Australian Health Review*. 2001. Vol. 24, issue 4. Pp. 91–102. doi: <https://doi.org/10.1071/ah010091a>

37. Mbemba G. I., Gagnon M. P., Hamelin-Brabant L. Factors Influencing Recruitment and Retention of Healthcare Workers in Rural and Remote Areas in Developed and Developing Countries: An Overview // Journal of Public Health in Africa. 2016. Vol. 7, no. 2. doi: <https://doi.org/10.4081/jphia.2016.565>

38. Андреева Е. А., Карачурина Л. Б. Стратегии миграции врачей в периферийные муниципальные образования (на примере Тверской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 316–338. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1725>

39. Чирикова А. Е. О полимотивации врачей: уроки реформ // Мир России. 2019. Т. 28, № 3. С. 6–26. doi: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-3-6-26>

40. Tolksdorf K. H., Tischler U., Heinrichs K. Correlates of Turnover Intention Among Nursing Staff in the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review // BMC Nursing. 2022. Vol. 21. doi: <https://doi.org/10.1186/s12912-022-00949-4>

41. Benson M., O'Reilly K. Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration // Sociological Review. 2009. Vol. 57, issue 4. Pp. 608–625. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2009.01864.x>

42. Moretti E., Wilson D. J. The Effect of State Taxes on the Geographical Location of Top Earners: Evidence from Star Scientists // American Economic Review. 2017. Vol. 107, no. 7. Pp. 1858–1903. doi: <https://doi.org/10.1257/aer.20150508>

43. Netz N., Jaksztat S. Explaining Scientists' Plans for International Mobility from a Life Course Perspective // Research in Higher Education. 2017. Vol. 58, no. 5. Pp. 497–519. doi: <https://doi.org/10.1007/s11162-016-9438-7>

44. Toma S., Villares-Varela M. The Role of Migration Policies in the Attraction and Retention of International Talent: The Case of Indian Researchers // Sociology. 2019. Vol. 53, issue 1. Pp. 52–68. doi: <https://doi.org/10.1177/0038038517750540>

45. Interregional Migration of Business Owners: Who Moves and How Does Moving Affect Firm Performance? / T. Niedomysl [et al.] // Regional Studies. 2019. Vol. 53, issue 4. Pp. 503–516. doi: <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1462486>

46. Stam E. Why Butterflies don't Leave: Locational Behavior of Entrepreneurial Firms // Economic Geography. 2007. Vol. 83, issue 1. Pp. 27–50. URL: <https://www.jstor.org/stable/30033098> (дата обращения: 23.06.2022).

47. Pellenbarg P. H., Van Wissen L. J., Van Dijk J. Firm Relocation: State of the Art and Research Prospects. Groningen : University of Groningen, 2002. 42 p. URL: <https://research.rug.nl/en/publications/firm-relocation-state-of-the-art-and-research-prospects> (дата обращения: 23.06.2022).

Поступила 12.11.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 11.01.2023.

Об авторах:

Волошенко Ксения Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, директор Центра социально-экономических исследований региона Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>, KVoloshenko@kantiana.ru

Лялина Анна Валентиновна, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований региона Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>, anuta-mazova@mail.ru

Фарафоновна Юлия Юрьевна, старший преподаватель научно-образовательного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5996-1557>, ifarafonova@kantiana.ru

Новикова Анна Александровна, старший преподаватель кафедры менеджмента Калининградского государственного технического университета (236039, Российская Федерация, г. Калининград, Малый переулок, д. 32), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>, anna.novikova@klgtu.ru

Заявленный вклад авторов:

К. Ю. Волошенко – методология исследования в части обоснования регулирования миграции для обеспечения экономической безопасности; систематизация механизмов селекции; научное редактирование текста.

А. В. Лялина – методология исследования в части обоснования селективного подхода к миграции и проведения полуструктурированных интервью; постановка цели и задач исследования; систематизация факторов притяжения мигрантов и механизмов регулирования миграции.

Ю. Ю. Фарафонова – сбор и обработка материала; работа с иностранными источниками информации.

А. А. Новикова – обработка и анализ материалов; техническое редактирование текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Lyalina. A.V. The Role of Migration in the Demographic Development of the Kaliningrad Oblast. *Regional'nye issledovaniya*. 2019;(4):73–84. Available at: [http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_4\(66\).pdf](http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_4(66).pdf) (accessed 23.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Lyalyakin Yu.A. Revisiting Essence and Subject Matter of Immigration Security of Russian Federation. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2015;(4):76–80. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VDAPOL
3. Nazarov M.V. Migration Security: The Concept, Essence and Principles. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;(8):32–35. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YJGUHN
4. Tkacheva N.A. The Migration Security in Russian Society amid Ethnic and Social Conflicts Aggravation. *RUDN Journal of Sociology*. 2011;(1):55–63. Available at: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6294> (accessed 23.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Tsvetkov V.A., Dudin M.N., Lyasnikov N.V. Analytical Approaches to Estimate Economic Security of the Region. *Economy of Region*. 2019;15(1):1–12. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17059/2019-1-1>
6. Lim D. Selecting Immigrants by Skill: A Case of Wrongful Discrimination? *Social Theory and Practice*. 2017;43(2):369–396. doi: <https://doi.org/10.5840/soctheorpract20172157>
7. Russell D., Mathew S., Fitts M., et al. Interventions for Health Workforce Retention in Rural and Remote Areas: A Systematic Review. *Human Resources for Health*. 2021;19. doi: <https://doi.org/10.1186/s12960-021-00643-7>
8. Caldera Sánchez A., Andrews D. Residential Mobility and Public Policy in OECD Countries. *OECD Journal: Economic Studies*. 2011;11:1–22. doi: https://doi.org/10.1787/eco_studies-2011-5kg0vswqt240
9. Clark W.A.V. Intervening in the Residential Mobility Process: Neighborhood Outcomes for Low-Income Populations. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2005;102(43):15307–15312. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.0507308102>
10. Ning J., Molloy R., Smith C., Wozniak A. The Economics of Internal Migration: Advances and Policy Questions. *Finance and Economics Discussion Series*. 2022;003. doi: <https://doi.org/10.17016/FEDS.2022.003>
11. Johnson M., Ladd H., Ludwig J. The Benefits and Costs of Residential Mobility Programs for the Poor. *Housing Studies*. 2002;17(1):125–138. doi: <https://doi.org/10.1080/02673030120105947>
12. Seko M., Sumita K. Effects of Government Policies on Residential Mobility in Japan: Income Tax Deduction System and the Rental Act. *Journal of Housing Economics*. 2007;16(2):167–188. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jhe.2007.06.001>
13. Voloshenko K.Yu., Lyalina A.V. Attractiveness of the Kaliningrad Region: Pull Factors and Reasons for Disappointments of Migrants from Russian Regions. *Baltic Region*. 2022;14(3):102–128. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>

14. Rybakovsky L.L. Functions and Consequences of Migration Processes. *Sociological Studies*. 2017;(10):56–63. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.7868/S0132162517100063>
15. Sitarchuk E.A. The Selective Migratory Policy as the Factor of Dynamics of External Potential of the Manpower: Foreign Experience. *Vestnik of Rostov State University of Economics*. 2011;(1):121–127. Available at: [https://vestnik.rsue.ru/doc/vestnik/1\(33\)2011.pdf](https://vestnik.rsue.ru/doc/vestnik/1(33)2011.pdf) (accessed 23.06.2022) (In Russ., abstract in Eng.)
16. Egan M.S. Statements on Race and Class: The Fairness of Skills-Based Immigration Criteria. *Ethics & Global Politics*. 2020;13(2):108–122. doi: <https://doi.org/10.1080/16544951.2020.1761192>
17. Ellermann A., Goenaga A. Discrimination and Policies of Immigrant Selection in Liberal States. *Politics & Society*. 2019;47(1):87–116. doi: <https://doi.org/10.1177/0032329218820870>
18. Koslowski R. Shifts in Selective Migration Policy Models. In: Czaika M., editor. *High-Skilled Migration: Drivers and Policies*. Oxford University Press; 2018. p. 108–129. doi: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198815273.003.0006>
19. Macaluso M. The Influence of Skill-Based Policies on the Immigrant Selection Process. *Economia Politica*. 2022;39:595–621. doi: <https://doi.org/10.1007/s40888-022-00264-w>
20. Titova T.P. [Selective Immigration Policy: Strategies and Practices of Attracting Highly Qualified Specialists]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 2015;(10-3):103–106. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/selektivnaya-immigratsionnaya-politika-strategii-i-praktiki-privlecheniya-vysokokvalifitsirovannyh-spetsialistov> (accessed 23.06.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
21. Bertoli S., Stillman S. All that Glitters is Not Gold: Wages and Education for US Immigrants. *Labour Economics*. 2019;61. doi: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.101749>
22. Zhu P., Liu X., Wu Q., Loke J., Lim D., Xu H. China's Successful Recruitment of Healthcare Professionals to the Worst-Hit City: A Lesson Learned. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;18(16). doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph18168737>
23. Shen Y., Li B. Policy Coordination in the Talent War to Achieve Economic Upgrading: The Case of Four Chinese Cities. *Policy Studies*. 2020;43(3):443–463. doi: <https://doi.org/10.1080/01442872.2020.1738368>
24. De Haas H., Czaika M., Flahaux M.-L., et al. International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects. *Population and Development Review*. 2019;45(4):885–922. doi: <https://doi.org/10.1111/padr.12291>
25. Sandoz L. Mobilities of the Highly Skilled towards Switzerland: The Role of Intermediaries in Defining “Wanted Immigrants”. Springer; 2019. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-21122-6>
26. Etzo I. Determinants of Interregional Migration in Italy: A Panel Data Analysis. *Journal of Regional Science*. 2011;51(5):948–966. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2011.00730.x>
27. Haberland Y., Birgier D.P., Lundh C., Ellder E. Selectivity and Internal Migration: A Study of Refugees' Dispersal Policy in Sweden. *Frontiers in Sociology*. 2019;4. doi: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00066>
28. Igarashi A. How do Initial Migrants Choose their Locations? Interregional Migration in Japan from 1899 to 1938. *Journal of Regional Science*. 2022;62(4):1032–1047. doi: <https://doi.org/10.1111/jors.12586>
29. Romano P. Internal Migration in Italy. Long-run Analysis of Push and Pull Factors Across Regions and Macro-areas of the Country. *Migration Letters*. 2016;13(3):443–454. doi: <https://doi.org/10.33182/ml.v13i3.295>
30. Zhou J., Chi-Man Hui E. Housing Prices, Migration, and Self-selection of Migrants in China. *Habitat International*. 2022;119. doi: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2021.102479>
31. Laajimi R., Le Gallo J. Push and Pull Factors in Tunisian Internal Migration: The Role of Human Capital. *Growth and Change*. 2022;53(2):771–799. doi: <https://doi.org/10.1111/grow.12607>
32. Zanabazar A., Kho N.S., Jigjiddorj S. The Push and Pull Factors Affecting the Migration of Mongolians to the Republic of South Korea. In: *International Conference on Entrepreneurial Competencies in a Changing World (ECCW 2020)*. 2021;90. doi: <https://doi.org/10.1051/shs-conf/20219001023>
33. Boese M., Moran A. The Regional Migration–Development Nexus in Australia: What Migration? Whose Development? *Frontiers in Sociology*. 2021;6. doi: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.602487>

34. Vakulenko E.S., Mkrtchyan N.V. Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age. *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2020;13:609–630. doi: <https://doi.org/10.1007/s12061-019-09320-8>
35. Simard M. Retention and Departure Factors Influencing Highly Skilled Immigrants in Rural Areas: Medical Professionals in Québec, Canada. In: Jentsch B., Simard M., editors. *International Migration and Rural areas – Cross National Comparative Perspectives*. London: Routledge; 2009. p. 43–73. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315589466>
36. Humphreys J., Jones J., Jones M., et al. A Critical Review of Rural Medical Workforce Retention in Australia. *Australian Health Review*. 2001;24(4):91–102. doi: <https://doi.org/10.1071/ah010091a>
37. Mbemba G.I., Gagnon M.P., Hamelin-Brabant L. Factors Influencing Recruitment and Retention of Healthcare Workers in Rural and Remote Areas in Developed and Developing Countries: An Overview. *Journal of Public Health in Africa*. 2016;7(2). doi: <https://doi.org/10.4081/jphia.2016.565>
38. Andreeva E.A., Karachurina L.B. Strategies for the Migration of Physicians to Remote and Rural Areas (On the Example of Tver Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2021;(3):316–338. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1725>
39. Chirikova A.E. On the Multiple Motivations of Physicians: Lessons from Reforms. *Universe of Russia*. 2019;28(3):6–26. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-3-6-26>
40. Tolksdorf K.H., Tischler U., Heinrichs K. Correlates of Turnover Intention among Nursing Staff in the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review. *BMC Nursing*. 2022;21. doi: <https://doi.org/10.1186/s12912-022-00949-4>
41. Benson M., O'Reilly K. Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration. *Sociological Review*. 2009;57(4):608–625. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2009.01864.x>
42. Moretti E., Wilson D. J. The Effect of State Taxes on the Geographical Location of Top Earners: Evidence from Star Scientists. *American Economic Review*. 2017;107(7):1858–1903. doi: <https://doi.org/10.1257/aer.20150508>
43. Netz N., Jaksztat S. Explaining Scientists' Plans for International Mobility from a Life Course Perspective. *Research in Higher Education*. 2017;58(5):497–519. doi: <https://doi.org/10.1007/s11162-016-9438-7>
44. Toma S., Villares-Varela M. The Role of Migration Policies in the Attraction and Retention of International Talent: The Case of Indian Researchers. *Sociology*. 2019;53(1):52–68. doi: <https://doi.org/10.1177/0038038517750540>
45. Niedomysl T., Källström J., Koster S., Östh J. Interregional Migration of Business Owners: Who Moves and How Does Moving Affect Firm Performance? *Regional Studies*. 2019;53(4):503–516. doi: <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1462486>
46. Stam E. Why Butterflies don't Leave: Locational Behavior of Entrepreneurial Firms. *Economic Geography*. 2007;83(1):27–50. Available at: <https://www.jstor.org/stable/30033098> (accessed 23.06.2022).
47. Pellenbarg P.H., Van Wissen L.J., Van Dijk J. Firm Relocation: State of the Art and Research Prospects. Groningen: University of Groningen; 2002. Available at: <https://research.rug.nl/en/publications/firm-relocation-state-of-the-art-and-research-prospects> (accessed 23.06.2022).

Submitted 12.11.2022; revised 19.12.2022; accepted 11.01.2023.

About the authors:

Ksenia Yu. Voloshenko, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Director, Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University (42 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>, kvoloshenko@kantiana.ru

Anna V. Lialina, Cand. Sci. (Geography), Researcher at the Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University (14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>, anuta-mazova@mail.ru

Yulia Yu. Farafonova, Senior Lecturer, the Scientific and Educational Cluster "Institute of Management and Territorial Development", Immanuel Kant Baltic Federal University (14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5996-1557>, ifarafonova@kantiana.ru

Anna A. Novikova, Senior Lecturer, Department of Management, Kaliningrad State Technical University (32 Maly Lane, Kaliningrad 236039, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>, anna.novikova@klgtu.ru

Contribution of the authors:

K. Yu. Voloshenko – research methodology in terms of substantiating the regulation of migration to ensure economic security; systematization of selection mechanisms; scientific editing of the text.

A. V. Lialina – research methodology in terms of substantiating a selective approach to migration and conducting semi-structured interviews; setting the goal and tasks of the study; systematizing migrant pull factors and migration regulation mechanisms.

Yu. Yu. Farafonova – collection and processing of material; work with foreign sources of information.

A. A. Novikova – processing and analysis of materials; technical editing of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 332.1:004

doi: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.166-181

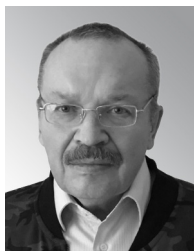
Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Формирование социального капитала городских сообществ в условиях цифровизации урбанизированной среды

В. П. Бабинцев

Д. В. Хрипкина ✉

К. А. Хрипков

П. К. Великих

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(г. Белгород, Российская Федерация)

✉ davtyan@bsu.edu.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время развитие и конвергенция виртуально-цифровых практик актуализирует потребность в теоретико-методологическом осмыслении трансформаций социального капитала в городской среде. Цель статьи – на основе экспертных оценок и результатов анализа общественного мнения исследовать процесс изменения механизмов формирования социального капитала, а также конъюнктивных процессов, трансформирующихся под влиянием цифровизации городских пространств.

Методология и методы. Методологическую основу исследования составили: положения теории социального капитала, теория социальной конъюнкции; концепция дигитализации социальной реальности. Эмпирическая база научной статьи включает результаты комплекса социологических исследований, проведенных учеными Белгородского государственного университета в 2020–2022 гг. Данные исследований позволили определить диспозиции различных групп населения в отношении социальной консолидации городских сообществ в условиях дигитализации урбанизированной среды, а также выявить специфику ценностей, установок и мотивов поведения при реализации консолидационных практик.

Результаты исследования. На основе эмпирических данных удалось выявить, что процесс формирования и наращивания социального капитала городских сообществ имеет серьезные ограничения, которые не исчезают в ходе цифровизации городской среды. С одной стороны, этот процесс создает возможности для консолидации на основе социально-цифровых платформ; с другой стороны, сетевой социальный капитал оказывается весьма непрочным, поскольку не предполагает «живого общения» и не связывает участников взаимодействия надежными основаниями.

Обсуждение и заключение. Создавая новые условия для коммуникации и объединения граждан, цифровизация ведет также к возникновению новых барьеров, наиболее существенным из которых является отсутствие «живого общения», что препятствует связыванию участников взаимодействия надежными основаниями. Перспективы дальнейших исследований изучаемой темы связаны с разработкой таких критериев, которые позволят оценить социодинамику процесса формирования социального капитала городских сообществ и процесса консолидации.

© Бабинцев В. П., Хрипкина Д. В., Хрипков К. А., Великих П. К., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: социальный капитал, городские сообщества, цифровизация/дигитализация городской среды, социальная конъюнкция, социальное доверие, территориальная идентичность, урбанизированная среда

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150 (<https://rscf.ru/project/21-18-00150>).

Для цитирования: Формирование социального капитала городских сообществ в условиях цифровизации урбанизированной среды / В. П. Бабинцев [и др.] // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 166–181. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.166-181>

Original article

Formation of the Social Capital of Urban Communities in the Context of Digitalization of the Urban Environment

V. P. Babintsev, D. V. Khripkova ✉, K. A. Khripkov, P. K. Velikikh
Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)
✉ davtyan@bsu.edu.ru

Abstract

Introduction. Currently, the development and convergence of virtual digital practices actualizes the need for theoretical and methodological understanding of the transformations of social capital in the urban environment. The purpose of the article is to explore the process of changing the mechanisms for the formation of social capital, based on expert assessments and the results of an analysis of public opinion, as well as conjunctive processes that are being transformed under the influence of the digitalization of urban spaces.

Methodology and Methods. The methodological basis of the study consists of the provisions of the social capital theory, the theory of social conjunction; the concept of digitalization of social reality. The empirical base of the scientific article includes the results of a complex of sociological studies conducted by a team of authors of Belgorod State University in 2020–2022. The research data has made it possible to determine the dispositions of various population groups in relation to the social consolidation of urban communities in the context of the digitalization of the urbanized environment, as well as to identify the specifics of values, attitudes and behavioral motives in the implementation of consolidation practices.

Results. On the basis of empirical data, it has been possible to reveal that the process of forming and building up the social capital of urban communities has serious limitations that do not disappear in the course of digitalization of the urban environment. On the one hand, this process creates opportunities for consolidation based on social digital platforms; on the other hand, network social capital turns out to be very fragile, since it does not involve “live communication” and does not connect the participants of the interaction with reliable grounds.

Discussion and Conclusion. The analysis has made it possible to note that, while creating new conditions for communication and unification of citizens, digitalization also leads to the emergence of new barriers, the most significant of which is the lack of “real life communication”, which prevents the participants of interaction from being bound by reliable grounds. Prospects for further research on the topic under study are related to the development of such criteria that will allow us to assess the sociodynamics of the process of the social capital forming in urban communities, as well as the process of consolidation.

Keywords: social capital, urban communities, digitalization of the urban environment, social conjunction, social trust, territorial identity, urbanized environment

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. This research was funded by the Russian Science Foundation. Project No. 21-18-00150 (<https://rscf.ru/project/21-18-00150>).

For citation: Babintsev V.P., Khripkova D.V., Khripkov K.A., Velikikh P.K. Formation of the Social Capital of Urban Communities in the Context of Digitalization of the Urban Environment. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):166–181. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.166-181>

Введение. Современную социальную реальность можно рассматривать как пространство взаимодействия конкурирующих между собой за ресурсы сообществ. Под сообществами будем понимать «субобщественные объединения в свободную ассоциацию индивидов на основе особых интересов, частной или ситуативной цели и специфической деятельности, в которой целое и цели подчинены воле отдельных лиц и реализация интересов и целей осуществляется путем принятия согласованных свободных решений»¹. В ходе этой конкуренции все более значимую роль играют нематериальные активы. Их существенным элементом становится социальный капитал. В нестабильной среде он, по мнению М. А. Багдасарян, «может эффективно снизить уровень стресса, связанный с последствиями неожиданных и неизбежных жизненных событий» [1].

Социальный капитал – многослойное понятие, рассматривающееся отечественными и зарубежными исследователями с различных позиций и точек зрения.

Так, Ф. С. Файзуллин и И. Ф. Файзуллин определяют социальный капитал как «нематериальную часть системы ресурсов, ценностей и отношений, создающую их владельцу возможности, условия реализации определенных целей социальной активности для получения социально-значимых результатов в различных сферах общественного бытия» [2]. Е. А. Полищук подчеркивает связь социального капитала с экономическим развитием территорий и отмечает, что он включает в себя «социальные нормы и сети, связи и доверия, которые оказывают все более сильное воздействие на хозяйственные процессы» [3].

Как правило, понятие «социальный капитал» применяется в отношении отдельной личности. Мы считаем возможным использовать его для характеристики состояния отдельных сообществ. К их числу относятся городские сообщества, представляющие собой жителей городов, объединенных общими интересами и ценностями и имеющих упорядоченную структуру.

При таком подходе становится очевидным, что понятие «городское сообщество» не тождественно понятию «население города». Далеко не всегда последнее трансформируется в некую целостность, в которой реализуется принцип взаимной лояльности, т. е. готовности личности выполнить законным образом сформулированные и публично представленные от имени сообщества требования.

В рамках данного исследования мы рассматриваем социальный капитал в качестве ресурса сообщества, формирующегося как стихийно, так и целенаправленно в процессе обретения и развития межгрупповых и межличностных связей с контрагентами. Наличие такого ресурса предоставляет индивидуально или групповому субъекту возможность получить поддержку за счет актуализации сложившихся ранее отношений, которые могут иметь различную природу (родство, землячество, деловые контакты, психологическая совместимость и др.).

«Социальный капитал, – отмечает Т. А. Гужавина, – формируется в различных социальных средах, вбирающих в себя многообразные материальные и культурные условия, в которых существует и функционирует то или иное человеческое сообщество... В современном мире это, прежде всего, городская среда» [4].

На городских территориях проживает более трети всего населения России, они являются самой распространенной формой территориального образования. Россия по праву может считаться высокоурбанизированной страной с долей горожан 74,74 %².

¹ Римский В. П. Что зовется сообществом в присутствии общества? // Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа : коллектив. моногр. / под ред. С. Н. Борисова, В. П. Римского. Белгород : ООО «Эпицентр», 2019. С. 8–33.

² Доля городского населения в общей численности населения на 1 января 2021 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 28.03.2022).

Современный город можно рассматривать как сочетание двух пространств: физического и социального. Физическое пространство включает в себя все разнообразие элементов, обеспечивающих комфортную жизнедеятельность индивида, таких как транспорт, инфраструктура, инженерные сооружения и т. д. Социальное пространство включает в себя все разнообразие связей и отношений, возникающих между горожанами в процессе их жизнедеятельности. В социальном пространстве сталкиваются интересы различных социальных групп, слоев, общностей, отдельных индивидов и формируется социальный капитал как результат их взаимодействия.

В настоящее время изучение социального капитала городских сообществ вызывает особый исследовательский интерес в силу нескольких причин, две из которых представляются наиболее существенными.

Во-первых, в сложных высокоурбанизированных системах социальные взаимоотношения усложняются, носят динамичный характер, а, следовательно, механизмы формирования социального капитала могут быть вариативными, что уже само по себе требует исследования. Под воздействием цифровизации меняется содержание самой социальности, элементами которой все чаще становятся техносубъекты, что не может не сказываться на структуре социального капитала, формах его воспроизводства, которые применительно к современной городской ситуации практически не изучены (некоторое исключение составляют работы О. Н. Яницкого [5; 6]). Можно говорить лишь об отдельных более или менее точных характеристиках данного процесса.

В частности, Д. Р. Мухаметов отмечает: «Внедрение в городское пространство цифровых технологий провоцирует создание новых сетей обмена, взаимодействия, самоорганизации городских систем» [7]. М. А. Багдасарян подчеркивает, что в период пандемии «использование ИКТ позволяет сохранить социальный капитал при вынужденном ограничении физических социальных контактов» [1].

Одним из следствий технологических модернизаций городской среды стало возникновение виртуального социального капитала, который нередко определяют как «совокупность сетей коммуникации в пространстве Интернет, основанных на доверии к экспертности коммуникантов, позволяющих человеку расширять поле информационного поиска и обмена за счет вступления в виртуальные сообщества (группы членства, онлайн игры и пр.), декларации своих позиций, тем самым расширять зону своего влияния и ресурсности» [8].

Таким образом, развитие и конвергенция виртуально-цифровых практик актуализирует потребность в теоретико-методологическом осмыслении трансформаций социального капитала.

Во-вторых, проблема социального капитала органически связана с проблемой консолидации городских сообществ. В этой связи выделяются два аспекта. Прежде всего, наиболее успешное формирование социального капитала вероятно тогда, когда в их развитии преобладает социальная конъюнкция, представляющая собой «процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества» [9].

Однако цифровизация городской среды оказывает существенное воздействие на консолидационные процессы в урбанизированных сообществах. В сущности, она создает для них новые условия, но при этом ведет к возникновению нетрадиционных барьеров. Тем самым меняются основания социальной консолидации. Цель статьи – исследовать процесс этих изменений на основе экспертных оценок и результатов анализа общественного мнения.

Обзор литературы. Связь социального капитала с городской жизнедеятельностью достаточно давно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей.

Актуальный до настоящего времени подход к изучению городской проблематики был предложен Чикагской школой социологии³. Ее представители относились к городу как к социальной лаборатории. Так, Р. Парк разделял два уровня городской жизни: экологический, или симбиотический, с одной стороны, и моральный, или культурный, – с другой. Совмещение этих двух уровней позволило ему и последующим теоретикам Чикагской школы, например Л. Вирту, производить довольно четкую стратификацию разных типов городских сред.

В представлениях чикагских социологов основу экологического уровня городской жизни составляет чувство безопасности, а основу морального уровня – социальный капитал, важной составляющей которого является доверие.

Социологи выделяют три типа доверия: институциональное, т. е. доверие социальным, экономическим и другим институтам; межличностное – доверие конкретным людям, которых человек знает, с которыми состоит в каких-то отношениях; обобщенное, которое более всего присуще городской среде. Обобщенное доверие – это доверие не к конкретному человеку, а к так называемому обобщенному другому, стереотипному представлению о горожанине, о человеке, которого можно встретить на некоторой территории. Именно оно и формирует основу социального капитала.

Житель современного города чаще взаимодействует с людьми, которых он лично не знает или знаком лишь поверхностно, поэтому отношения межличностного доверия между ними не складываются. Здесь основную роль начинают играть отношения обобщенного доверия, которые становятся наиболее важными.

Городские структуры социального капитала, образованные связями различных акторов городской экосистемы, являются предметом исследований таких специалистов в области городских исследований, как Т. Т. Форман [10], Д. Мадден [11], Д. Ваксмут [12]. В городской среде они выделяют четыре группы структур капитала: экологический, социальный, физический, культурный, каждая из которых обладает пространственной дифференциацией.

Д. Мпанье, П. Гиббонс и Р. МакДермотт отмечают, что городские территории могут стать уязвимыми из-за множества усугубляющих факторов, таких как быстрое и незапланированное развитие, деградация окружающей среды, ненадежные средства к существованию и ресурсная нагрузка [13]. Находя связь между социальным капиталом и улучшением благосостояния отдельных лиц, домашних хозяйств и общин в условиях нехватки ресурсов, исследователи отмечают, что формирование и наращивание социального капитала жителей городских сообществ способно преодолеть негативные тенденции в их развитии. Авторы рассматривают социальный капитал как важнейший фактор повышения устойчивости в быстро расширяющихся городах.

Социальный капитал рассматривается зарубежными авторами как ресурс для преодоления множества социальных и иных проблем. Например, К. А. Макридис и С. Ву изучают влияние социального капитала на преодоление сообществами пандемии COVID-19 [14]; Б. Кинг с соавторами анализирует влияние социального капитала на выживание предпринимателей в условиях крупного города [15]. С. Носратабади, Н. Хазами, М. Б. Абдаллах и З. Лакнер отмечают, что

³ Чикагская социология : сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и пер. В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2015. 430 с.

«социальный капитал создает синергию, которая приносит пользу всем членам сообщества, ... социальный капитал повышает продовольственную безопасность за счет двух механизмов обмена знаниями и обмена продуктами» [16].

Особенности формирования и развития социального капитала в цифровую эпоху рассмотрены такими зарубежными исследователями, как Э. Л. Споттсвуд и Д. И. Вон [17], Дж. Р. Уильямс [18]. Китайские ученые Я. Сонг и Я. Янг изучили влияние онлайн-социального капитала на индивидуальное здоровье человека [19].

Представление о структуре социального капитала российских городов важно как с точки зрения управления их пространственным развитием, так и понимания состояния городских сообществ и вовлеченности горожан в общественную жизнь и процесс принятия решений. В настоящее время эта тема раскрывается в работах многих авторов. Так, Т. А. Гужавина изучает специфику, состояние и динамику социального капитала современного города [2]; В. А. Макеев выявляет особенности города как специфического общественного пространства, сложной, комплексной, многофункциональной системы, в которой социальный капитал формируется и наращивается особым способом [20]; В. А. Повстин исследует особенности функционирования социального капитала в городском сообществе, его основные типы⁴.

Изучению цифровых технологий и их влияния на социальные взаимоотношения, а также структуру социального капитала посвящены публикации М. А. Багдасарян [1], О. Ю. Жуковской [21], Д. Р. Мухаметова [7], в которых раскрываются понятия «виртуальный» и «цифровой капитал», выявляются особенности формирования социального капитала в условиях реализации концепции «умного города». В частности, в работах Н. А. Симченко исследована «умная» агломерация как фактор роста социального капитала города⁵.

Учеными довольно активно изучаются как положительные следствия, так и риски цифровизации. Так, ее позитивным перспективам посвящены публикации М. А. Губановой [22], О. Ю. Жуковской [21]. Представлена и противоположная точка зрения. Например, Е. Ю. Киреев изучает цифровизацию как угрозу, препятствующую социальной сплоченности⁶; А. Е. Коньков исследует основные риски и барьеры гражданской солидарности в условиях цифровизации⁷.

Многообразие позиций и точек зрения относительно цифровизации и ее связи с формированием и накоплением социального капитала позволяют утверждать, что эта взаимосвязь сегодня находится в фокусе социологических исследований. Однако сравнительно мало изучено, как на перспективах формирования социального капитала сказывается изменение содержания консолидационных процессов в городских сообществах.

⁴ Повстин В. А. Роль социального капитала в структуре местного сообщества на примере города Хабаровска : специальность 22.00.08 «Социология управления» : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2016. 22 с.

⁵ Симченко Н. А. «Умная» агломерация в системе факторов роста социального капитала города Севастополя // Тенденции развития интернет и цифровой экономики : труды III Всероссийской с международным участием науч.-практ. конф. (Симферополь – Алушта, 04–06 июня 2020 г.). Симферополь ; Алушта : ИП Зуева Т. В., 2020. С. 140–141.

⁶ Киреев Е. Ю. Между изоляцией и солидарностью: виртуализация социальной жизни как угроза социальной сплоченности // Человек и его социальная жизнь в ожидании конца пандемии: к 30-летию факультета социологии РГСУ : материалы XXVI Социологических чтений (г. Москва, 8 апреля 2021 г.). М. : Рос. гос. социал. ун-т, 2021. С. 32–35.

⁷ Коньков А. Е. Актуальные механизмы гражданской солидарности в условиях вызовов цифровизации // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник : материалы XX Национал. науч. конф. с междунар. участием (г. Москва, 14–15 декабря 2020 г.). М. : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2021. С. 159–163.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили:

- положения теории социального капитала, основы которой заложены П. Бурдьё, Дж. Коулменом, Р. Патнэмом;
- теория социальной конъюнкции, получившая концептуальное обоснование в трудах О. А. Кармадонова и Г. Д. Ковригиной;
- концепция дигитализации социальной реальности, в частности рассматриваемая в работах О. Н. Яницкого через призму социологии риска.

Эмпирическая база научной статьи включает:

- результаты социологического исследования «Габитус гражданской активности в системе социальных взаимоотношений», проведенного коллективом авторов Белгородского государственного национального исследовательского университета в 2020 г. Задачами исследования были: уточнение представления о ценностных основаниях социальных взаимодействий в современном обществе; анализ когнитивных, ценностно-ориентированных и идентификационных предпосылок коллективного действия. В рамках исследования было опрошено 665 жителей городов Белгородской области. Для получения углубленного знания о предмете исследования был проведен экспертный опрос ($n = 30$);

- данные социологического исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», проведенного коллективом авторов Белгородского государственного национального исследовательского университета в 2022 г. В качестве задач исследования выступали: изучение когнитивных (информированность) и диспозиционных оснований социальной консолидации городских сообществ; анализ институциональных и инфраструктурных оснований социальной консолидации городских сообществ. В рамках исследования было опрошено 1 500 жителей городов Белгородской, Воронежской и Курской областей. Для получения углубленного знания об изучаемом предмете был проведен экспертный опрос ($n = 50$)⁸, а также серия фокус-групповых интервью среди 6 социальных групп: предприниматели, пенсионеры, муниципальные служащие, молодежь, бюджетники и безработные.

Все респонденты были проинформированы о целях исследований и выразили готовность к сотрудничеству.

Результаты исследования. Социальный капитал, несомненно, являясь результатом социализации личности, в значительной мере формируется и поддерживается за счет внутригрупповых интеракций, структуру, содержание и направленность которых определяют: ценности; обобщенное доверие; социальная идентичность.

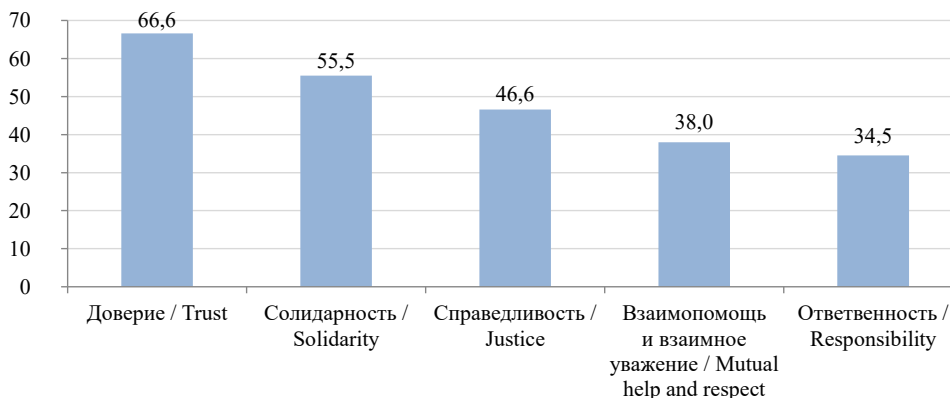
Ценности. Как пишет М. А. Яшнова, «ценность как научная категория является предметом исследований многих социологических дисциплин, ведь открывает путь к пониманию природы человека, его действий и поступков в социальной и культурной среде. Ценности охватывают и нормируют все измерения человеческой жизни: физический, психический, духовный и общественный» [23].

Если социальный капитал, как комплекс ресурсов личности, основанных на ее связях, может быть продуктом интериоризации практически любых ценностей, то социальный капитал городского сообщества определяют лишь ценности коллективистские, просоциальные. К ним следует отнести солидарность, взаимопомощь, доверие, справедливость, ответственность. Социологические

⁸ В качестве экспертов выступили: ведущие ученые в сфере социологии, философии, политологии, представители СМИ, общественных организаций, региональных органов власти и местного самоуправления.

исследования показывают, что в настоящее время они, хотя и далеко не все важны для горожан (лидерство сохраняют доверие, солидарность, справедливость), входят в число наиболее значимых для граждан⁹. Это подтверждают и результаты ответов респондентов в рамках проведенного нами опроса (рис. 1).

Р и с. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных ценностей, на Ваш взгляд, наиболее важны для функционирования современного общества?» (5 основных), %¹⁰

Fig. 1. Distribution of answers to the question “Which of the listed values, in your opinion, are the most important for the functioning of modern society?” (5 main ones), %

В представлениях опрошенных горожан именно данные ценности должны стать ориентирами в развитии общества. Это выглядит достаточно позитивной установкой, особенно в условиях современной нестабильной (рискогенной) ситуации, в которой, как и в других подобных случаях, «усиливается потребность найти нечто общее, что побуждает разных людей держаться вместе. Накопленный человечеством опыт совместных действий, анализ и интерпретация их последствий показывают, что наличие или отсутствие в обществе запроса на солидарность ярче всего проявляется в период кризиса, когда под давлением самых разнообразных вызовов, не просто ухудшающих положение граждан, но составляющих реальную угрозу их существования, появляется необходимость солидарного поведения» [24].

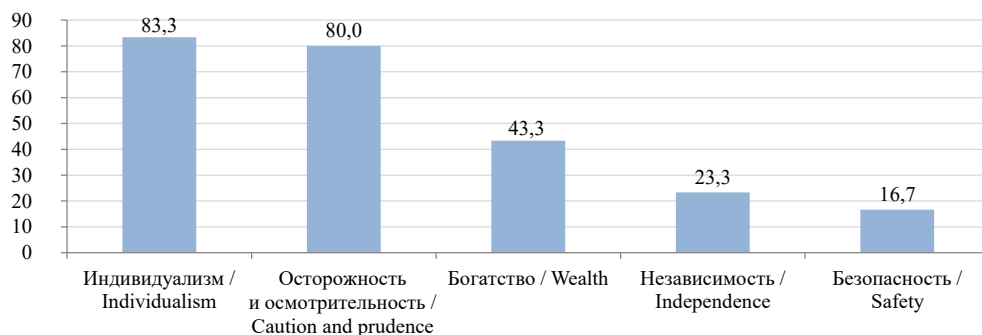
Однако довольно отчетливо выраженные позитивные установки относительно некоторых коллективистских ценностей получают ограниченное распространение в реальной жизни горожан, где, по оценкам респондентов, доминируют индивидуализм, осторожность, осмотрительность, установка на богатство (рис. 2).

Таким образом, исследование выявляет дуальность ценностно-смысловых диспозиций горожан. С одной стороны, они ориентированы на терминальные коллективистские ценности, что формально дает надежду на формирование социального капитала городских сообществ; с другой – в повседневных практиках превалируют иные значимые установки. Подобная раздвоенность превращает идею социального капитала сообщества в химеру, оставляя возможность для накопления его лишь на уровне индивида; в лучшем случае – микрогрупп.

⁹ Ценностная солидаризация и общественное доверие в России [Электронный ресурс]. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws>; Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhiznennyye-prioritety-rossiyan-semya-dengi-ili-tvorchestvo> (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁰ Здесь и далее в статье рисунки составлены авторами.

Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных ценностей, на Ваш взгляд, преобладают в современном обществе?» (5 основных), %

F i g. 2. Distribution of answers to the question “Which of the following values, in your opinion, prevail in modern society?” (5 main ones), %

Обобщенное доверие. Ф. Фукуяма отмечал, «доверие – это базовая характеристика развитого человеческого общества, проявляющаяся и на индивидуальном уровне, и на социальном»¹¹.

Доверие предполагает ожидание позитивных действий со стороны других людей, потенциально выступая в качестве своего рода платформы для развития системы связей и взаимодействий. Оно возглавляет список ценностей, важных для горожан; наиболее значима эта ценность для опрошенных от 55 лет и старше, наименее важна – для молодого поколения в возрасте от 18 до 29 лет. Женщины доверяют окружающим больше, чем мужчины (41 % против 28 %). Склонность к доверию окружающим среди пожилых граждан объясняется нами традициями советской культуры с провозглашаемыми в ней принципами коллективизма, равенства и открытости. Однако ориентация на доверие опять-таки достаточно слабо выражена в реальных практиках городской жизни: только 31 % опрошенных указали на то, что окружающим людям можно доверять, 48 % отметили, что «к окружающим нужно относиться с осторожностью и осмотрительностью», и еще 21 % затруднились с ответом.

В настоящее время вектор доверия смещен в сторону семейно-родственных сетей, которые признаются подавляющим большинством респондентов в качестве потенциального адресата доверия (94 %). На втором месте находится доверие к друзьям (87 %), на третьем – доверие к коллегам по работе (57), на четвертом – к соседям (55 %).

Как мы уже отмечали, в контексте формирования социального капитала важную роль играет обобщенное доверие, которое направлено не на конкретного человека, а на так называемого обобщенного другого (жителя города, отдельного городского района). К сожалению, сегодня его уровень достаточно низок. Так, жителям своего района доверяют только 27 % опрошенных, жителям города – 23 %.

Мы вновь фиксируем дуальность ценностных установок респондентов, что с неизбежностью редуцирует возможности формирования социального капитала городских сообществ.

Важную роль в формировании социального капитала играет *социальная идентичность*. Н. Л. Иванова пишет: «Социальная идентичность личности

¹¹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : АСТ : ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

может рассматриваться в качестве важнейшего компонента социального капитала. Социальная идентичность выступает не только как основа межгрупповых отношений, но и определенный критерий индивидуального восприятия действительности, истории и культуры сообщества, которое человек признает своим»¹².

Результаты проведенного нами исследования показали, что около половины опрошенных граждан (44 %) в первую очередь идентифицируют себя со страной как «граждане Российской Федерации», но только треть опрошенных городских жителей (30 %) определили себя как «жителя своего города». Полученные данные, по нашему мнению, позволяют, хотя и косвенно, определить возможные параметры социального поля, в рамках которого может быть сформирован аналогичный капитал городского сообщества, несмотря на то, что, казалось бы, существуют довольно весомые предпосылки для утверждения городской идентичности.

Так, одним из индикаторов социальной идентичности городского жителя является наличие чувства ответственности за место своего проживания, выражающееся в готовности принимать на себя обязательства и выполнять их. Именно ответственность является «мостом» между солидарностью и доверием как декларируемыми ценностями и как реальной социальной практикой. Исследование выявило: 81 % опрошенных согласны с утверждением, что «человек несет ответственность за место своего проживания», еще 57 % «ощущают ответственность за происходящее в городе».

Однако и в данном случае субъективные «ощущения» не перерастают в массовые коллективные практики, в ходе которых мог бы быть сформирован социальный капитал городского сообщества. Более того, в современной реальности действует мощный фактор, ограничивающий пространство формирования социального капитала сообщества горожан и одновременно смещающий его в виртуальную среду. Он связан с последствиями цифровой трансформации, наиболее существенным из которых в рамках рассматриваемой нами проблемы является формирование социально-цифровых платформ и, на их базе, сетевых сообществ. Именно в их рамках складывается новый тип социального капитала как результата добровольной консолидации единомышленников.

63 % экспертов в ходе нашего исследования отметили, что в последние годы происходит «возникновение новых сообществ», общение людей перетекает в виртуальные формы (76 %), а социальные сети и иные онлайн-сервисы стали площадками для диалога и консолидации. 70 % экспертов убеждены, что процесс дигитализации (цифровизации) городской среды может оказать существенное влияние на перспективы консолидации городских сообществ.

Сетевой социальный капитал, по мнению исследователей, характеризуют «слабая зависимость от изменения социальной конъюнктуры (социальные сети функционируют по своим правилам, ориентируются на событийный ряд, часто мало связанный с событиями в публичном пространстве); возможность практически моментальной актуализации, для которой достаточно включения компьютера или мобильного телефона; внутренне противоречивое сочетание анонимности и персонифицированной визуализации, создающее своего рода защитный механизм от внешнего давления и административного регулирования; открытость, выражающаяся в том, что виртуальные межличностные связи невозможно скрыть, да... в этом... нет необходимости»¹³.

¹² Иванова Н. Л. Гражданская идентичность как социальный капитал [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/33ZZMP> (дата обращения: 26.03.2022).

¹³ Ушамирский А. Э., Ушамирская Г. Ф., Бабинцев В. П. Социальный механизм регулирования процесса реализации интересов молодежи в ситуациях конфликта. Волгоград : Сфера, 2021. С. 235–236.

Таким образом, с одной стороны, цифровизация несколько расширяет возможности коммуникации, позволяет мобилизовать граждан в социальных сетях и на различных интернет-платформах, создает благоприятные возможности для публичного обсуждения городских проблем. Более того, как показали результаты проведенных фокус-групп, ряд граждан считает, что в настоящее время цифровые технологии приобретают характер «стартера» для развития реальных солидарных практик, открывая перспективы капитализации социальных связей сравнительно больших групп. Довольно типичными были следующие суждения: «Сегодня, чтобы собраться людям лично и пообщаться, договориться о чем-то, сначала нужно списаться в социальных сетях, собрать всех там, а потом только где-то в реальной жизни. И то, во многих случаях все заканчивается социальными сетями, никто не хочет общаться лично» (Виктория, самозанятый); «Сейчас предприняты попытки посредством цифровизации проводить голосования для решения коммунальных, территориальных вопросов. Это удобно. Это вовлекает большее количество людей» (Юлия, медсестра); «Сегодня найти людей для того, чтобы решить проблемы лично, практически нереально. Проще через мессенджеры. Охват обеспечивает только цифровизация» (Семен, учитель).

С другой стороны, сетевой социальный капитал оказывается весьма непрочным, поскольку не предполагает «живого общения» и не связывает участников взаимодействия надежными основаниями. Участники фокус-групп в той или иной мере указали на это: «К сожалению, люди постепенно разучиваются общаться. Перестают находить общий язык. Люди боятся разговаривать. Они просто сидят в телефонах. Люди из-за цифровизации перестают общаться между собой лично» (Ирина, муниципальный служащий); «Может это все комфортно и удобно, но цифровизация позволяет нам терять единство общества нашего, потому что коллектива нет, он теряется» (Светлана, индивидуальный предприниматель); «Отсутствие личных коммуникаций – это проблема современного общества. Вы посмотрите на детей! У них нервная система нарушена из-за воздействия дистанционного общения. Между собой они не общаются. То же самое и взрослые, они реже встречаются. Сейчас, в условиях цифровизации, высокий темп жизни, и из-за этого мы утратили наше первоначальное лицо» (Игорь, муниципальный служащий); «Более того, школьники в одном классе переписываются через мессенджеры. У нас идет подмена реальной жизни искусственными средствами общения» (Семен, учитель); «Люди уйдут в себя. И будет сидеть каждый в своем телефоне, каждый в своем Интернете и все. И они забудут просто, как разговаривать» (Марина, пенсионер).

Опрошенные нами эксперты также отметили в качестве негативных следствий цифровизации городской среды снижение качества человеческих отношений в результате формализации отношений между людьми (38 %), создание иллюзорного образа реальности (24) и «клипового мышления», не позволяющего осмыслить общие цели и интересы (14 %).

Обсуждение и заключение. Результаты проведенного исследования позволяют сделать несколько выводов об особенностях формирования социального капитала городских сообществ в условиях цифровизации урбанизированной среды.

1. Современная социальная среда подвергается влиянию множества факторов, одним из которых является цифровизация, которая оказывает существенное влияние на социальные взаимоотношения в городских сообществах.

2. В ходе оценки состояния социального капитала городского сообщества была выявлена двумерность ценностно-смысловых диспозиций горожан, выражающаяся в рассогласованности позитивных установок относительно некоторых

коллективистских ценностей и их ограниченном распространении в реальной жизни. Дуальность ценностных установок респондентов редуцирует возможности формирования социального капитала городских сообществ.

3. В современной реальности действует мощный фактор, ограничивающий пространство формирования социального капитала сообщества горожан и одновременно смещающий его в виртуальную среду. Он связан с последствиями цифровой трансформации, наиболее существенным из которых является формирование социально-цифровых платформ и сетевых сообществ. Именно в их рамках складывается новый тип социального капитала как результата добровольной консолидации единомышленников – сетевой. Сетевой социальный капитал оказывается весьма непрочным, поскольку не предполагает «живого общения» и не связывает участников взаимодействия надежными основаниями.

4. Влияние цифровизации урбанизированной среды на формирование социального капитала противоречиво. С одной стороны, цифровизация создает новые условия для коммуникации и мобилизации горожан, с другой – ведет к возникновению нетрадиционных барьеров.

Перспективы дальнейших исследований изучаемой темы связаны с оценкой социальных рисков консолидации городского сообщества, учитывающей процессы цифровизации/дигитализации урбанизированной среды и обоснование алгоритма их институционализации как необходимого условия управления городом в нестабильной техноантропосферной социальной реальности

Данная научная статья может быть полезна для органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества по институализации процесса социальной консолидации городских сообществ в условиях дигитализации урбанизированной среды, в том числе для разработки мер, направленных на стимулирование консолидационных практик локальных (реальных и виртуальных) сообществ, идентифицирующих себя с городом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян М. А. Информационно-коммуникационные технологии как способ поддержки социального капитала в условиях пандемии // Национальный психологический журнал. 2021. № 4 (44). С. 27–38. doi: <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0403>
2. Файзуллин Ф. С., Файзуллин И. Ф. Социальный капитал как объект управления // Известия Уфимского научного центра РАН. 2022. № 1. С. 85–89. doi: <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2022-0-1-85-89>
3. Полищук Е. А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2005. № 1. С. 10–16. URL: <https://economics-journal.spbu.ru/article/view/3461> (дата обращения: 12.04.2022).
4. Гужавина Т. А. Социальный капитал городского сообщества: состояние и динамика в промышленно развитом городе // Siberian Socium. 2019. Т. 3, № 4 (10). С. 38–52. doi: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-4-38-52>
5. Яницкий О. Н. Индивид в современном информационном обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 2 (30). С. 9–23. doi: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7300>
6. Яницкий О. Н. Общество и индивид в информационной среде // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 2 (7). С. 99–110. doi: <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10206>
7. Мухаметов Д. Р. Развитие человеческого капитала в «умных городах» России: сети и «живые лаборатории» // Мир новой экономики. 2020. Т. 14, № 2. С. 16–24. doi: <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-16-24>

8. Бушкова-Шиклина Э. В., Кушова И. А. Виртуальный социальный капитал: особенности сетевых и игровых ресурсов в развитии познавательной и учебной активности старшеклассников // *Перспективы науки и образования*. 2022. № 1 (55). С. 577–593. doi: <https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.37>
9. Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте // *Вестник Института социологии*. 2016. № 2 (17). С. 12–28. doi: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.394>
10. Forman R. T. T. *Urban Ecology: Science of Cities*. Cambridge University Press, 2014. 476 p. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139030472>
11. Madden D. J. Neighborhood as Spatial Project: Making the Urban Order on the Downtown Brooklyn Waterfront // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2014. Vol. 38, issue. 2. Pp. 471–497. doi: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12068>
12. Wachsmuth D. Three Ecologies: Urban Metabolism and the Society-Nature Opposition // *The Sociological Quarterly*. 2012. Vol. 53, issue 4. Pp. 506–523. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2012.01247.x>
13. Mpanje D., Gibbons P., McDermott R. Social Capital in Vulnerable Urban Settings: An Analytical Framework // *Journal of International Humanitarian Action*. 2018. Vol. 3, issue 1. doi: <https://doi.org/10.1186/s41018-018-0032-9>
14. Makridis C. A., Wu C. How Social Capital Helps Communities Weather the COVID-19 Pandemic // *PIOS ONE*. 2021. Vol. 16, issue 1. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258021>
15. Navigating Shades of Social Capital and Trust to Leverage Opportunities for Rural Innovation / B. King [et al.] // *Journal of Rural Studies*. 2019. Vol. 68. Pp. 123–134. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2019.02.003>
16. Social Capital Contributions to Food Security: A Comprehensive Literature Review / S. Nosratabadi [et al.] // *Foods*. 2020. Vol. 9, issue 11. doi: <https://doi.org/10.3390/foods9111650>
17. Spottswood E. L., Wohn D. Y. Online Social Capital: Recent Trends in Research // *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 36. Pp. 147–152. doi: <https://doi.org/10.1016/j.copsy.2020.07.031>
18. Williams J. R. The Use of Online Social Networking Sites to Nurture and Cultivate Bonding Social Capital: A Systematic Review of the Literature from 1997 to 2018 // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21, issue 11-12. Pp. 2710–2729. doi: <https://doi.org/10.1177/1461444819858749>
19. Song J., Jiang J. Online Social Capital, Offline Social Capital and Health: Evidence from China // *Health & Social Care in the Community*. 2022. Vol. 30, issue 4. Pp. 1025–1036. doi: <https://doi.org/10.1111/hsc.13507>
20. Макеев В. А. Социальные особенности формирования городской среды // *Человек. Социум. Общество*. 2022. № 1. С. 10–14. URL: <https://education-art.ru/wp-content/uploads/2022/07/ЧСО-2022-1.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).
21. Жуковская О. Ю. Социальный капитал и социальные сети в условиях цифровизации: взаимовлияние и особенности реализации // *Цифровая трансформация*. 2020. № 4. С. 21–33. doi: <https://doi.org/10.38086/2522-9613-2020-4-21-33>
22. Губанова М. А. Трансформация человека в глобальном сетевом обществе // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2020. № 4. С. 103–109. URL: http://vestnik.agpu.net/Archive/Volume4_2020/10.pdf (дата обращения: 12.04.2022).
23. Яшнова М. А. Ценности: определение, основное содержание и классификация в социологических науках // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*. 2022. № 1. С. 223–231. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/1/2022/№01/21e71a7f-e889-443d-b49c-e8c7294e80d3> (дата обращения: 12.04.2022).
24. Сауткина В. А. Общественный запрос на солидарность: историческая ретроспектива и современная реальность // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20, № 2. С. 70–85. doi: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-2-70-85>

Поступила 28.07.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 14.09.2022.

Об авторах:

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>, babintsev@bsu.edu.ru

Хрипкова Дианна Вазгеновна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2526-7652>, davtyan@bsu.edu.ru

Хрипков Кирилл Александрович, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-3187>, khripkov@bsu.edu.ru

Великих Павел Константинович, аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9300-1963>, velikikh@bsu.edu.ru

Заявленный вклад авторов:

В. П. Бабинцев – научное руководство; постановка научной проблемы исследования; формулирование научной гипотезы исследования; определение целей исследования; критический анализ результатов исследования и доработка текста.

Д. В. Хрипкова – сбор и первичный анализ данных; разработка методологии исследования; сбор, систематизация и обработка аналитической информации; подготовка первоначального варианта текста; критический анализ и доработка текста.

К. А. Хрипков – сбор, систематизация и структурирование аналитической информации; поиск и систематизация материалов в зарубежных источниках; критический анализ и доработка текста.

П. К. Великих – обзор литературы по теме исследования; подготовка графических материалов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bagdasaryan M.A. Information Communication Technologies as a Way to Support Social Capital during the Pandemic. *National Psychological Journal*. 2021;(4):27–38. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0403>
2. Fayzullin F.S., Fayzullin I.F. Social Capital as an Object of Management. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2022;(1):85–89. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2022-0-1-85-89>
3. Polishchuk E.A. Social Capital and its Role in Economic Development. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2005;(1):10–16. Available at: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/3461> (accessed 12.04.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Guzhavina T.A. Social Capital of the Urban Community: State and Dynamics in the Industrialized City. *Siberian Socium*. 2019;3(4):38–52. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-4-38-52>
5. Yanitsky O.N. An Individual in the Modern Informational Society. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2020;8(2):9–23. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7300>
6. Yanitsky O.N. A Society and Individual in the Information Environment. *Issues of Economic Theory*. 2020;(2):99–110. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10206>

7. Mukhametov D.R. Development of Human Capital in Russian “Smart” Cities: Networks and ‘Living Labs’. *The World of New Economy*. 2020;14(2):16–24. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-16-24>
8. Bushkova-Shiklina E.V., Kushova I.A. Virtual Social Capital: Features of Network and Gaming Resources in the Development of Cognitive and Educational Activities of High School Students. *Perspectives of Science and Education*. 2022;(1):577–593. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.37>
9. Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. The Resource Aspects of Social Conjunction. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2016;(2):12–28. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.394>
10. Forman R.T.T. *Urban Ecology: Science of Cities*. Cambridge University Press; 2014. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139030472>
11. Madden D.J. Neighborhood as Spatial Project: Making the Urban Order on the Downtown Brooklyn Waterfront. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2014;38(2):471–497. doi: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12068>
12. Wachsmuth D. Three Ecologies: Urban Metabolism and the Society-Nature Opposition. *The Sociological Quarterly*. 2012;53(4):506–523. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2012.01247.x>
13. Mpanje D., Gibbons P., McDermott R. Social Capital in Vulnerable Urban Settings: An Analytical Framework. *Journal of International Humanitarian Action*. 2018;3(1). doi: <https://doi.org/10.1186/s41018-018-0032-9>
14. Makridis C.A., Wu C. How Social Capital Helps Communities Weather the COVID-19 Pandemic. *PLOS ONE*. 2021;16(1). doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258021>
15. King B., Fielke S., Bayne K., Klerkx L., Nettle R. Navigating Shades of Social Capital and Trust to Leverage Opportunities for Rural Innovation. *Journal of Rural Studies*. 2019;68:123–134. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2019.02.003>
16. Nosratabadi S., Khazami N., Ben Abdallah M., et al. Social Capital Contributions to Food Security: A Comprehensive Literature Review. *Foods*. 2020;9(11). doi: <https://doi.org/10.3390/foods9111650>
17. Spottswood E.L., Wohn D.Y. Online Social Capital: Recent Trends in Research. *Current Opinion in Psychology*. 2020;36:147–152. doi: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.07.031>
18. Williams J.R. The Use of Online Social Networking Sites to Nurture and Cultivate Bonding Social Capital: A Systematic Review of the Literature from 1997 to 2018. *New Media & Society*. 2019;21(11-12):2710–2729. doi: <https://doi.org/10.1177/1461444819858749>
19. Song J., Jiang J. Online Social Capital, Offline Social Capital and Health: Evidence from China. *Health & Social Care in the Community*. 2022;30(4):1025–1036. doi: <https://doi.org/10.1111/hsc.13507>
20. Makeev V.A. Social Features of the Formation of the Urban Environment. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo*. 2022;(1):10–14. Available at: <https://education-art.ru/wp-content/uploads/2022/07/ЧСО-2022-1.pdf> (accessed 12.04.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
21. Zhukovskaya O.Yu. Social Capital and Social Networks under the Conditions of Digitalization: Interconnections and Implementation Features. *Digital Transformation*. 2020;(4):21–33. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.38086/2522-9613-2020-4-21-33>
22. Gubanova M.A. Human Transformation in the Global Network Society. *Bulletin of Armavir State Pedagogical University*. 2020;(4):103–109. Available at: http://vestnik.agpu.net/Archive/Volum4_2020/10.pdf (accessed 12.04.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
23. Yashnova M.A. Values: Definition, Main Content and Classification in Sociological Sciences. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*. 2022;(1):223–231. Available at: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/1/2022/№01/21e71a7f-e889-443d-b49c-e8c7294e80d3> (accessed 12.04.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
24. Sautkina V.A. Public Request for Solidarity: Historical Retrospective and Modern Reality. *South Russian Journal of Social Sciences*. 2019;20(2):70–85. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-2-70-85>

Submitted 28.07.2022; revised 05.09.2022; accepted 14.09.2022.

About the authors:

Valentin P. Babintsev, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University (85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2526-7652>, babintsev@bsu.edu.ru

Dianna V. Khripkova, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University (85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2526-7652>, davtyan@bsu.edu.ru

Kirill A. Khripkov, Cand. Sci. (Sociology), Senior Lecturer, Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University (85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-3187>, khripkov@bsu.edu.ru

Pavel K. Velikikh, Postgraduate Student, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University (85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9300-1963>, velikikh@bsu.edu.ru

Contribution of the authors:

V. P. Babintsev – scientific supervision; formulation of the scientific research problem; formulation of the scientific hypothesis of the study; definition of research objectives; critical analysis of the research results and revision of the text.

D. V. Khripkova – collection and primary analysis of data; development of research methodology; collection, systematization and processing of analytical information; preparation of the initial version of the text; critical analysis and revision of the text.

K. A. Khripkov – collection, systematization and structuring of analytical information; search and systematization of materials in foreign sources; critical analysis and revision of the text.

P. K. Velikikh – a review of the literature on the research topic; preparation of graphic materials.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Образовательная миграция в Республике Мордовия

А. В. Дождиков

*Независимый исследователь (г. Москва, Российская Федерация)
antondnn@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Молодежная образовательная миграция – ключевой фактор, влияющий на кадровый потенциал региона. Цель статьи – по материалам проведенного исследования выявить специфику молодежной образовательной миграции Республики Мордовия, определить складывающийся тип миграции в сравнении с другими регионами, сформулировать предложения для нужд регионального развития.

Материалы и методы. Эмпирическую основу статьи составляют демографические данные по межрегиональной миграции за 2017–2021 гг. в разрезе возрастов (17–27 лет), базы «образовательных данных» по результатам Единого государственного экзамена и приема в вузы абитуриентов. Использованы общестатистические методы и подходы, проведена обработка и визуализация данных в сводных таблицах и диаграммах, задействованы прикладные программные средства и библиотеки языка Python – numpy, pandas, matplotlib, позволившие выделить показатели миграции применительно к региону, провести их анализ, наглядно представить параметры образовательной миграции.

Результаты исследования. Установлено, что до недавнего времени Республика Мордовия относилась к регионам-донорам образовательной молодежной миграции. Однако с 2018–2020 гг. наблюдается тренд к переходу на позиции «транзитного» региона: сальдо миграции 20–22-летних и старших возрастов отрицательно, но 17–19-летних – положительно. Выявлены направления и пропорции образовательной миграции в отношении всего контингента выпускников и отдельных категорий. Выдвинуты предположения и гипотезы для последующей проверки на всей генеральной совокупности («больших данных») абитуриентов по Российской Федерации.

Обсуждение и заключение. Объективные условия «постковидной» реальности и внешние ограничения в плане образовательной миграции могут существенно повысить роль регионов. Достижение «балансового» состояния с компенсацией выбывающей миграции, сохранением и обновлением человеческого капитала представляется возможным. Данные по образовательной миграции по региону, принципы анализа и выводы будут полезны как исследователям в сфере data science, миграционных процессов, социологии образования, так и органам управления образованием и социальной сферы для корректировки прогнозов и проектов регионального развития. Аналогичное исследование может быть проведено для других регионов Российской Федерации в сопоставлении с выявленными в Республике Мордовия трендами и закономерностями.

Ключевые слова: образовательная миграция в России, молодежная миграция в России, распределение абитуриентов региона по когортам успешности, качество образования в регионе, миграционная привлекательность Республики Мордовия, причины образовательной миграции

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дождиков А. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Дождиков А. В. Образовательная миграция в Республике Мордовия // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 182–198. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198>

Original article

Educational Migration in the Republic of Mordovia

A. V. Dozhdikov

Independent researcher (Moscow, Russian Federation)

antondnn@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the actual problem of youth educational migration – a key factor influencing the personnel potential of the region. The purpose of the article is to identify the specifics of youth educational migration from the Republic of Mordovia, to determine the emerging type of migration in comparison with other regions, and to formulate proposals for the needs of regional development.

Materials and Methods. The empirical basis of the article is demographic data on interregional migration for 2017–2021 in the context of ages (17–27 years old), databases of “educational data” based on the results of the Unified State Examination and admission to universities of applicants. General statistical methods and approaches were used, data processing and visualization in the pivot tables and charts was carried out, application software and libraries of the Python language (numpy, pandas, matplotlib) were used. The tools made it possible to identify migration indicators in relation to the region, analyze them, and visualize the parameters of educational migration.

Results. It has been established that until recently the Republic of Mordovia was a donor region for educational youth migration. However, since 2018–2020, there has been a trend towards the transition to the position of a “transit” region: the balance of migration of 20–22 year olds and older is negative, but the balance of migration of 17–19 year olds is positive. The directions and proportions of educational migration have been established in relation to the entire contingent of graduates and certain categories. A number of assumptions and hypotheses are put forward for subsequent verification on the entire general population (“big data”) of applicants in the Russian Federation.

Discussion and Conclusion. The objective conditions of the “post-COVID” reality and external restrictions in terms of educational migration can significantly increase the role of regions. Achieving a “balance” state with compensation for outgoing migration, the preservation and renewal of human capital seems possible. The data on educational migration by region, principles of analysis and conclusions will be useful both for researchers in the field of data science, migration processes, the sociology of education, and for educational and social authorities to adjust forecasts and regional development projects. A similar study can be carried out for other regions of the Russian Federation in comparison with the trends and patterns identified in the Republic of Mordovia.

Keywords: educational migration in Russia, youth migration in Russia, admission to universities in other regions from the Republic of Mordovia, distribution of applicants in the region by success cohorts, quality of education in the region, migration attractiveness of the Republic of Mordovia, reasons for educational migration

Conflict of interests. The author declares that there is not conflict of interest.

For citation: Dozhdikov A.V. Educational Migration in the Republic of Mordovia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):182–198. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198>

Введение. Современные взгляды на проблему «образовательной миграции» связаны с признанием легальности такой миграции [1, с. 68] и определением ее цели [1, с. 73]. В данном исследовании мы будем рассматривать сначала миграцию молодежи – мобильной части общества [2, с. 95]. Трудности при разработке данной темы обусловлены сложностью в выделении именно образовательной миграции на фоне миграции молодежи. Нерешенные вопросы связаны с объективными и достоверными данными по образовательной миграции.

Предмет исследования ограничен молодежной образовательной миграцией. Общие демографические показатели рассматриваются на срезах 17–27 лет.

Конкретные показатели образовательной миграции связаны с данными 2020 г. по результатам ЕГЭ и поступления в вузы.

Исследовательская гипотеза связана с изменением характеристик образовательной молодежной миграции и межрегиональной миграции в целом в связи с происходящими радикальными сдвигами в социально-экономической и демографической сфере: пандемия COVID-19 и ее последствия, внешние ограничения могут дать как толчок развитию регионов, так и послужить причиной ухудшения положения. В 2020–2021 гг. миграционной катастрофы, роста межрегиональной миграции, как предсказывал Moody's¹, не произошло, поскольку показатели 2020 и 2021 гг. свидетельствуют скорее о сокращении объема миграционных потоков.

Практическая значимость исследования связана с тем, что в ближайшем будущем закономерное [3] изменение структуры экономики в направлении цифровизации [4] и смена структуры занятости и рынка труда [5], экономические и социальные выгоды [6] смогут скорректировать миграционные процессы, связанные с получением образования. В этих условиях регионы, которые первыми предложат для новых «цифровых кочевников» [7; 8] разных возрастов высокое качество жизни при минимальных затратах, качество и доступность образования, смогут превратиться как минимум в «транзитные» регионы.

Цель статьи – на основе проведенного исследования определить текущий статус Республики Мордовия и параметры молодежной образовательной миграции в регионе.

Современная межрегиональная миграция носит более сложный характер, чем доминировавшая ранее модель «периферия – центр» или «хора – мегаполис». В рамках данного исследования выделено несколько категорий:

- «регионы-доноры» образовательной миграции – территории с невысоким уровнем инновационного и социально-экономического развития и низким качеством образования;

- «регионы-акцепторы» образовательной миграции – с высоким качеством жизни и развитой экономикой;

- «транзитные регионы» – территории, где наблюдается миграционный приток в категории 17–19 лет (получение высшего образования) и отток в категории 20–22 лет (окончание обучения в СПО и вузе) с умеренным оттоком после 22 лет;

- «сбалансированные регионы» – территории с миграционным притоком, компенсирующим отток молодежи.

Обзор литературы. Сравнительный анализ российских и иностранных публикаций свидетельствует об изучении проблемы миграции на теоретическом уровне, исходя из таких концепций, как «глобальная деревня» М. Маклюэна², «сетевое общество» Я. Ван Дейка [9] и М. Кастельса³. Многие из «законов Э. Г. Равенштейна»⁴ справедливы и сейчас.

Э. С. Ли сосредоточил внимание на факторах притяжения и отталкивания мигрантов за счет «вмешивающихся препятствий»⁵. Далее мы подходим

¹ Курмышкина О. Н. Возрастные и гендерные особенности региональной миграции (на примере Республики Мордовия) // Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика : VIII Дильновские чтения. Саратов : Саратовский источник, 2021. С. 300.

² Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. 2-е изд. М. : Академический Проект, Гаудеамус, 2013. 496 с.

³ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.

⁴ Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, no. 2. Pp. 167–235. doi: <https://doi.org/10.2307/2979181>

⁵ Everett S., Lee A. Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, no. 1. Pp. 47–57. doi: <https://doi.org/10.2307/2060063>

к идее «многоэтапной миграции», когда мигрант некоторое время пребывает на «транзитной территории» для преодоления «вмешивающихся препятствий» Эверетта.

В плане образовательной миграции ситуация несколько более сложная, данный процесс имеет больше стадий: достижение промежуточных целей, корректировку основой (изначальной) цели. В перспективе миграция может стать перманентным состоянием. Современные исследования международной миграции Казахстана [10], Вьетнама [11] отмечают интерес образовательных мигрантов к смене места жительства уже на постоянной основе и дальнейшей миграции с полученными дипломами и знаниями. Что характерно и для развитых стран: в среднем завершение высшего образования увеличивает вероятность внутренней миграции почти в 3 раза (менее чем в 1,5 раза – для среднего образования) [12]. Аналогичная ситуация может наблюдаться и для российских абитуриентов и выпускников, но уже внутри страны («западный дрейф»).

Для изучения вопросов миграции актуальны: экономическая теория миграции (О. Старк⁶, Д. Массей⁷), в рамках которой решения о миграции принимаются не взятыми отдельно индивидами или семьями, а большими группами взаимосвязанных людей; теория сегментированного (двойного) рынка труда М. Пиоре⁸ со стабильным спросом именно на труд мигрантов; ставшая уже классической теория мировых систем И. Валлерстайна [13] с разделением мира на «периферию» и «центр», теория миграционных сетей Д. Массея⁹, являющихся движущей силой перемещений масс, подходы других исследователей [14].

Уже модель Валлерстайна вводит различия и определенную иерархию «мир-системы», в которой достаточно четко выделяются привилегированное «ядро», «полупериферия» и эксплуатируемая и дающая ресурсы «периферия» [15, с. 49]. Это направление было дополнено и доработано Д. Норт¹⁰, одним из создателей модели транзакционной экономики. Отдельно можно выделить экономиста из Швеции Д. Андерссона, сформулировавшего идею мегаполисов – «ворот в глобальный мир»¹¹ как центров транзакционной и инновационной экономики, мест концентрации богатства, которые являются привлекательными «целями» для миграции.

На смену транзакционной модели экономики [16, с. 42], возможно, придет «посттранзакционная», или «нейросетевая», модель, связанная с big data, people data, знаниями, когнитивными, аналитическими и коммуникативными компетенциями, инновациями и услугами.

По итогам проведенного обзора можно установить совпадение мотивации в межрегиональной и межстрановой миграции, имеющей преимущественно экономическую основу, тренд на «многоэтапность» миграции, наличие «транзитных» территорий. Необходимо также отметить имеющуюся систему кластеризации регионов по типу образовательной миграции молодежи [17, с. 22].

⁶ Stark O., Bloom D. E. The New Economics of Labor Migration // American Economic Review. 1985. Vol. 75, no. 2. Pp. 173–178.

⁷ Theories of International Migration: A Review and Appraisal / D. S. Massey [et al.] // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, no. 3. Pp. 448–449. doi: <https://doi.org/10.2307/2938462>

⁸ Piore M. J. Birds of Passage. Migrant Labor and Industrial Societies. Cambridge University Press, 1979. 240 p. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511572210>

⁹ Population and Development Review / D. S. Massey [et al.] // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, no. 3. Pp. 431–466. doi: <https://doi.org/10.2307/2938462>

¹⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. А. Н. Нестеренко. М., 1997. 190 с.

¹¹ Андерссон А., Андерссон Д. Ворота в глобальную экономику / пер. с англ.; под ред. В. М. Сергеева. М. 2001. 440 с.

По российским источникам прослеживается малое использование исследователями количественных данных собственно по образовательной миграции в связи с результатами ЕГЭ. В настоящей статье эти данные по направлениям миграции и поступлению в вузы применительно к Республике Мордовия вводятся в научный оборот впервые.

Материалы и методы. Базовый метод исследования связан с анализом статистических данных. Для обработки и визуализации данных по миграции в рамках стандартных программных средств применялись сводные таблицы и диаграммы Excel и функции агрегирования.

В выводах по демографическим показателям используются «витрины данных» Федеральной службы государственной статистики: «Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения»¹² и «Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения»¹³. В статье данные представлены с 2017 по 2021 г. включительно. Однако показатель межрегиональной миграции не тождественен «образовательной миграции», так как указаны миграционные показатели без выделения причин, побудивших к миграции [18, с. 279].

О качественном составе и характеристиках образовательных мигрантов из Республики Мордовия могут свидетельствовать результаты ЕГЭ и поступления в вузы¹⁴, разработанные в рамках проекта¹⁵, посвященного применению методов data science.

В исследовании учтены 4 категории выпускников:

- поступившие выпускники – вся совокупность обучающихся, сдававших ЕГЭ в 2020 г. на территории и зачисленных в вузы;
- медалисты – окончившие школу с золотой или серебряной медалями;
- олимпиадники – победители олимпиад, дающих льготы при поступлении в вузы;
- высокобалльники – выпускники, набравшие свыше 81 балла хотя бы по одному предмету.

В количественном плане указанные базы предлагают деперсонифицированные данные по 2 284 абитуриентам 2020 г.¹⁶.

Предварительная обработка данных осуществлялась в среде Anaconda (настройка для языка Python и встроенных библиотек numpy, pandas, matplotlib), что позволило вычлнить данные из общего массива применительно к Республике Мордовия, с распределением по категориям выпускников, направлениям миграции (регионам, вузам). Визуализация обработанных данных через формат

¹² Витрина статистических данных Росстата / 23320000100010200001 Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения [Электронный ресурс]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278008/> (дата обращения: 22.08.2022).

¹³ Витрина статистических данных Росстата / 23320000100020200001 Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения [Электронный ресурс]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278006/> (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁴ Базы данных: Выбор выпускников 2019 и 2020 годов учебных предметов для сдачи на ЕГЭ в тендерном разрезе в зависимости от субъекта РФ: № 2021620834 : заявл. 28.04.2021 : опубл. 13.05.2021 / Е. Ю. Малеванов, А. В. Дожиков, Е. В. Корнилова, А. Д. Иванов; Направления миграции выпускников-высокобалльников ЕГЭ по русскому языку из субъектов Российской Федерации для получения высшего образования : № 2022621165 : заявл. 26.05.2022 : опубл. 17.06.2022 / А. В. Дожиков, Е. В. Корнилова, А. Д. Иванов.

¹⁵ Регистрационный номер НИОКТР: 122020100515-5. Дата регистрации 1 февраля 2022 г.

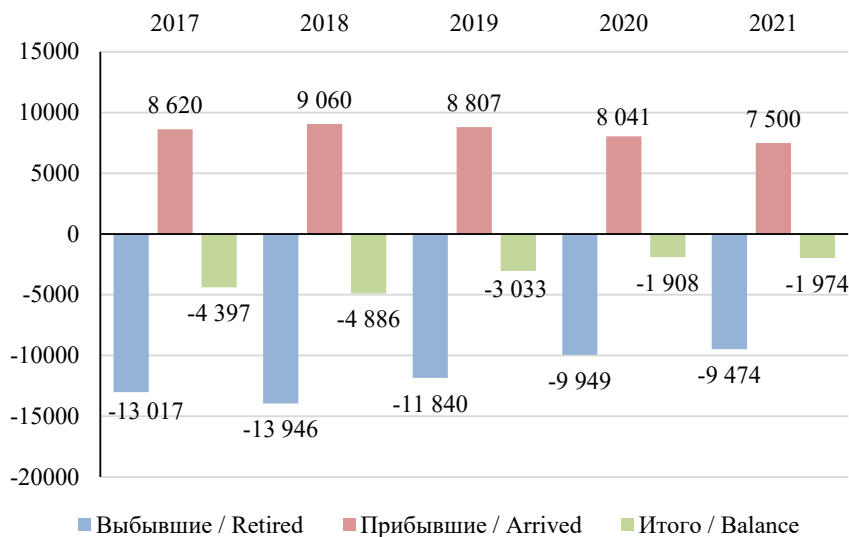
¹⁶ Указанное количество меньше общего числа сдававших ЕГЭ в Республике Мордовия в 2020 году, так как учитывается только категория «в приказе на зачисление». Также не указаны выпускники прошлых лет, сдававшие ЕГЭ в 2020 г. Всего за 2020 г. в базе данных отмечено 3 075 записей, при том что сдавать ЕГЭ в Мордовии в 2020 г. планировали 3 294 выпускника (См: В Мордовии ЕГЭ намерены сдавать 3 294 выпускника [Электронный ресурс] // MordovMedia.ru. URL: <https://www.mordovmedia.ru/news/society/item/85706/> (дата обращения: 22.08.2022)).

csv выполнялась в стандартной оболочке Excel для простоты верстки и последующего редактирования. Основным аналитический метод исследования – кластеризация выпускников по образовательным результатам, давший возможность проследить специфику выбора дальнейшей образовательной траектории и направления миграции.

Результаты исследования. В рамках общей миграционной картины Республика Мордовия является регионом с отрицательной миграцией (рис. 1). Отметим некоторую тенденцию к сокращению прироста, оттока и разницы между потоками за 2020–2021 гг.

Р и с. 1. Общая миграция за 2017–2021 гг. по Республике Мордовия, чел.¹⁷

F i g. 1. Total migration for 2017–2021 for the Republic of Mordovia, plp.

Похожую картину мы наблюдаем и в отношении категории 17–27-летних: отрицательная разница между потоками сокращается.

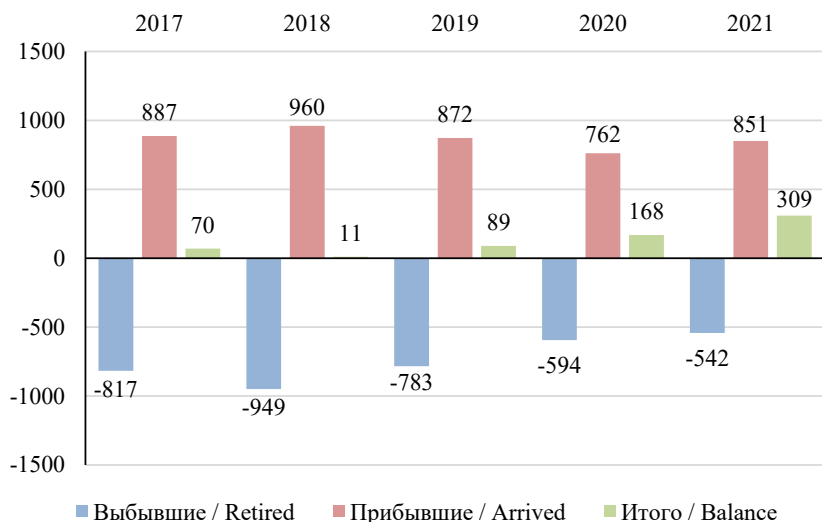
В некоторых исследованиях, касающихся данных за 2018 г. и прошлые периоды, Республику Мордовия относят к регионам с неблагоприятной демографической ситуацией [19; 20]. В целом схожие процессы наблюдаются и в Российской Федерации и странах Европы [21]. В перспективе, несмотря на образовательную миграцию, население Европы продолжит стареть [22].

Если посмотреть на миграционные потоки в разрезе возрастов, ситуация представляется не такой однозначной. Сальдо миграции на рисунке 2 – положительно.

В расчетах указываются данные межрегиональной миграции. В эту категорию не попадают, например, иностранные студенты. Как и в других странах, часть общего миграционного потока может составлять и родительская миграция, которая влияет на образовательные траектории детей [23].

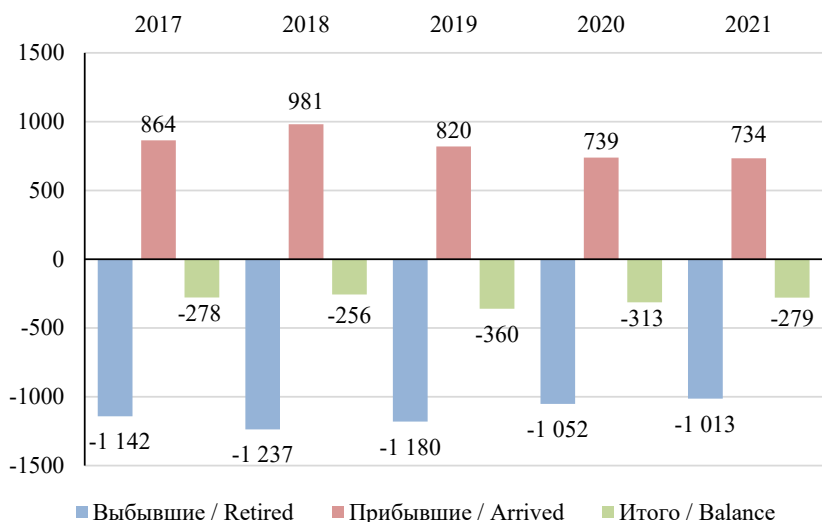
Если рассматривать миграционные показатели по годам, то пик по категории «прибывшие» приходится на 18 лет. Республика Мордовия является привлекательным регионом для 17–19-летних для получения образования. На эту тенденцию накладываются инициативы по увеличению контрольных цифр приема в региональных вузах.

¹⁷Здесь и далее в статье рисунки и таблицы составлены автором.

Р и с. 2. Миграция 17–19-летних по Республике Мордовия, чел.
F i g. 2. Migration of 17–19 year olds in the Republic of Mordovia, ppl

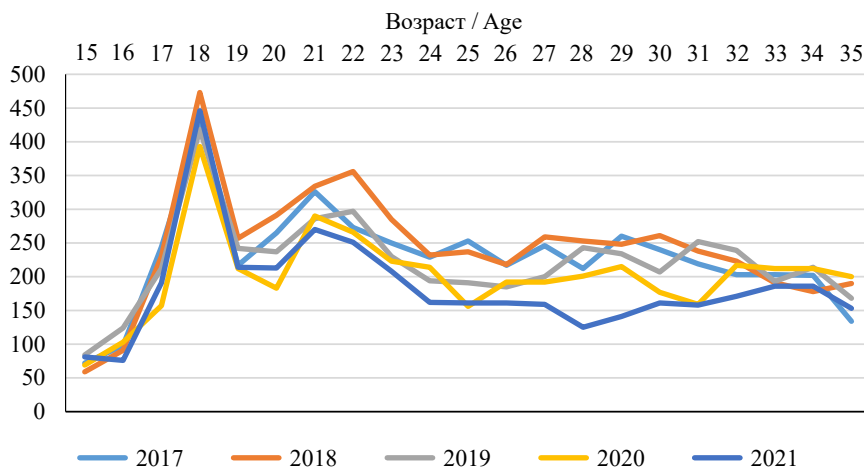
Значительная доля выпускников вузов и системы среднего-профессионального образования покидает регион, что позволяет определить субъект скорее как «транзитный» (рис. 3).

Р и с. 3. Миграция 20–22-летних по Республике Мордовия, чел.
F i g. 3. Migration of 20–22 year olds in the Republic of Mordovia, ppl

В доказательство «транзитной» гипотезы приведем миграционные графики для всей молодежной миграции (15–35 лет), на которых четко виден «пик» прибывающей миграции, приходящийся на 18 лет и «пологий пик» так называемой возвратной миграции, когда выпускники вузов возвращаются в Республику из других регионов (рис. 4).

Идея «транзитного» регионального вуза связана с тем, что региональные вузы становятся для центральных университетов донорами студентов [24, с. 42].

Р и с. 4. Прибывающие миграционные потоки 15–35-летних по Республике Мордовия

Fig. 4. Incoming migration flows of 15–35 year olds in the Republic of Mordovia

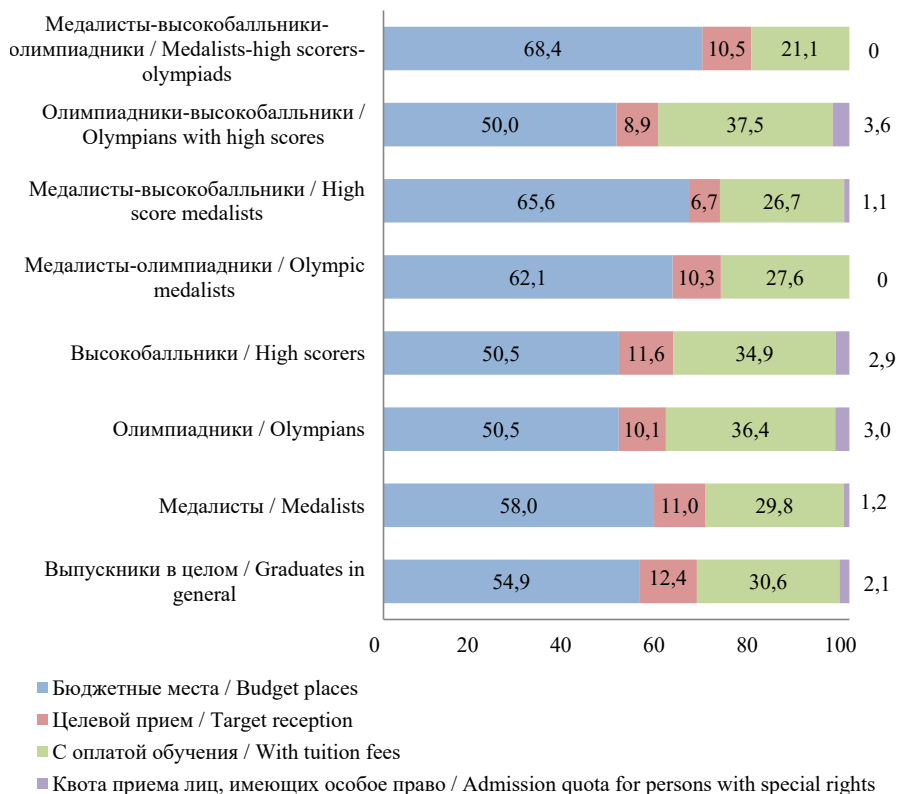
Доноры образовательной миграции 17–19-летних – регионы с невысоким уровнем инновационного развития и индексом качества образования. Позиция «баланса» может быть связана с относительно высоким уровнем социально-экономического развития, наличием качественного образования и крупных статусных вузов. Из регионов Приволжского федерального округа сюда можно отнести Нижегородскую область, которая сама является «донором» для Москвы. К промежуточной категории «баланс – транзит» можно отнести Республику Татарстан с высокими показателями миграции в Москву, хотя сам регион притягивает абитуриентов из соседних регионов, особенно из Республики Башкортостан.

Рассмотрим качественную характеристику мигрантопотока из Республики Мордовия по его составу и направлениям в контексте качества школьного образования, доступности мест, финансовых возможностей семей и доминирующих культурных стереотипов о «престижности» образования (табл. 1).

Таблица 1. Распределение абитуриентов 2020 г. из Республики Мордовия по категориям
Table 1. Distribution of 2020 applicants from the Republic of Mordovia by categories

Категория абитуриентов / Category of applicants	Категория поступления / Entry category				Всего / Total
	Бюджетные места / Budget places	Целевой прием / Target Reception	С оплатой обучения / With tuition fees	Квота приема лиц, имеющих особое право / Admission quota for persons with special rights	
Выпускники в целом / Graduates in general	1 253	283	700	48	2 284
Медалисты / Medalists	148	28	76	3	255
Олимпиадники / Olympians	50	10	36	3	99
Высокобалльники / High scorers	191	44	132	11	378
Медалисты-олимпиадники / Olympic medalists	18	3	8	0	29
Медалисты-высокобалльники / High score medalists	59	6	24	1	90
Олимпиадники-высокобалльни- ки / Olympians with high scores	28	5	21	2	56
Медалисты-высокобалльники- олимпиадники / Medalists-high scorers-olympiads	13	2	4	0	19

Оценим процентное соотношение по разным категориям абитуриентов с учетом их пересечений. Относительные величины более наглядны, хотя необходимо учитывать сопоставимо меньшие абсолютные значения категорий (рис. 5).

Р и с. 5. Распределение категорий абитуриентов по отношению к оплате за обучение, %
F i g. 5. Distribution of categories of applicants in relation to tuition fees, %

Если в отношении всей совокупности выпускников доля лиц, поступивших на обучение с оплатой, составляет немногим более 30 %, то меньший показатель мы наблюдаем только у медалистов и «пересекающихся» с медалистами категорий. И высокобалльники, и олимпиадники готовы поступать на платное обучение, если это связано с получением именно качественного образования по избранной специальности. Они более всего замотивированы на переезд.

Можно выдвинуть предположение, что победители олимпиад ориентированы на столичные регионы, а высокобалльники склонны к миграции в целом по стране, включая «транзитные» регионы. Происходит отток талантливой молодежи, которая, скорее всего, не вернется обратно [25, с. 185].

Проанализируем выбор вузов абитуриентами. Данные по 15 лидирующим образовательным организациям представлены ниже в рамках таблицы 2.

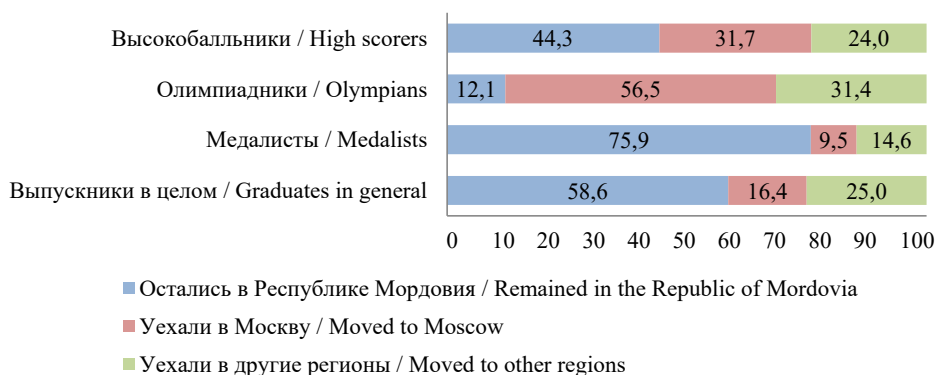
Практически 60,0 % выпускников остались на обучение в Республике Мордовия, уехали в Москву – 16,4, в Нижегородскую область – 7,7, Пензенскую область – 5,1, Санкт-Петербург – 3,9 %. Также отметим Рязанскую область, которую выбрали 2,1 % выпускников, и Республику Татарстан (1,6 % выпускников). Проанализируем отличия по категориям (рис. 6).

Таблица 2. Топ-15 образовательных организаций в выборе абитуриентов по Республике Мордовия

Table 2. Top-15 educational institutions in the selection of applicants in the Republic of Mordovia

Образовательная организация / Educational organization	Доля выбравших / Share of those who chose, %
МГУ им. Н. П. Огарева / National Research Mordovia State University	41,23
МГПУ им. М. Е. Евсевьева / Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev	11,49
ПГУ / Penza State University	4,28
СКИ – филиал РУК / SCI – branch of Russian University of Cooperation	3,15
СВИ – филиал ВГУЮ (ППА) / Middle Volga Branch, All-Russian State University of Justice	2,52
ННГУ им. Н. И. Лобачевского / National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod	2,41
МИРЭА (РТУ) / MIREA – Russian Technological University	1,27
РУТ (МИИТ) / Russian University of Transport (MIIT)	1,20
СФТИ – филиал МИФИ / SPTI – branch of National Research Nuclear University MEPhI	1,20
Высшая школа экономики / HSE University	0,97
РЭУ им. Г. В. Плеханова / Plekhanov Russian University of Economics	0,93
МЭИ / Moscow Power Engineering Institute	0,86
РАНХиГС / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration	0,76
К(П)ФУ / Kazan Federal University	0,75
ПИМУ / Privolzhsky Research Medical University	0,70
Другие / Others	26,28

Р и с. 6. Направления образовательной миграции выпускников 2020 г., %

F i g. 6. Directions of educational migration of 2020 graduates, %

У медалистов лидирует МГУ им. Н. П. Огарева (75,9 %), Высшая школа экономики (г. Москва – 6,4, г. Нижний Новгород – 4,5 %). Выпускники-медалисты из Республики Мордовия являются наименее мотивированными к переезду. Возможно, эта категория обучающихся предпочитает «легкий путь», вероятно, по причине большей степени интеграции в местные социальные «сети доверия». Данная аномалия может быть характерна только в отношении Республики Мордовия и нуждается в перепроверке по другим регионам.

У олимпиадников иная картина: лидирует Высшая школа экономики (14,3 %), следом идут МИФИ (14,5), МГПУ им. М. Е. Евсевьева (10,6), РАНХиГС (5,8),

НГПУ им. Козьмы Минина (5,3) и Нижегородский филиал Высшей школы экономики (4,8 %). В числе прочих отметим МИРЭА (РТУ), РЭУ им. Г. В. Плеханова, ПГУАиС (г. Пенза), МФТИ. Свыше половины абитуриентов-олимпиадников едут в Москву. Именно олимпиады являются институциональными инструментами, «обескровливающими» провинции.

Когорта высокобалльников в целом ближе к общей категории выпускников: немногим менее 45 % остаются в Республике Мордовия, свыше 30 % – едут в Москву, однако оставшиеся 24 % распределяются по Российской Федерации и вузам достаточно широко, что говорит о приоритетах именно в отношении направления обучения, а не места обучения (табл. 3).

Таблица 3. **Топ-25 образовательных организаций в выборе абитуриентов-высокобалльников**

Table 3. **Top-25 educational institutions in the selection of applicants with high scores**

Образовательная организация / Educational organization	Доля выбравших / Share of those who chose, %	Регион / Region
1	2	3
МГУ им. Н. П. Огарева / National Research Ogarev Mordovia State University	32,07	Республика Мордовия / Republic of Mordovia
МИРЭА (РТУ) / MIREA – Russian Technological University	4,30	г. Москва / Moscow
Высшая школа экономики / HSE University	4,24	г. Москва / Moscow
МГПУ им. М. Е. Евсевьева / Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev	3,67	Республика Мордовия / Republic of Mordovia
МГУ им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University	3,42	г. Москва / Moscow
ННГУ им. Н. И. Лобачевского / National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod	3,04	Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region
РНИМУ им. Н. И. Пирогова / Pirogov Russian National Research Medical University	2,59	г. Москва / Moscow
МИФИ / National Research Nuclear University MEPHI	2,40	г. Москва / Moscow
Нижегородский филиал Высшей школы экономики / HSE University (branch of Nizhny Novgorod)	1,90	Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region
РАНХиГС / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration	1,83	г. Москва / Moscow
ПИМУ / Privolzhsky Research Medical University	1,71	Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region
МГИМО / MGIMO University	1,64	г. Москва / Moscow
К(П)ФУ / Kazan Federal University	1,58	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan
СНИУ имени академика С. П. Королёва / Samara National Research University	1,58	Самарская область / Samara Region
ПГУ / Penza State University	1,45	Пензенская область / Penza Region
РГУ им. Н. И. Губкина / National University of Oil and Gas “Gubkin University”	1,39	г. Москва / Moscow
РЭУ им. Г. В. Плеханова / Plekhanov Russian University of Economics	1,33	г. Москва / Moscow

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3
ИТМО / ITMO University	1,20	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg
Финансовый университет / Financial University under the Government of the Russian Federation	1,14	г. Москва / Moscow
СПбГУ (Горный институт) / Saint Petersburg Mining University	1,14	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg
РУТ (МИИТ) / Russian University of Transport (MIIT)	1,01	г. Москва / Moscow
СПбГУ / St. Petersburg State University	0,89	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg
МГЮА / Kutafin Moscow State Law University	0,76	г. Москва / Moscow
СПбЭУ / Saint-Petersburg State Economic University	0,76	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg
МГТУ им. Баумана / Bauman Moscow State Technical University	0,76	г. Москва / Moscow

Наличие финансового ресурса во многом предопределяет склонность к переезду [2, с. 105], однако по сравнению с ними категория «высокобалльников» более гибка и мобильна, абитуриенты готовы ехать в большей мере за образованием, а не за «столичным» статусом.

В исследованиях до 2020 г. рассматривалось в основном два основных пика миграции молодежи – «школа – вуз» и «вуз – рынок труда» [26]. В «постковидных» условиях фокусы исследования меняются, необходимо учитывать «транзитную» составляющую [27], что во многом было вызвано последствиями «постсоветской» системы бюрократического управления образованием. В советский период плановое регулирование потока специалистов («восточный дрейф») требовало больших организационных и финансовых затрат [28, с. 96–97].

«Западный дрейф» подстегивала политика по оптимизации количества вузов и филиалов [2, с. 110]. На протяжении данного периода времени устанавливались «гарантии финансового обеспечения и рассчитывались контрольные цифры приема [17, с. 7–8]. В результате сложились существенные риски доступности высшего образования [17, с. 9].

На статистических данных мы видим, что 17–19-летние представители молодежи приехали на обучение в Республику Мордовия из других регионов. Есть несколько причин, способных объяснить данную ситуацию:

- пандемия COVID-19, обострение международной ситуации, рост намерений «подыскивать места обучения поближе»;
- целенаправленная государственная образовательная политика по увеличению контрольных цифр приема в крупные региональные вузы, которая, очевидно, продолжится¹⁸; «для корректировки допущенных ведомственных “перегибов” по сокращению вузов в 2010-х годах» [28, с. 98];
- возможность подать заявление на прием в несколько вузов онлайн¹⁹, которая существенно увеличивает возможности образовательной мобильности в целом по стране.

¹⁸ О предложениях по контрольным цифрам приема на 2023/24 учебный год : Письмо Минобрнауки России от 25 окт. 2021 г. № МН-5/3331-ДА; О контрольных цифрах приема на 2023/24 учебный год : Письмо Минобрнауки России от 29 сент. 2021 г. № МН-5/3102-ДА.

¹⁹ Положение о функционировании суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» в рамках приемной кампании 2022/23 учебного года; О функционировании суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» в рамках приемной кампании 2022/23 учебного года : Постановление Правительства Рос. Федерации от 27 мая 2022 г. № 958.

Обсуждение и заключение. На основании результатов исследования сделаем следующие выводы: выпускники-медалисты из Республики Мордовия менее склонны к переезду по сравнению с высокобалльниками и олимпиадниками; уезжают в Москву для поступления на престижные специальности в первую очередь победители олимпиад; выпускники-высокобалльники имеют более обширную географию миграции.

Республика Мордовия долгое время относилась к «регионам-донорам». В 2000-х и особенно середине 2010-х гг. исследования предполагали довольно негативные выводы [26; 29]. Эта позиция абсолютно не уникальна и характерна, по материалам публикаций прошлого десятилетия, для регионов Дальневосточного федерального округа [30] или, если брать пример из «донорских» регионов ПФО, для Республики Башкортостан [31].

В настоящее время имеются определенные условия, включая «постковидные» изменения в миграционных потоках [32], которые могут поспособствовать переходу Республики Мордовия к новому состоянию. В предшествовавших исследованиях Республика Мордовия тоже относилась к «транзитному» типу [17, с. 26].

Достижение «балансового состояния» также возможно. Для этого, помимо улучшения социально-экономических условий и повышения уровня инновационной активности региона, качества образования, необходимо построение обширных связей и образовательных коопераций, развитие горизонтальной академической мобильности, участие в сетевых формах образовательной деятельности.

Стоимость жизни в Республике Мордовия существенно ниже, чем в столичных регионах. Поэтому при увеличении уровня заработных плат и при увеличении уровня инновационной активности региона, развития городской среды регион может претендовать на внимание мигрантов. Идеальный вариант развития для транзитной территории – это не миграционный хаб, где время пребывания ограничено, а «транзитный кластер», обеспечивающий новые эмоции, впечатления, знания, способствующий восстановлению здоровья, снятию нервного перенапряжения в «регионах-воротах».

Негативное отношение к образовательной миграции, рассматриваемое в некоторых исследовательских работах [33], – контрпродуктивно. В целом для Российской Федерации характерны последствия выхода из «демографической ямы»; в ближайшее время стоит ожидать увеличение численности 18-летних [20, с. 15], что подстегнет и востребованность вузов, и образовательную миграцию. В плане развития высшего образования необходимо учитывать три основных фактора миграционной привлекательности: академическую среду, академическую успеваемость и академическое благополучие, влияющие на их образовательный успех в высшем образовании [34]. Предложенные инициативы и количественные характеристики можно использовать для планирования развития инфраструктуры университетов на территории Республики Мордовия и соседних регионов, повышения факторов привлекательности образовательной миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корепина Т. А. Место и роль образовательной миграции в общей классификации видов миграционного движения населения // Вестник НГУЭУ. 2018. № 3. С. 65–77. URL: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/1319> (дата обращения: 22.08.2022).

2. Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах / Н. К. Габдрахманов [и др.] // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88–116. doi: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>
3. Плотноков В. А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 104–115. doi: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2020-2-64-104-115>
4. Печаткин В. В. Формирование и развитие цифровой экономики в России как стратегический приоритет развития территорий в условиях пандемий // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 2. С. 837–848. doi: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.2.110187>
5. Томашевский К. Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 2. С. 398–413. doi: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.210>
6. Лев М. Ю., Лещенко Ю. Г. Цифровая экономика: на пути к стратегии будущего в контексте обеспечения экономической безопасности // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 1. С. 25–44. doi: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.1.100646>
7. Кужелева-Саган И. П., Спичева Д. И. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 72–87. doi: <https://doi.org/10.17223/15617793/454/9>
8. Добринская Д. Е. О феномене цифрового кочевничества // ЭКО. 2020. № 2 (548). С. 37–59. doi: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59>
9. Van Dijk J. The Network Society: Social Aspects of New Media. 2nd ed. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2006. 292 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=b7ktTPViIYMC> (дата обращения: 22.08.2022).
10. Zhalnina K. International Educational Migration: Case of Kazakhstan // Eurasian Journal of Economic and Business Studies. 2021. Vol. 3, no. 61. Pp. 62–78. doi: <https://doi.org/10.47703/ejeb.v3i61.58>
11. Nguyen Minh Huyen T. Educational Migration in Vietnam: Challenges and New Opportunities // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, №. 1. С. 127–141. doi: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.10>
12. Educational Selectivity of Native and Foreign-Born Internal Migrants in Europe / M. González-Leonardo [et al.] // Demographic Research. 2022. Vol. 47. Pp. 1033–1046. doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2022.47.34>
13. Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. University of California Press., 2011. 440 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1pnj9> (дата обращения: 22.08.2022).
14. Трофимова О. В. Европейские подходы к теориям миграции: особенности формирования // Общественные науки и современность. 2020. № 5. С. 53–66. doi: <https://doi.org/10.31857/S086904990011155-2>
15. Сергеев В. М., Казанцев А. А., Медведева С. М. Территориальная неоднородность глобализации и порождаемые ею типы конфликтов // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 44–61. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.04>
16. Казанцев А. А., Сергеев В. М. Кризис «американоцентричной» глобализации: причины, тенденции, сценарии развития // Вестник МГИМО Университета. 2020. Т. 13, № 2. С. 40–69. doi: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69>
17. Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю., Лешуков О. В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России // Современная аналитика образования. 2019. № 5 (26). С. 4–42. EDN: **DKZGMI**
18. Нежданов В. А. Парадоксы статистики миграции населения региона // Регионоведение. 2017. Т. 25, № 2 (99). С. 279–293. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1598> (дата обращения: 22.08.2022).
19. Фофанова К. В., Сычев А. А. Факторы миграционной привлекательности провинциального города (на примере г. Саранска) // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 4 (109). С. 756–778. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.756-778>
20. Бареев М. Ю., Курмышкина О. Н. Внешняя миграция как потеря социального капитала в региональном социуме // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1. С. 31–54. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.031-054>

21. Яковлева Е. Б. История и теории миграционных процессов // Теория и практика общественного развития. 2017. № 3. С. 20–23. doi: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.3.2>
22. Potančoková M., Stonawski M., Gailey N. Migration and Demographic Disparities in Macro-Regions of the European Union, a view to 2060 // Demographic Research. 2021. Vol. 45. Pp. 1317–1354. doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2021.45.44>
23. Wassink J. T., Viera J. A. Does Parental Migration during Childhood Affect Children's Lifetime Educational Attainment? Evidence from Mexico // Demography. 2021. Vol. 58, issue 5. Pp. 1765–1792. doi: <https://doi.org/10.1215/00703370-9411336>
24. Санникова О. В., Хотинец В. Ю. Транзитный университет как фактор межрегиональной образовательной миграции // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27, № 1. С. 41–45. URL: <https://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/683> (дата обращения: 22.08.2022).
25. Очинова Г. Н. Образовательная миграция из Республики Бурятия: факторы, масштабы и направления // Вестник университета. 2021. № 4. С. 181–188. doi: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-181-188>
26. Сычев А. А., Борисов Д. М. Оценка миграционного настроения молодежи в регионе (на примере Республики Мордовия) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 11. С. 163–173. doi: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-11-14>
27. Корепина Т. А., Леонидова Г. В. Образовательные факторы миграции населения (на примере Вологодской области) // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2018.2.14.2>
28. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа / М. В. Курбатова [и др.] // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31, № 1. С. 91–112. doi: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112>
29. Фофанова К. В., Шубина Е. Ю. Социальное настроение и миграционные намерения молодежи Республики Мордовия (социологический анализ) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 12. С. 170–180. doi: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-12-17>
30. Резниченко А. П. Образовательные стратегии и образовательная миграция: пример Дальневосточного региона // Проблемы высшего образования. 2015. № 1. С. 84–86. EDN: VPSNTN
31. Атаева А. Г., Уляева А. Г. Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 44. С. 38–57. doi: <https://doi.org/10.17223/19988648/44/2>
32. Рязанцев С. В., Очинова Г. Н. Трансформация международной образовательной миграции во время пандемии COVID-19 // Социальное пространство. 2021. Т. 7, № 4. doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2021.4.31.3>
33. Трофимова Н. В., Мамлеева Э. Р., Сазыкина М. Ю. Образовательная миграция как угроза для устойчивого развития территории // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2019. № 3 (38). С. 66–72. doi: <https://doi.org/10.18323/2221-5689-2019-3-66-72>
34. Makrooni G., Ropo E. Academic Learners in Finland: The Experiences and Perceptions of First-Generation Migrant Family Students in Higher Education // Journal of Ethnic and Cultural Studies. 2021. Vol. 8, no. 1. Pp. 85–106. doi: <https://doi.org/10.29333/ejecs/597>

Поступила 02.09.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 17.10.2022.

Об авторе:

Дождиков Антон Валентинович, кандидат политических наук, магистр истории, специалист по науке о данных, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1069-1648>, antondnn@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Korepina T.A. Place and Role of Educational Migration in General Classification of Types of Migration Movement of the Population. *Vestnik NSUEM*. 2018;(3):65–77. Available at: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/1319> (accessed 22.08.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Gabdrakhmanov N.K., Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., Leshukov O.V. Educational Migration of Young People and Optimization of the Network of Universities in Cities of Different Sizes. *Educational Studies*. 2022;(2):88–116. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>
3. Plotnikov V.A. Digitization as a Logical Stage in the Evolution of an Economic System. *Economic Revival of Russia*. 2020;(2):104–115. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2020-2-64-104-115>
4. Pechatkin V.V. Formation and Development of the Digital Economy in Russia as a Strategic Priority for the Development of Territories in the Context of Pandemics. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2020;10(2):837–848. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.2.110187>
5. Tomashevsky K.L. Digitalization and its Impact on the Labour Market and Employment Relations (Theoretical and Comparative Legal Aspects). *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2020;11(2):398–413. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.210>
6. Lev M.Yu., Leshchenko Yu.G. The Digital Economy: Towards a Strategy for the Future in the Context of Economic Security. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2020;10(1):25–44. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.1.100646>
7. Kuzheleva-Sagan I.P., Spicheva D.I. The Phenomenon of Digital Nomadism in the Modern Interdisciplinary Discourse. *Tomsk State University Journal*. 2020;(454):72–87. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17223/15617793/454/9>
8. Dobrinskaya D.E. On Phenomenon of Digital Nomadism. *ECO*. 2020;(2):37–59. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59>
9. Van Dijk J. The Network Society: Social Aspects of New Media. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications; 2006. Available at: <https://books.google.ru/books?id=b7ktTPViYMC> (accessed 22.08.2022).
10. Zhalnina K. International Educational Migration: Case of Kazakhstan. *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*. 2021;3(61):62–78. doi: <https://doi.org/10.47703/ejeb.v3i61.58>
11. Nguyen Minh Huyen T. Educational Migration in Vietnam: Challenges and New Opportunities. *DEMIS. Demographic Research*. 2022;2(1):127–141. doi: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.10>
12. González-Leonardo M., Bernard A., García-Román J., López-Gay A. Educational Selectivity of Native and Foreign-Born Internal Migrants in Europe. *Demographic Research*. 2022;47:1033–1046. doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2022.47.34>
13. Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Six-Teenth Century. University of California Press.; 2011. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1pnrj9> (accessed 22.08.2022).
14. Trofimova O.V. European Approaches to Theories of Migration: Specifics of Formation. *Social Sciences and Contemporary World*. 2020;(5):53–66. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S086904990011155-2>
15. Sergeev V.M., Kazantzev A.A., Medvedeva S.M. Territorial Heterogeneity of Globalization and the New Types of Conflicts. *Polis. Political Studies*. 2020;(1):44–61. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.04>
16. Kasantzev A.A., Sergeev V.M. The Crisis of US-centric Globalization: Causes, Trends and Scenarios of Development. *MGIMO Review of International Relations*. 2020;13(2):40–69. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69>
17. Gabdrakhmanov N.K., Nikiforova N.Yu., Leshukov O.V. Educational Migration of Youth in Russia. *Sovremennaya analitika obrazovaniya*. 2019;(5):4–42. (In Russ., abstract in Eng.). EDN: DKZGMI
18. Nezhdanov V.A. Paradoxes of Migration Statistics of the Population of a Region. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2017;25(2):279–293. Available at: <https://regionsar.ru/node/1598> (accessed 22.08.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
19. Fofanova K.V., Sychev A.A. Factors in Migration Attractiveness of a Provincial City: The Case Study of the City of Saransk. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2019;27(4):756–778. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.756-778>

20. Bareev M.Yu., Kurmyshkina O.N. External Migration and Loss of Social Capital in the Regional Society. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022; 30(1):31–54. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.031-054>
21. Yakovleva E.B. History and Theory of Migration Processes. *Theory and Practice of Social Development*. 2017;(3):20–23. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24158/tpor.2017.3.2>
22. Potančoková M., Stonawski M., Gailey N. Migration and Demographic Disparities in Macro-Regions of the European Union, a view to 2060. *Demographic Research*. 2021;45:1317–1354. doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2021.45.44>
23. Wassink J.T., Viera J.A. Does Parental Migration during Childhood Affect Children's Lifetime Educational Attainment? Evidence from Mexico. *Demography*. 2021;58(5):1765–1792. doi: <https://doi.org/10.1215/00703370-9411336>
24. Sannikova O.V., Khotinets V.Yu. Transit University as a Factor of Interregional Educational Migration. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2017;27(1):41–45. Available at: <https://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/683> (accessed 22.08.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
25. Ochirova G.N. Educational Migration from the Republic of Buryatia: Factors, Scale and Directions. *Vestnik Universiteta*. 2021;(4):181–188. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-181-188>
26. Sychev A.A., Borisov D.M. Evaluation of Migration Intentions of the Youth in Region (by the Example of Republic of Mordovia). *Russian Journal of Education and Psychology*. 2015;(11):163–173. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-11-14>
27. Korepina T.A., Leonidova G.V. Educational Factors in Population Migration (Case Study of the Vologda Oblast). *Social Area*. 2018;(2). (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2018.2.14.2>
28. Kurbatova M.V., Donova I.V., Kranzeeva E.A., Leukhova M.G. Educational Migration in Resource-Extracting Regions. *Universe of Russia*. 2022;31(1):91–112. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112>
29. Fofanova K.V., Shubina E.Yu. Social Mood and the Migration Intentions of Youth in the Republic of Mordovia (Sociological Analysis). *Russian Journal of Education and Psychology*. 2015;(12):170–180. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-12-17>
30. Reznichenko A. P. [Educational Strategies and Educational Migration: An Example of the Far East Region]. *Problemy vysshego obrazovaniya*. 2015;(1):84–86. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VPSNTN
31. Ataeva A.G., Ulyayeva A.G. Modern Trends and Factors of Inter-Regional Migration of Youth in Russia). *Tomsk State University Journal of Economics*. 2018;(44): 38–57. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17223/19988648/44/2>
32. Ryazantsev S.V., Ochirova G.N. Transformation of International Educational Migration during the COVID-19 Pandemic. *Social Area*. 2021;7(4). (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2021.4.31.3>
33. Trofimova N.V., Mamleeva E.R., Sazykina M.Y. Educational Migration as a Threat to Sustainable Development of a Territory. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*. 2019;(3):66–72. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18323/2221-5689-2019-3-66-72>
34. Makrooni G., Ropo E. Academic Learners in Finland: The Experiences and Perceptions of First-Generation Migrant Family Students in Higher Education. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. 2021;8(1):85–106. doi: <https://doi.org/10.29333/ejecs/597>

Submitted 02.09.2022; revised 05.10.2022; accepted 17.10.2022.

About the author:

Anton V. Dozhdikov, Cand. Sci. (Political Science), Master of History, Specialist in Data Science, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1069-1648>, antondnn@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi.

Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10х15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

Регионология

Редактор *Е. С. Суркова.*

Компьютерная верстка *Е. П. Гординой.*

Перевод *А. А. Сомкина.*

Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 14.03.2023. Дата выхода в свет 31.03.2023. Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 16,57. Тираж 1 000 экз. I завод – 250 экз. Заказ № 241. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.

Desktop publishing by *E. P. Gordina*.

Translation by *A. A. Somkin*.

Sub-editor *E. P. Gordina*.

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016.

Signed to print 14.03.2023. Date of publishing 31.03.2023. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 16.57. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 241. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.

